

Министерство науки и высшего образования
Российской Федерации
Байкальский государственный университет

Ю. М. Берёзкин

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ
ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Иркутск
Издательский дом БГУ
2024

УДК 336.01
ББК 65.26-01
Б48

Издается по решению редакционно-издательского совета
Байкальского государственного университета

Рецензенты

А. А. Атанов, проректор БГУ по учебной работе,
доктор философских наук, профессор

А. П. Киреенко, директор института БРИКС ИРННТУ,
доктор экономических наук, профессор

Берёзкин, Ю. М.

Б48 Проблемы развития финансовой деятельности /
Ю. М. Берёзкин. — Иркутск : Изд. дом БГУ, 2024. — 184 с.

ISBN 978-5-7253-3243-8.

В монографии сделана попытка выделения проблем финансов с позиций деятельностного подхода. Анализируются исторические предпосылки возникновения разных трактовок (типов) финансов. Выделяются проблемы функционирования и развития финансовой деятельности в России и за рубежом.

Предназначается для научных работников, преподавателей, финансистов-практиков, аспирантов, студентов.

УДК 336.01
ББК 65.26-01

ISBN 978-5-7253-3243-8

© Берёзкин Ю. М., 2024
© ФГБОУ ВО «БГУ», 2024

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
1. Проблемные точки финансов	8
1.1. Как традиционно соотносятся деньги и финансы?	8
1.2. Как понимается финансовая деятельность?	10
1.3. Ценные бумаги или финансовые инструменты?	15
1.4. Реальность и действительность финансов – в чем разница?.....	17
1.5. Исторические метаморфозы денег и проблема инвестирования	26
1.6. Финансовые учреждения и финансовые институты – есть ли различия?	41
1.7. Финансовая наука не работает, институты не сформировались – на что опираться?.....	56
2. Проблема исторической типологии финансов	77
2.1. Введение в проблему	77
2.2. Историческое происхождение понятия «финансы».....	82
2.3. Западноевропейские модели финансов	91
2.4. Модель «советских финансов» и условия их существования.....	107
3. Проблемность развития финансовой деятельности	117
3.1. Механизмы реализации институциональных норм	117
3.2. Изменения в финансовой деятельности конца XX – начала XXI века.....	126
3.3. Какие изменения в финансовой деятельности правомерно относить к ее развитию?	143
3.4. Проблема управления развитием финансовой деятельности	153
Заключение	166
Список использованной литературы	168

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данная работа имеет для меня особое значение — она является краткой «выжимкой» почти четвертьвекового периода моих исследований проблем финансов с позиций деятельностного подхода: я в 2002 г. защитил докторскую диссертацию на тему «Формы организации финансов: теория и методология», с тех пор проблемы финансовой деятельности меня не отпускают. И в данной работе финансы поданы не традиционно, не как объект отстраненно-созерцательного научного описания их сущности, функций, классификационных признаков и всего того, что мы обычно встречаем в российской учебной и научной литературе по финансовой тематике. В монографии сделана попытка представить финансы как особый тип человеческой деятельности — финансовой деятельности — наряду с иными ее типами: производящей, управленческой, образовательной, научной, политической и др. Финансовая деятельность, обладая всеми характеристиками деятельности вообще, имеет свою специфику, на анализ и представление которой и была направлена данная работа.

Подход, с позиций которого я пытался «препарировать» финансовую деятельность, базируется на методологии деятельности, разработанной в Московском методологическом кружке (ММК), работавшем около 40 лет под руководством выдающегося мыслителя современности Георгия Петровича Щедровицкого с середины 1950-х гг. до 1994 г., когда он ушел из жизни. За четыре десятилетия через ММК, который был неформальным объединением московских интеллектуалов (а потом — не только московских), прошло не менее тысячи человек. Работа в ММК строилась на очень жестких критических обсуждениях проблем сначала науки, а потом — мышления и деятельности вообще. Люди в ММК приходили, участвовали в дискуссиях, многие уходили, не выдерживая напряженности работы в кружке, приходили другие... И так — десятилетиями по три — четыре обсуждения разных

сложных вопросов в неделю. Все обсуждения записывались на магнитофон, потом расшифровывались и распечатывались. За этот период был наработан гигантский «монблан» идей, теоретических текстов и методологических разработок, который и называется теперь системомыследеятельностной (СМД) методологией. В настоящее время архив ММК составляет несколько сот тысяч единиц хранения, которые постепенно оцифровываются и публикуются (см. сайт «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого» fondgr.ru). К настоящему времени опубликовано уже несколько десятков книг только Г. П. Щедровицкого, а есть еще сотни публикаций его учеников и последователей (некоторые из всех этих публикаций находятся в списке использованной литературы в конце этой работы). Еще больше их представлено на моем персональном сайте berezkin.info.

Деятельностная методология, в отличие от любой предметной научной дисциплины, разрабатывает мыслительные средства (понятия, категории, схемы и др.) для конструктивного разрешения самых разных деятельностных ситуаций. Я же в данном случае видел перед собой задачу применения этих мыслительных средств для выявления проблемных точек и постановки проблем развития именно финансовой деятельности в России. Правильно поставить проблему — это наполовину ее разрешить. Насколько мне удалось справиться с данной задачей в рамках столь скромного по объему текста монографии, не мне судить, а недостатки ее я и сам отлично вижу. В одном я не сомневаюсь: сама проблема развития финансовой деятельности в России, которую я, видимо, лишь чуть-чуть наметил, имеет для страны гигантское значение.

Еще в 1809 г. М. А. Ротшильд произнес теперь широко известную фразу: «Дайте мне право выпускать и контролировать деньги страны, и мне будет совершенно все равно, кто издает законы». Если из данной эмоциональной фразы вытащить ее рациональное зерно, то оно, на мой взгляд, сведется к следующему: финансы правят миром. И если на Западе этот краеугольный тезис давно поняли и уже несколько столетий последовательно совершенствуют и развивают свою финан-

совую деятельность, тем самым подминая под себя оставшийся мир, то в России с этим вопросом дела идут, мягко говоря, недостаточно хорошо.

Самый проблемный, на мой взгляд, момент с российскими финансами состоит в том, что, с одной стороны, еще 120–150 лет назад собственных финансов здесь вообще не было, но за последующие годы их понимание (онтологическая модель) у российских финансистов качественно менялось минимум четыре раза — от западно-европейского их понимания на начало XX в. как «государственного финансового хозяйства» к «советским финансам», затем — к их отторжению и попытке встроиться в западные финансовые институты, наконец, в настоящее время пришли почти к полной разрухе российского финансового сектора, в то время как на Западе был сделан еще один шаг в развитии, получивший название «финтех». При этом в головах нынешних российских ученых-финансистов и политиков царит почти полный хаос: с одной стороны, у многих никуда не делись советские представления о финансах без каких бы то ни было практических условий для их существования; с другой — не удалось за 30 лет сформировать свои собственные «рыночные» финансовые институты (они — в полуразваленном состоянии); с третьей — набирает обороты политическая претензия на создание собственного финансового полюса мира.

И я пытался в данной работе показать, какая путаница царит в специальной литературе о понимании (точнее — непонимание) сути финансовой деятельности и ее институциональной организации. Наконец, в вопросах развития финансов наблюдается «полный вакуум» — нет даже намек на то, что хотя бы на горизонте в ближайшее время может замаячить путь к развитию собственных российских финансов.

При написании монографии я широко опирался на многочисленные работы как дореволюционных российских финансистов (А. И. Буковецкий, И. Х. Озеров, Л. В. Ходский, И. И. Янжул и др.), советских (В. П. Дьяченко, А. М. Бирман, Б. М. Сабанти, С. В. Барулин и др.), европейских (Ф. Нитти, Л. Штейн, Й. Шумпетер, Ф. Бродель и др.), американских

(Р. Коуз, Д. Норт и др.), а также на работы методологов и финансовых инженеров (Г. П. Щедровицкий, В. Я. Дубровский, С. В. Попов, В. Г. Марача, Г. Г. Копылов, С. Б. Чернышев и др.). В списке использованной литературы больше 170 источников.

Хотелось бы поблагодарить Л. В. Каницкую, с которой у нас было написано несколько статей по данной теме и которая помогла мне в трудоемкой работе по редактированию и оформлению монографии. Признателен я В. Г. Марача и В. П. Гмырко за их замечания и ценные советы.

Ю. М. Берёзкин
Октябрь 2024 г.

1. ПРОБЛЕМНЫЕ ТОЧКИ ФИНАНСОВ

1.1. Как традиционно соотносятся деньги и финансы?

Всем современным людям, несомненно, знакомы слова «деньги» и «финансы». Но если спросить, какие понятия стоят за этими достаточно обыденными словами-«этикетками» соответствующих понятий, то большинство людей наверняка окажутся в затруднении. В повседневной жизни люди часто отождествляют финансы с деньгами (денежными средствами). Ярким свидетельством тому могут служить слова песни, которую какое-то время назад исполнял популярный тогда певец Александр Буйнов. «Мои финансы поют романсы...» — пел он с эстрады, и все это понимали вполне однозначно: у человека нет денег, для которых использовано слово-синоним «финансы».

Кому-то данный пример может показаться шуточной игрой слов. Но и в серьезных разговорах (текстах), в том числе в официальных, часто можно слышать (читать) словосочетание «финансовая помощь» (человеку или даже целой стране). При этом все опять же это понимают однозначно — помощь деньгами. Но говорят почему-то не «денежная помощь» (что, на мой взгляд, было бы правильнее), а «финансовая».

Если заглянуть в учебную и научную литературу современной России, то, как ни странно, и там нетрудно найти примеры подобного же отождествления денег и финансов. «Понятие “финансы” зачастую отождествляют с деньгами», — пишет в учебном пособии для бакалавров «Финансовое право» А. С. Чуева с коллегами в [1, с. 91]. Кто-то скажет: «Учебное пособие не очень хорошее свидетельство». Возможно. Но берем совсем недавнюю научную статью в «Известиях БГУ» (авторы — В. И. Самаруха и И. В. Самаруха) и читаем: «После отмены США золотого стандарта трудно определить различия между деньгами и финансами» [2, с. 274]. Правда, эти авторы уточняют: «В рыночной экономике финансы необходимо рассматривать как специфический универсальный вид товара —

деньги при их движении» [2, с. 274]. Но ведь, если деньги перестают двигаться, они перестают быть деньгами — это показал еще К. Маркс в первом томе «Капитала» [3, гл. 3]. Выходит, как ни уточняй, деньги и финансы — одно и то же не только в устах обывателя или политика, но и в работах ученых.

Есть в научной литературе примеры и других трактовок финансов, и они могут очень сильно отличаться друг от друга. Так, в российской финансовой литературе под финансами традиционно понимаются экономические отношения, связанные с использованием фондов¹ денежных средств в целях выполнения функций государства и обеспечения условий расширенного воспроизводства. С небольшими текстуальными вариациями указанные сущностные моменты финансов — денежные отношения, фондовый (распределительный) характер и ориентация на государственные потребности (функции) — можно встретить у многих современных российских авторов [2, с. 274; 7, с. 11; 8, с. 8; 9, с. 17; 10, с. 20; 11, с. 4].

Но есть и иное понимание финансов, практически не совместимое с названными выше. Так, в совместной российско-американской монографии сказано: «Финансы — это специализированная прикладная функция административного управления, состоящая в управлении денежными потоками организации: будь то завод, госпиталь, банк или школа» [12, с. 14].

Иногда под финансами понимается вся совокупность денежных ресурсов государства, предприятий и населения² [38, с. 7], а также практика обращения с деньгами компаний, капитал³. В более редких случаях понимание финансов

¹ С понятием «фонды» тоже не все просто. Так, в «Финансовой энциклопедии» под редакцией И. А. Блинова и А. И. Буковецкого (1924) читаем: «Фонды (от лат. fundus — почва) — капиталы, имеющие определенное назначение. Во Франции — гос. займы» [4, с. 835]. В этом же смысле данный термин употреблялся и К. Марксом во втором томе «Капитала», где он писал о резервном денежном фонде и фонде накопления [5, с. 98–99]. В «Популярном финансово-экономическом словаре» под редакцией Д. П. Боголепова (1925) сказано, что в Германии и России под фондами понимались процентные бумаги вообще [6, с. 785]. Отсюда и название такого финансового института, как фондовая биржа, которая предназначена отнюдь не для накопления и распределения денежных средств.

² Финансовый словарь «Финам». Статьи на букву Ф (часть 2, ФИЗ — ФЛИ). URL: <http://economics.niv.ru/doc/dictionary/finam/fc/slovar-212-2.htm#zag-12090>.

³ Oxford learners dictionaries. URL: https://www.oxfordlearnersdictionaries.com/definition/english/finance_.

сводится к государственной казне (бюджету) или к доходам государства [1, с. 14–15]. Есть также точка зрения, согласно которой под финансами понимается категория, лежащая в основе деятельности государства [13, с. 12–15], а есть — когда финансы трактуются как инструменты для зарабатывания денег [14].

Еще более нетрадиционная точка зрения на финансы развивается представителями методологического (деятельностного) направления. Так, известный методолог С. В. Попов пишет: «Финансовая действительность — это не денежная действительность... Финансы — это альтернатива денежным отношениям» [15].

Проблемность ситуации состоит в том, что примирить или объединить такие разные трактовки финансов практически невозможно. Сторонники одного понимания считают недопустимым, что понятие «финансы» распространяется практически на все денежные отношения в обществе. К финансам стали причислять и денежные отношения негосударственных предприятий, и банковское дело, и домашнее хозяйство, и вообще все, что связано с движением денег [16, с. 12].

В свою очередь, их идейные противники полагают, что благодаря сохранению в общественном сознании (после более чем трех десятилетий с начала экономических реформ) понимания финансов, выработанного в советской системе хозяйствования [39], «у нас ситуация в финансах, может быть, более плачевная, чем в промышленности» [17, с. 167].

1.2. Как понимается финансовая деятельность?

Мы живем в условиях удивительного парадокса. С одной стороны, все понимают, что финансисты занимаются профессиональной деятельностью — финансовой деятельностью. Ходят на работу в финансовые организации. Преследуют определенные цели, как и в любой деятельности. Совершают действия. Выполняют финансовые операции — во всех финансовых организациях это делают. Попадают в ситуации, иногда — в очень сложные ситуации. Используют различные средства и финансовые инструменты, как и в любой другой

деятельности для достижения поставленных целей, и т. д. и т. п. Но при этом учат финансистов практически во всех российских вузах, будто бы финансы — «чистая наука», со всеми ее особенностями и недостатками: представлениями о том, что мир (в том числе финансовый) объективен (не зависит от людей), что он законосообразен (все движется по объективным законам), что научные знания не влияют на объекты изучения мира финансов и др.¹

Почти все приведенные в подразделе 1.1 трактовки финансов порождены именно из особой научной позиции, которую в деятельностной методологии принято называть «натуралистической» [18; 19, с. 143, 154]. Суть ее — во внешнем (отстраненном) взгляде на различные аспекты обширной области общественной жизни, именуемой «финансами», как на вещи.

Справедливости ради надо сказать, что словосочетание «финансовая деятельность» достаточно широко используется [20–26; 38]. Но анализ данных источников показал, что *ни у кого* из авторов этих работ нет ни малейшего представления о человеческой деятельности как таковой и о ее особом типе — финансовой деятельности. Так, у Ю. С. Долгановой с коллегами [20] под финансовой деятельностью понимается текущая работа органов государственной власти (ФНС РФ, Казначейства РФ, МФ РФ, муниципальных органов), а также деятельность² финансово-промышленных холдингов, банков и инвестиционных фондов. В работах И. А. Бланка [21; 22] под финансовой деятельностью понимается привлечение акционерного капитала для финансирования хозяйственной деятельности предприятия. А. Н. Поддерегин [23] финансовую деятельность понимает как систему мер по финансовому обеспечению деятельности предприятий. А. А. Пешкова [24] под финансовой деятельностью понимает управление (менеджмент) финансовыми ресурсами. Для Н. Н. Воробьевой [25] финансовая деятельность — это формирование, распределение и использование финансовых фондов. В. С. Кефалиди под финансовой деятельностью понимает «процесс... формирова-

¹ См. подробнее в подразделе 1.7.

² То, что эта формулировка тавтологична, авторы даже не замечают.

ния и использования финансовых ресурсов предприятия для обеспечения экономического и социального развития» [26], а С. В. Барулин с Т. М. Ковалевой — привлечение финансовых ресурсов, извлечение доходов, осуществление инвестиционных расходов и любые другие денежные операции [38, с. 7].

Нетрудно видеть, что во всех упомянутых случаях господствуют опять же чисто натуралистические представления: конкретные люди, облеченные полномочиями, в органах власти или на предприятиях и в банках манипулируют деньгами. Все это указанные выше ученые трактуют как финансовую деятельность.

Между тем один из крупнейших методологов В. Я. Дубровский пишет в работе «Очерки по общей теории деятельности» [27, с. 172]: «Одним из важнейших принципов натурализма, задающим определенность явлениям природы, является принцип законосообразности природы... Деятельностный аналог принципа законосообразности — принцип нормативности деятельности — Г. П. Щедровицкий формулирует следующим образом: “*Всякая деятельность есть реализация норм*”¹. Я бы сформулировал этот принцип более жестко: *деятельность... детерминируется, а лучше — определяется, а еще лучше — задается нормами исключительно и исчерпывающе*».

Последний тезис в полной мере относится и к финансовой деятельности людей, или — к финансам, трактуемым как деятельность. В деятельностном подходе различают много типов деятельности: производящую, оргуправленческую, образовательную, проектировочную, политическую, экономическую... (перечень не исчерпан). Финансовая деятельность — один из многочисленных типов человеческой деятельности. Поэтому она, имея свою специфику по сравнению с другими типами деятельности, обладает всеми принципиальными характеристиками «деятельности вообще».

¹ В экономической науке, насколько мне известно, понятие «деятельностная норма» практически не обсуждается и не используется, ибо это понятие излишне при созерцательном (познавательном) отношении к экономике и финансам. Есть работы, например [28; 29], в которых «норма» как правило поведения людей трактуется с правовой или этической точки зрения. Но это опять же к деятельностному подходу отношения не имеет.

Определить деятельность (сказать, что это такое в аристотелевом смысле, т. е. в форме краткой формулировки: это есть то...)¹, с точки зрения деятельностного подхода невозможно, ибо к деятельности неприменимы родо-видовые отношения, т. е. в деятельности (в том числе финансовой) нет никаких «сущностей»². К ней неприменимы аристотелевские категории «род» и «вид». И функции в деятельности трактуются не как в [38, с. 8] — как «формы проявления сущности (финансов)», а как назначение чего-либо в конкретной организованности деятельности. Этот тезис особенно принципиален, так как в деятельности все «вещи» постоянно перефункционализируются, переходя из одной структуры деятельности в другую (что недопустимо даже предполагать в натуралистическом подходе).

«Заменителями» определений в деятельности служат понятия. Понятие — это более или менее сложная структура смыслов, каждый из которых осмысляет отдельные деятельностные процессы, входящие в соответствующее понятие. В понятие «деятельность» входит по крайней мере десять смысловых «сгустков»³.

¹ В деятельностном подходе не используют такой научный инструмент мысли, как «определение». Данный логический инструмент был сконструирован когда-то Аристотелем. Он детально прописал его устройство во второй книге «Второй аналитики» [30]. Изначально правильно построенные определения служили для доказательства существования первичных (видовых) сущностей чувственно ощущаемого мира. Принцип, на котором строится Аристотелем определение чего-либо, состоит в следующем: за основу берется родо-видовая картина мира. В рамках этой (и только этой!) картины мира вид чувственно ощущаемого явления (первая посылка силлогизма) подводится под соответствующий ему род (вторая посылка) с обязательным указанием сущностного признака данного вида (третья посылка). Или то же самое: вид А подводится под род Б с указанием признака В. В деятельностном подходе так построенные определения неприменимы по простой причине: деятельность (любую, включая финансовую) невозможно поместить в родо-видовую картину мира.

² «Сущность» (по Аристотелю) — это «чтойность вещи» как таковой, безотносительно к людям. Эта категория применима только вещам природного мира.

³ Деятельность: а) субстанциональна; б) состоит из организованных разных уровней и типов; в) она воспроизводима и культурно нормирована; г) на низовом уровне состоит из отдельных актов; д) деятельностные места функциональны; е) деятели рефлексивны; ж) деятельностные акты кооперативно связаны; з) деятельность ситуативна; и) деятельностные процессы системно организованы; к) деятельность сферна. Все они подробно описаны в [31, с. 27–80; 32, с. 24–56; 34, с. 40–80].

Г. П. Щедровицкий писал в [33, с. 584]: «Единственная схема, через которую деятельность может быть задана, — это схема воспроизводства деятельности». На рисунке 1 эта схема изображена в одном из графических вариантов.

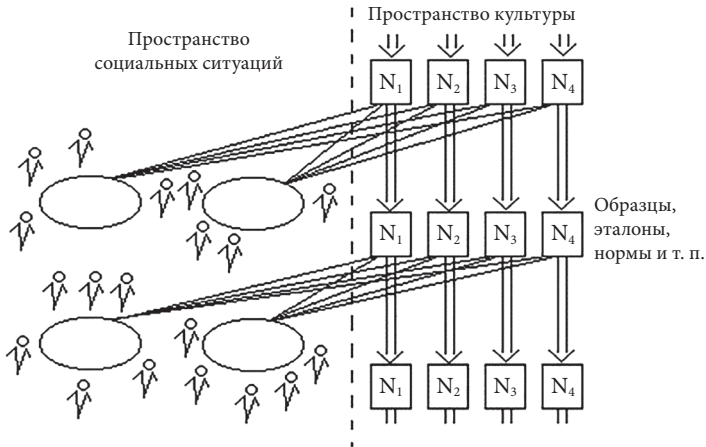

Рис. 1. Схема-принцип воспроизводства деятельности и трансляции культуры

Источник: [31, с. 118]

На схеме, представленной на рисунке 1, зафиксированы два принципиально разных пространства: пространство культуры¹, где транслируются во времени образцы, эталоны

¹ В обыденной жизни под словом «культура» в большинстве случаев понимают отрасль, в которой люди занимаются разными искусствами — театры, кино, музыка, живопись, скульптура и т. п. Все это называют одним словом — «культура», а ведомство, их курирующее, — министерством культуры. Г. П. Щедровицкий пишет: «В Америке есть известная работа А. Кребера и К. Клакхона “Идея культуры”. Там дано 234... существующих определения культуры, но — все они не работают» [33, с. 584]. В деятельностном подходе понятие «культура» восходит к исходному историческому пониманию латинского слова culture — «делание, возделывание». То есть понятие «культура» носило изначально деятельностный характер. А первым его практическим проявлением была, как известно, агрокультура, т. е. применение специально отработанных до образцового состояния способов обращения с дикоросами, благодаря чему они сильно менялись, становились более полезными для людей, более урожайными и т. п., и они называются с тех пор сельскохозяйственными культурами. А их обработка — культивированием. Потом этот же принцип (отработка и нормирование способов работы и их практическое тиражирование) перенесли на все другие типы деятельности, в том числе на финансовую.

и нормы деятельности, и второе пространство — пространство социальных ситуаций, в которых нормы (образцы, эталоны) практически реализуются.

Из всего вышесказанного следует чрезвычайно сложная проблемная ситуация, в которой Россия оказалась с началом 1990-х гг.: утратив советские формы (нормы) финансовой деятельности¹, здесь так и не смогли освоить рыночную (западную) культуру финансов.

Более того, как показывает анализ современной российской финансовой литературы, через 30 лет даже элементарного понимания об этом не существует. Поэтому до сих пор у нас нет собственных денег, фондовый рынок практически мертвый, создана «допотопная» банковская система, которая не эмитирует инвестиционные деньги, и другие «прелести» стран третьего мира (подробнее см. в [34, с. 85–86]).

1.3. Ценные бумаги или финансовые инструменты?

Для людей с натуралистическим мировоззрением никакой разницы между этими двумя словосочетаниями нет, они синонимичны. Так, в статье 142 ГК РФ читаем: «Ценными бумагами являются акция, вексель, закладная, инвестиционный пай паевого инвестиционного фонда, коносамент, облигация, чек и иные ценные бумаги, названные в таком качестве в законе или признанные таковыми в установленном законом порядке»². То же самое понимание демонстрируется и в учебной литературе [35, с. 39], и в научной [36–38]. Если набрать в поисковике словосочетание «финансовый инструмент», то первое, что «выпадет»: «Финансовый инструмент — стандартизированные ценные бумаги акция, облигация, фьючерс, опцион и т. п.), обладающие относительно простой системой отчуждения, что потенциально обеспечивает их высокую ликвидность»³. Вот еще образчик подобного же понимания: «Согласно Федеральному

¹ Об этом подробнее в подразделе 2.4.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 г. № 51-ФЗ: (ред. от 08.08.2024 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Финансовый инструмент. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Финансовый_инструмент.

закону РФ о рынке ценных бумаг (от 22.04.1996 г. № 39-ФЗ), к финансовым инструментам относятся... ценные бумаги»¹.

Подобных примеров можно найти великое множество. И это, на мой взгляд, отнюдь не говорит о «безграмотности» авторов указанных выше публикаций. Все это лишь наглядно свидетельствует, что большинство людей в России до сих пор живут в натуралистическом мировоззрении, а исследования проводят в естественно-научной парадигме (подходе). Для них финансовый мир мало отличается от натурального, природного мира. И ценные бумаги, и финансовые инструменты — те же вещи, с которыми следует обращаться, как с любыми вещами, в том числе покупать их, продавать, накапливать и т. п.

Натуралистическому подходу, начиная с К. Маркса, противопоставляется деятельностный подход [19; 27]. Так, В. Я. Дубровский пишет в [27, с. 19]: «Деятельностный подход противопоставляется... натуралистическому подходу — натуралистическим способам и средствам мышления, способам организации мышления и представления объекта». Люди, живущие в деятельностном мире (в онтологии деятельности), ориентированы на целенаправленное делание (переделывание, совершенствование) чего-либо с использованием разнообразных инструментов (средств). Всякая деятельность инструментальна (средствительна). И термин (понятие) «финансовый инструмент» явно указывает, что там, где он зародился, люди работали в деятельностном подходе. Широко распространенное ныне словосочетание «денежные средства» говорит о том же. Но и его чаще всего используют (в том числе «натуралисты от финансов»), не отличая собственно деньги от денежных средств². Если же люди живут и

¹ Финансовые инструменты (в экономике) // Большая российская энциклопедия. URL: <https://bigenc.ru/c/finansovye-instrumenty-v-ekonomike-893e08>.

² Сами по себе деньги средством не являются. Они становятся «средством», когда люди начинают их использовать именно средствительным образом, что-то делая с их помощью. В других ситуациях деньги могут стать «финансовым ресурсом», «денежным запасом» и т. д. Перефункционализация материальных организованностей в деятельности — обычная вещь, о которой писал еще К. Маркс [3]. Данная важнейшая особенность всякой деятельности подробно описана в [34, с. 67]. Для натуралистического подхода это абсолютно чуждо. И наоборот, как пишет В. Я. Дубровский в [27, с. 42], «традиционные естественно-научные категории “вещь”, “свойство”, “отношение”... не годятся для представления деятельности».

работают в натуралистической онтологии (например, в рамках современной финансовой науки), то они могут только отражать «объективную» финансовую реальность и описывать ее. Но любые подобные описания не позволяют адекватно осуществлять финансовую деятельность.

И вырисовывается чрезвычайно важный проблемный момент: если ставится типично деятельностная задача создания в стране современных финансов, тем более – развития финансовой деятельности, то необходимо сознательно отказываться от неадекватного (для данной задачи) натуралистического аппарата и соответствующего мышления, осваивая деятельностные способы работы.

1.4. Реальность и действительность финансов – в чем разница?

В деятельностном подходе фундаментальное значение имеет понятие «действительность», а применительно к финансам – «действительность финансовой деятельности». Без этого понятия различить разные деятельности бывает весьма затруднительно. При этом понятие «действительность» следует отличать от понятия «реальность». Г. П. Щедровицкий здесь не оставляет двусмысленности. Он пишет: «Действительность – это не реальность, а реальность – это не действительность. Надо сказать, что раньше это было всем хорошо известно, но затем – я не знаю точно, когда это произошло – все перепуталось и смешалось: стали говорить, что действительность реальна, а реальность действительна» [40, с. 234–235].

Если же посмотреть, что относительно этих понятий думают другие авторы, не работающие в рамках деятельностного подхода, то легко выясняется полная неразбериха в этом вопросе. Так, И. Кардуев утверждает, что «термины “реальность” и “действительность” часто используются как синонимы»¹. Е. Силаев полагает, что «реальность –

¹ Кардуев И. Реальность и действительность — особенности // Проза.ру. URL: <https://proza.ru/2024/01/20/1647>

разумная оценка восприятия, а действительность — эмпирическая оценка. Поэтому действительность может быть реальной или нереальной в ее понимании. Реальность может быть действительной в ее восприятии, как объективно существующая»¹.

Есть представление, что «действительность (произв. от слова “действие”) — осуществленная реальность во всей своей совокупности — реальность не только вещей, но и овеществленных идей, целей, идеалов, общественных институтов, общепринятого знания. В отличие от реальности, действительность включает в себе также все идеальное, которое приняло вещественный, материальный характер в виде различных продуктов человеческой деятельности — мира техники, общепринятого знания, морали, государства, права... Реальность — объективно явленный мир. Явленный — воспринятый и осознанный. 90 % восприятия мира человек делает посредством глаз»².

Можно встретить и прямо противоположное суждение: «Действительность — это то, что есть независимо ни от чего и это можно многократно проверить действиями. Реальность же — это внутреннее переживание через восприятие действительности. Другими словами, действительность — это объективная сторона мира, а реальность — это наше субъективное восприятие и переживание действительности»³.

В «Философской энциклопедии» читаем: «Действительность — объективная реальность как конкретно развитая совокупность природных и общественно-исторических явлений; все существующее с необходимостью как результат закономерного развития природы, общества и духовной культуры в ее объективном значении... Реальность (*лат.*,

¹ Евгений Силаев | Философский штурм. URL: philosophystorm.ru.

² Реальность и действительность // Newsland. 2013. 30 марта. URL: <https://newsland.com/post/1906443-realnost-i-deistvitelnost?ysclid=m0vzrx4yzs916414400>.

³ Как понять, что это реальность. Реальность и действительность: как отличить и понять разницу // telegra.ph. 2024. 3 июля. URL: <https://telegra.ph/Kak-ponyat-hto-eh-to-realnost-Realnost-i-dejstvitelnost-kak-otlichit-i-ponyat-raznicu-07-03?ysclid=m0vzxmizn1804727839>.

позднелат. realis – вещественный) – вещественность, абстрагированная от рефлексивности, выводимой от познавательной связи»¹.

Если же задаться вопросом, что понимается под словосочетанием «финансовая реальность», легко найти, например, такое достаточно бредовое суждение: «Финансовая реальность, финансовый мир – это тот набор экономических стратегий, которые вы выбираете и которым вы следуете. Проще говоря, финансовая реальность – это ваш путь, это ваш способ зарабатывать себе на хлеб»².

Но самое удивительное, на мой взгляд, то, что у российских финансистов (и, видимо, не только у них) понятие «финансовая действительность» вовсе отсутствует. Во всяком случае, мне не удалось найти ни у одного из авторов даже упоминания о нем. Правда, С. В. Барулин в [38, с. 6] и некоторые другие авторы используют словосочетание «реальная действительность» (не поясняя, впрочем, что за этими маловразумительными, на мой взгляд, словами подразумевается). А «финансовой действительности» (или «действительности финансиста») нет в принципе.

Если с понятием «реальность» (реальный мир) в целом все более или менее понятно – это окружающий нас материальный, вещественный, объективно явленный мир (в экономической литературе применяется даже относительно устойчивое словосочетание «реальная экономика»³), то с действительностью, тем более с финансовой действительностью, все не так просто. Попробуем разобраться с этим понятием.

Понятие «действительность» Г. П. Щедровицкий вводил в книге «Знак и деятельность» [40] с использованием деятельностной схемы получения атрибутивного научного знания (рис. 2).

¹ Действительность // Философская энциклопедия. Т. 1. С. 442–444. URL: <http://caute.ru/ilyenkov/texts/enc/real.html>.

² Какую финансовую реальность вы выбираете? // Синтон: тренинг-центр : сайт. URL: <https://syntone.ru/article/kakuyu-finansovuyu-realnost-vy-vybiraete>.

³ Сектора экономики, производящие материальную продукцию: реальная экономика // Википедия : сайт. URL: https://en.wikipedia.org/wiki/Real_economy.

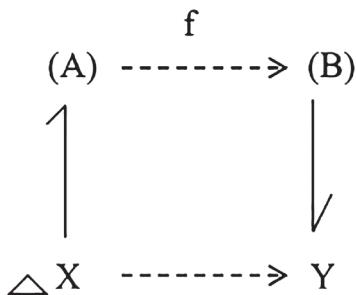

Рис. 2. Схема получения атрибутивного научного знания:

X, Y — реальные объекты; (A), (B) — знаковые формы;

Δ — действия с реальными объектами; f — операции со знаками;

\updownarrow — отношения «замещения» и «отнесения»;

----> — процесс оперирования (действия)

Источники: [19, с. 590; 40, с. 236; 32, с. 117; 41, с. 52]

В деятельностном подходе знание получают не за счет созерцания эмпирического объекта изучения и отражения в сознании его характеристик (как это понимается, начиная с Дж. Локка у «натуралистов», см. в [32, с. 86–87]), а за счет:

- осуществления действия ΔX на изучаемый объект;
- операции замещения — на схеме обозначено полустрелкой вверх — знаковыми формами (A) свойств объекта, фиксированных при действии;
- операций со знаковыми формами;
- операции отнесения (обозначено полустрелкой вниз) результата операций f со знаками (B) к объекту Y в состоянии после действий на него.

Г. П. Щедровицкий пишет в работе «Знак и деятельность» [40, с. 241]: «Действительность служит... для объединения познавательной и практической деятельности». То есть, если смотреть на схеме, приведенной на рисунке 2, речь идет об объединении верхнего процесса оперирования со знаками и нижнего — оперирования с объектом исследования. И далее он говорит: «...действительность образуется благодаря тому, что мы “накладываем” наши знания на объекты нашего практического оперирования» [там же, с. 242]. Затем

он поясняет, что «действительность есть то, что обеспечивает соединение “теоретической сферы”, представленной в знаниях, и “практической сферы”, представленной непосредственным оперированием. Поэтому можно также сказать, что действительным в знании является то, что непосредственно используется в практической деятельности... И мы говорим, что знание действительно, если ему соответствует какая-либо практическая деятельность, и мы говорим, что объект действителен, если практика с этим объектом строится на основе зафиксированных в нашей культуре знаний, и мы можем говорить о практике, что она действительна¹, фиксируя тем самым, что на нее опущены пирамиды накопленных знаний» [40, с. 243–244].

Схема, представленная на рисунке 2, фиксирует принцип получения атрибутивного знания в исследованиях естественнонаучного типа. Но этот же принцип работает и в самой деятельности людей. В практической деятельности на ее низовом уровне² (на уровне отдельного «акта деятельности») одним из важнейших средств работы является деятельностьная схема, которая задает устройство способа работы в конкретном акте деятельности. При этом принято различать «рабочие схемы» и «схемы-принципы». Первые носят «одноразовый» характер – строятся под конкретную ситуацию затруднений в практической работе. После того, как ситуация будет схемным образом (т. е. за счет специально построенной рабочей

¹ Г. П. Щедровицкий приводит пример, позволяющий понять, что действительно, а что нет: «Можно сказать, что какая-то практика давно уже недействительна. Если, скажем, мы продолжаем изготавливать металлические трубы для наших канализационных систем и непрерывно чиним их из-за того, что они ржавеют, в то время как весь мир давно уже производит синтетические трубы, то можно сказать, что наша практика недействительна: она не соответствует накопленным к настоящему времени научным знаниям и соответствующим способам практической работы. И точно так же, если мы начинаем строить какой-то новый вид знаний и пока все дело ограничилось одним этим строительством и нет никакой практики, которая бы строилась на основе этих знаний, то мы можем сказать, что пока наши знания недействительные» [40, с. 244]. В этой связи можно сказать, что почти вся нынешняя российская финансовая практика, которая строится на давно устаревших представлениях о советских финансах [38; 39], является уже недействительной, хотя и реальной.

² Об уровнях организации деятельности подробно будет говориться в подразделах 1.6 и 3.1.

схемы) разрешена, такая схема обычно распадается, поскольку для других ситуаций неприменима. А вот схемы-принципы носят «долгоиграющий» характер: с их помощью культурно организуется профессиональная деятельность, включая финансовую (рис. 3).

Рис. 3. Минимальная структура акта деятельности

Источники: [42, с. 23]; аналог в [32, с. 30]

На рисунке 3 изображена минимальная структура¹ любого акта деятельности, которая состоит из функционального места (позиции) деятеля (условная фигурка человечка, куда может входить реальный человек, становясь деятелем), трех пустых функциональных мест, куда деятель помещает цель деятельности, средства, необходимые для достижения цели, и объект воздействия (деятельностного преобразования).

Вся структура акта деятельности помещается в рамку конкретного способа работы (в действительность). На рисунке 3 также изображена рефлексивная «петля» (обычно

¹ Есть в литературе более детальные схемы акта деятельности. См., например: [19, с. 267; 40, с. 169]. А в данном случае представлен необходимый минимум функциональных мест акта деятельности.

деятельностная рефлексия помечается звездочкой *), которая идет от деятельностной позиции к рамке способа работы и обратно к деятелю.

На практике это все означает не простую картинку, на которую можно смотреть со стороны. Чтобы «картинка» превратилась в деятельностную схему, ее нужно как бы «надеть на себя», превратив в свой собственный принцип работы (потому и схема-принцип). В каждой профессии своя схема-принцип, которая и задает действительность соответствующей профессиональной деятельности: в производящей деятельности одна схема-принцип, в управленческой – другая, в образовательной – третья, в юридической – четвертая и т. д. В финансовой деятельности тоже давно имеется своя схема-принцип профессиональной (в этом смысле культурной) работы любого финансиста. Когда удается на практике нащупать принципиально новый способ работы, оформить его в качестве образцовой (культурной) нормы работы и зафиксировать в принципиальной схеме, появляется новая профессия, которой можно учить, а затем выпускать специалистов работать во вновь созданной профессиональной действительности.

Финансовая действительность стала складываться в Европе в конце XIV – начале XV в. На этот счет в литературе есть прямые свидетельства. В частности, об этом писал классик экономической истории Ф. Бродель [43], дореволюционный российский финансист Л. В. Ходский [44], а также С. В. Попов [17]¹. С точки зрения логики, суть первой, практически

¹ В литературе подробно описывают причины и суть первых денежных операций данного типа, которые опосредовались долговыми расписками [43, с. 130; 44, с. 118; 17, с. 169; 41, с. 23]. Расписка на латыни называлась *fine*. Отсюда и слово «финансы». Смысл дела состоял в том, чтобы в условиях так называемой «дальней» (термин Ф. Броделя) торговли португальских производителей овечьей шерсти с итальянскими ее потребителями, когда серебряные деньги значительные периоды не работали (как металлический балласт, месяцами лежали в трюме каравеллы во время длительного морского перехода), заменить их долговой распиской (*fine*). А вырученные от продажи шерсти деньги в это же время пустить в обычный коммерческий (короткий) оборот для дополнительного зарабатывания прибыли. Впоследствии были найдены и другие ситуации, в которых деньги по каким-то причинам «плохо» работали, и для них придумали другие заменители — акции, облигации, чеки, векселя, форварды, фьючерсы, пластиковые карты и т. д. и т. п. Все они теперь называются финансовыми инструментами.

реализованной деятельностной финансовой схемы состояла в «раздвоении» (удвоении) денежного номинала: тот суммарный номинал денег (например, 1000 дукатов), который был получен в качестве платы за проданный товар, дублировался в долговой расписке. Таким образом, номинал денег «раздваивался», и они в дальнейшем (в течение оговоренного срока) работали в двух разных процессах (рис. 4).

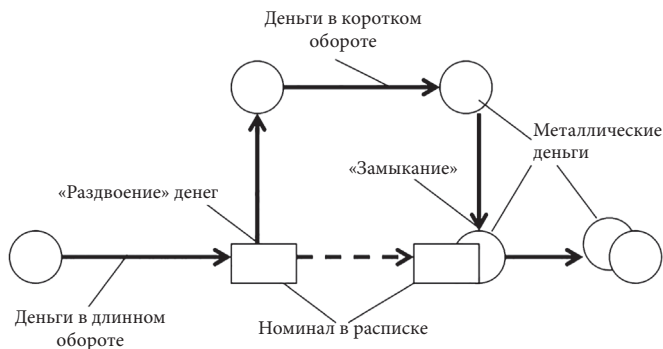

Рис. 4. «Раздвоение» денежного номинала и его работа в двух процессах

Источники: [17, с. 169]; аналог в [41, с. 24]

На рисунке 4 зафиксировано три принципиальных момента, различных теперь в любой частной финансовой операции: 1) момент возникновения финансового отношения — отделение номинала денег от их материала-носителя, или «раздвоение» денежного номинала; 2) параллельное движение в разных процессах металлических денег и их «бумажного» заменителя, имеющего лишь тот же номинал; 3) момент «замыкания» финансовой операции, или в современной трактовке — «учет векселя» (обратное замещение «бумажного» номинала металлическими деньгами).

В схеме на рисунке 4 самым важным моментом является третий пункт: в случае своевременного «замыкания» операции — общее богатство вырастет. Если же схему «бросали» незамкнутой, то кто-то обязательно оказывался в проигрыше, так как денежный суррогат оставался без обеспечения и быстро обесценивался.

Теперь в развитых странах финансистами считаются те люди, которые умеют отыскивать (видеть) в экономической реальности те ситуации, в которых деньги по каким-то причинам перестают двигаться с привычным темпом, вставляют в такие ситуации подходящие финансовые инструменты (их теперь сконструировано сотни), замещая ими «плохо» работающие деньги. Последние вытаскивают из такой ситуации, направляя в другие места, где деньги работают эффективнее. Что касается распределения денег по фондам и бюджетам, то ее в развитых странах давно уже относят не к финансовой деятельности, а к денежному администрированию.

Возвращаясь опять к структуре акта деятельности (см. рис. 3), теперь его можно наполнить финансовым «материалом» (рис. 5): целью любого акта финансовой деятельности является размножение денег (денежных номиналов); в качестве средств достижения цели используют те или иные финансовые инструменты; объектом, с которым работает финансист, является ситуация «затора» (остановки) в движении денег.

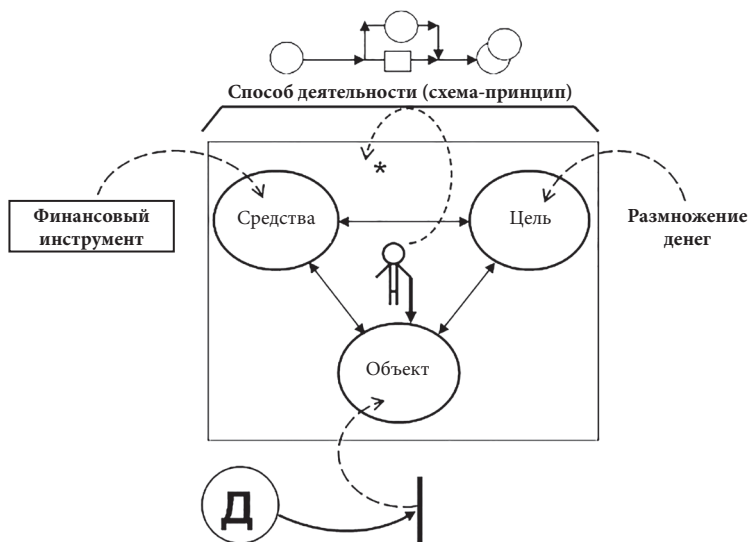

Рис. 5. Наполнение акта финансовой деятельности

Источник: рисунок автора

Схемой-принципом, служащей рамкой работы финансиста, или его действительностью, является схема раздвоения денежных номиналов с последующим замыканием схемы и погашением (ликвидацией) «бумажных» номиналов.

Не понимая, что собой представляет финансовая действительность и как она должна строиться, современные финансы в стране создать вряд ли возможно.

1.5. Исторические метаморфозы денег и проблема инвестирования

Когда было понято, что финансовая операция, придуманная португальцами, оказалась успешной, начали специально искать ситуации, в которых деньги по каким-то причинам работают «плохо» (или вообще выходят из обращения). Скоро выяснилось, что такие ситуации в экономических отношениях встречаются довольно часто. Для всех подобных ситуаций конструировались свои бумажные заменители денег с нужными характеристиками, получившие впоследствии общее название «финансовые инструменты». Финансовые инструменты разных типов скоро стали исчислять десятками. Теперь они все хорошо известны — это акции, облигации, чеки, векселя и т. п. Стало понятно, что финансовые инструменты в определенных местах, иногда довольно длительное время, могли не только успешно замещать деньги, но и выполнять их функции.

С распространением частных финансовых операций у мыслителей возник «крамольный» вопрос: а нельзя ли вообще освободиться от дорогостоящего материала — носителя денег, коим являлись золото и серебро? (рис. 6 и 7). В логическом плане это означало разрыв связки ДН — ДМ (на рис. 6 — двухсторонняя вертикальная стрелочка).

Решение этого вопроса было чрезвычайно злободневно для стран Центральной и Северной Европы, где в это время начали бурно развиваться капиталистические отношения, но этому сильно препятствовало то обстоятельство, что в Альпах и других горных массивах Европы полностью отсутствовали месторождения золота. И денег на золотом материале-носителе катастрофически не хватало, чтобы обслуживать быстро растущий товарооборот.

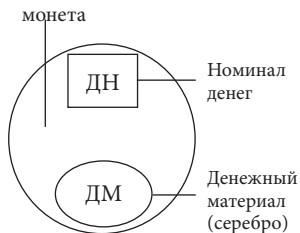

Рис. 6. Структура средневековых (металлических) денег

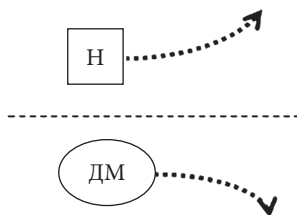

Рис. 7. Отрыв номинала от денежного материала

Среди европейских мыслителей уже в XVI в. стал обсуждаться вопрос: что в деньгах является основным — денежный номинал (знак) или денежный материал (металл)? Мишель Фуко, чьи работы сейчас признаны классическими, специально занимался данной проблемой. Он в работе «Слова и вещи» писал по данному поводу: «В XVI в. экономическая мысль почти целиком была занята проблемами вещественной природы денег... Проблема вещественной природы денег — это проблема природы эталона» [45, с. 195]. И далее: «Деньги были верной мерой постольку, поскольку они не означали ничего другого, кроме своей способности быть эталоном для богатств, исходя из их собственной материальной реальности богатства» [там же, с. 196].

Далее М. Фуко утверждает, что XVII в. полностью смещает анализ. Деньги становятся *инструментом представления* богатств, а богатства — содержанием, представленным деньгами. Становится понятным, что деньги заимствуют свою ценность не у вещества, из которого состоит их материал, но лишь у формы, являющейся образом или знаком Государя [там же, с. 195–196]. Золото потому является драгоценным, что оно служит деньгами, но не наоборот. Отношение, прочно зафиксированное до XVI в., переворачивается: деньги получают свою ценность благодаря чистой функции знака. М. Фуко утверждает, что XVII в. освободил деньги от постулата действительной стоимости металла. Здесь же М. Фуко цитирует одного из видных экономистов того времени Ж. Ги:

«Безумны те, для кого деньги есть товар, как всякий другой» [45, с. 201–203].

Уже тогда имелось осознание, что основное в деньгах не золото, а знак. Золото (серебро) есть только материал — носитель знака. И возникла идея освободиться от дорогого материала-носителя, придать деньгам максимально адекватную форму — знаковую, превратить их в денежные знаки как таковые. И теперь мы знаем, что XVIII в. прославился уже не только обсуждением проблем денег, но и практическими попытками заместить в обращении металлические деньги бумажными ассигнациями.

Понимание мыслителями XVII в. знаковой природы денег — особой сущности, или экономической семиотики, само по себе не могло стать распространенным среди народа — ни коммуникаций, ни соответствующих систем образования тогда не существовало. Чтобы в сознание широких масс проникла эта идея, нужно было придумать и организовать на практике особые денежные расчеты, которые самим фактом своего осуществления каждый день подтверждали бы, что деньги — это прежде всего знак, а не металл. И такой способ внедрения в массовое сознание знаковой идеи денег, как отмечает Л. В. Ходский в [44, с. 341], «всецело связан с именем одного из замечательных финансистов, шотландца Джона Ло».

В 1716 г. Дж. Ло, приехав в Париж и пообещав быстро обогатить французскую казну, добился разрешения у регента малолетнего французского короля Людовика XV начать эмитировать королевским банком (Royal Bank) бумажные луидоры¹. Эта попытка оказалась не до конца продуманной, поэтому неудачной и через четыре года провалилась. Однако Дж. Ло не был заурядным авантюристом, коих в истории существовало огромное множество, и оценка Л. В. Ходского мне представляется вполне справедливой. Конечно, Дж. Ло вошел в историю финансов как изобретатель «финансовой пирамиды», которую после него повторили мошенники разных

¹ Говоря сегодняшним языком, Дж. Ло попытался реализовать придуманную им финансовую схему, суть которой была в том, чтобы выпускать бумажные заменители денег (ассигнации и акции созданной им «Западной компании») с постоянно повышающимся курсом, что вызывало ажиотажный спрос на них. Эта схема впоследствии была названа «финансовой пирамидой».

стран сотни тысяч раз¹. Поэтому имеются веские основания относиться к его изобретению более чем негативно.

Но, если посмотреть на этот феномен с другой стороны, легко увидеть, что он дал серьезный толчок финансовой мысли в Европе. Многие ученые тогда стали размышлять над тем, что действительно сделал и что хотел сделать Дж. Ло на самом деле. В результате тех размышлений были найдены ответы на целый ряд принципиальных вопросов:

1. На каком логическом принципе строятся все «финансовые пирамиды»?

2. Действительно ли крах любой «финансовой пирамиды» неизбежен? Или есть условия, при создании которых краха «пирамиды» можно избежать?

3. Если возможны условия, при которых обвала «финансовой пирамиды» можно не допустить, то как механизм «пирамиды» может быть использован не в спекулятивных целях, а для развития финансовой и экономической практики?

Теперь, по прошествии трех веков, принцип, положенный Джоном Ло в основу построения своей «финансовой пирамиды», кажется даже не специалистам вполне понятным (рис. 8).

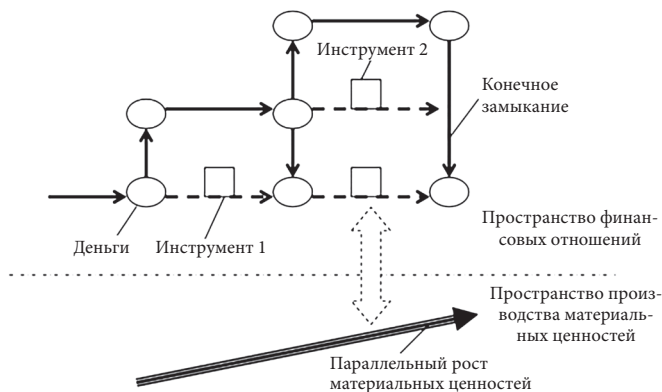

Рис. 8. Схема «финансовой пирамиды»

Источник: [17, с. 170]; аналог в [41, с. 28]

¹ Только в России во время перестройки и в начале рыночной реформы, по прошествии почти 300 лет после «затеи» Дж. Ло, аналогичных «пирамид» было создано около 1200. До сих пор у старшего поколения на слуху МММ, «Хопёр», «Русский дом «Селенга»», «Василиса» и другие «пирамиды». И все они закончились одним и тем же — крахом.

В устройство любой «финансовой пирамиды» заложен принцип «раздвоения» денежных номиналов (см. рис. 4) — использование денежного номинала на бумажном носителе отдельно от металлических денег — на векселе, чеке, ассигнации, акции и других финансовых инструментах. Отличается же схема, показанная на рисунке 4, от схемы «финансовой пирамиды» (см. рис. 8) следующим: в тот момент, когда подходит срок погашения векселя (выкупа банкноты и т. п.), выпускают в обращение новый пакет (транш) соответствующего заменителя денег, причем выпуск делают по более высокому курсу, чтобы частично погасить задолженность по предыдущему траншу, иметь некоторый доход и, что особенно важно, поддерживать ажиотажный спрос на выпускаемые «бумажки». Правильно построенная схема «пирамиды» может долго расти. И вопрос состоит только в том, будет ли произведено итоговое «замыкание» всей схемы «пирамиды» (погашение всех выпущенных ранее финансовых заменителей денег)? Будут ли все выпущенные финансовые инструменты при их предъявлении в конце оговоренного срока обеспечены подлинными деньгами?

Несмотря на неудачу Дж. Ло (крах его «пирамиды» на несколько десятков лет расстроил денежное обращение во Франции), от замысла ввести в денежный оборот экономическую семиотику не отказались. И уже в конце того же века во многих странах Европы (в том числе в России периода правления Екатерины II) свободно обращались денежные знаки на бумажных носителях. При этом к концу XVIII в. специалистам стало понятно, что эмиссия бумажных ассигнаций не может осуществляться так же, как чеканилась золотая монета. Для покупательной способности золотых монет не имело значения, какое их количество будет отчеканено (лишь бы было золото), — их излишки в обороте превращались в сокровища, и обесценения денег не происходило. А для денежных знаков на бумажных носителях вопрос их допустимого в обороте количества становился принципиальным. Как уже говорилось выше, выпуск бумажных ассигнаций означал разрыв связи

«ДН – ДМ» (см. рис. 6). Денежный знак на купюре уже не мог нести с собой необходимое материальное обеспечение. К примеру, известно, что современные 100 долларов США отпечатаны на кусочке хоть и дорогой бумаги, защищенной от подделок, но стоящей для эмитента около 12 центов¹. То есть себестоимость бумажного материала – носителя денежного знака в 800 с лишним раз меньше номинала². При таком соотношении денежного номинала и стоимости его материала-носителя ни о каком эквивалентном обмене товаров на деньги речи идти уже не может. Там, где деньги являются эквивалентом (при их монетарном устройстве), стоимость товара должна быть равна стоимости материала – носителя денежного знака (ДМ), а также совпадать с ДН монеты – у средневековой монеты такая двойная эквиваленция принципиально обязательна. А здесь отдаешь продавцу бумажку стоимостью 12 центов, а взамен получаешь товаров на 100 долларов.

В такой ситуации деньги уже нельзя определять, как это делал К. Маркс [3]: денежный знак, не имеющий собственно материального обеспечения, «всеобщим эквивалентом» материальных ценностей (товаров) быть не может. Знак (любого типа) сам по себе не может выполнять функцию эквивалента чего бы то ни было. Современные денежные знаки выполняют функцию измерения и регулирования экономической и финансовой активности (деятельности) людей. Но, становясь знаками как таковыми, деньги требуют создания специального финансового механизма, непрерывно удерживающего денежные номиналы от обесценения (рис. 9). Без этого такие «неполноценные» (в сравнении с металлическими) деньги не могут выполнять главную функцию денежного знака – функцию измерителя стоимости материальных благ.

¹ Сколько стоит напечатать доллар? URL: <https://facts.d3.ru/skolko-stoit-napechatat-dollar-659533/?sorting=rating>.

² А если взять сегодняшние денежные знаки на электронных носителях (так называемые безналичные), то эта цифра возрастает еще многократно.

**Рамка механизма обеспечения устойчивости
«бумажных» номиналов**

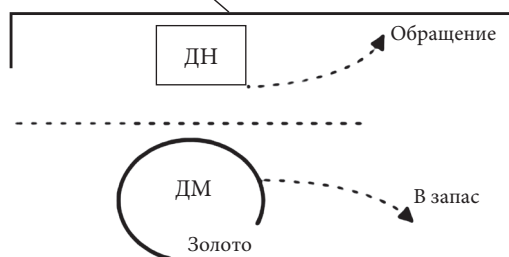

Рис. 9. Принципиальное устройство «бумажных» денег

Источник: рисунок автора

На рисунке 9 показано, что эмиссия «бумажных» денег приводит, во-первых, к разделению денежного номинала (ДН) и дорогого денежного материала (ДМ) в виде золота (которое уходит в золотой запас государства), во-вторых, денежные номиналы на бумажных носителях могут обращаться только в рамках специально создаваемого финансового механизма обеспечения их устойчивости¹.

Второй вопрос (из трех перечисленных выше): как требуемое «замыкание» схемы «пирамиды» можно обеспечить? Ответ на него был получен тоже в XVIII в. С. В. Попов пишет по этому поводу в [17, с. 170]: «Если во время этих операций у нас количество благ, т. е. услуг или товаров, возрастет на то же самое количество, на которое возросло количество денег и вторичных суррогатов — векселей и прочих». На рисунке 8 это изображено как параллельный рост производства

¹ Исторически первым способом обеспечения устойчивости бумажных денег был «золотой стандарт», введенный еще в конце XVIII в. Это был своеобразный компромисс, предполагающий параллельное обращение как бумажных, так и золотых денег. При этом законодательно фиксировался обменный курс бумажных номиналов на золото в монетах или слитках. Пример — купюры царской России. Так, на ассигнации 1910 года выпуска номиналом в 100 рублей было написано, что она может быть свободно обменена на золотую монету без ограничений по курсу 1 рубль = 1/10 империала и содержит 17,424 долей чистого золота. «Золотой стандарт» был отменен в начале 1970-х гг. и с тех пор нигде в мире не используется. Тем самым повсеместно была окончательно отправлена в историю та форма денег, которую описывал в «Капитале» К. Маркс.

материальных благ, скоординированный с ростом массы финансовых инструментов.

Ответ на третий вопрос (как правильное наращивание «финансовой пирамиды» можно использовать не только в целях спекуляций, а для экономического развития?) впервые был теоретически обоснован Й. Шумпетером в 1911 г. в работе «Теория экономического развития» [46], хотя практика «нащупала» адекватный ответ на 200 лет раньше результатов исследования Й. Шумпетера: он в неявном виде содержался в замысле Дж. Ло. Изобретатель «финансовой пирамиды», по сути, пытался запустить в работу инвестиционный предпринимательский механизм, позже теоретически описанный Й. Шумпетером: изъять из обращения золотые луидоры, заместив их обращением бумажных заменителей (ассигнаций и акций его «Западной компании»), а высвобожденные деньги использовать для финансирования своего предпринимательского проекта по строительству нескольких каравелл для торговли с североамериканскими штатами. Этот проект, по расчетам Дж. Ло, должен был дать ему столько индейского золота, которого хватило бы не только для выкупа всех выпущенных денежных суррогатов, но и на обещанное обогащение казны Франции.

Расчеты Дж. Ло не оправдались: будучи первым, он не смог предусмотреть все «подводные камни», скрытые в его замысле. Но принцип, на котором он строил свой предпринимательский проект, впоследствии был хорошо понят и использован с колоссальной эффективностью: в настоящее время все современное инновационное предпринимательство базируется на принципе инвестиционного финансового механизма, прототипом которого была «финансовая пирамида» Дж. Ло. Методологический анализ показал, что суть данного механизма сводится к следующим действиям, продемонстрированным на рисунке 10.

Если предприниматель (фигурка человечка на схеме) вычисляет, что в некотором будущем должна возникнуть определенная рыночная ниша (простейший случай — сезонный

дефицит каких-то товаров или услуг), что он делает? Первое, что он должен сделать, — разработать проект (ПКТ), который позволил бы создать предприятие¹, способное заполнить товаром нишу на рынке.

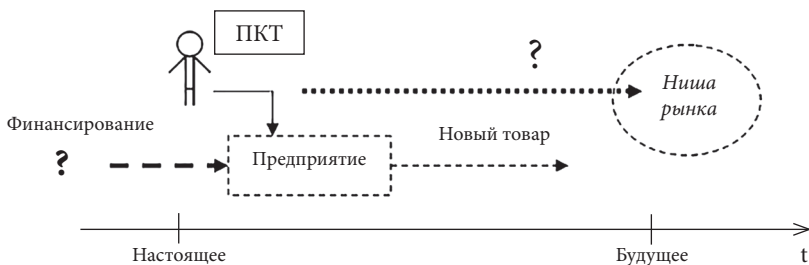

Рис. 10. Исходная ситуация предпринимательской деятельности

Источник: рисунок автора [41, с. 29]

Но, чтобы создать такое предприятие, нужен финансовый ресурс, которого у него может не быть. Предположим, что кредит в банке тоже для него недоступен². В такой ситуации, как теперь известно, делается следующий ход: чтобы получить финансовый ресурс в свое распоряжение, предприниматель выпускает акции будущего предприятия. То есть выпускает финансовые обязательства своего будущего предприятия, продает их желающим стать его компаньонами-акционерами и получателями доли той прибыли, которая возникнет в будущем, если его проект будет реализован, а вырученными от этой продажи деньгами финансирует проект (рис. 11).

¹ У нас слово «предприятие» используется по поводу и без повода. Между тем «предприятие» и «предпринимательство» — слова одного корня. Предприятие может быть только у предпринимателя. У других экономических субъектов может быть бизнес, фирма или что-то другое, но не предприятие (enterprise). Но у нас предприятия были даже в СССР («социалистические предприятия»), хотя предпринимательство было запрещено законом.

² С. В. Попов по этому поводу пишет в [17, с. 172]: «Когда предпринимательство становится массовым распространением, денег на самом деле не хватает» и даже банковский кредит не всегда оказывается доступным.

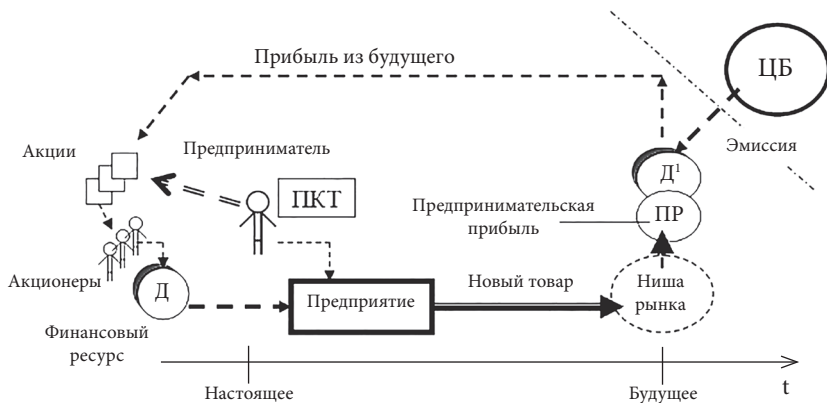

Рис. 11. Инвестирование предпринимательского проекта за счет будущей (несуществующей) прибыли

Источник: рисунок автора [41, с. 30]

Говоря другими словами, финансирование проекта происходит как бы за счет несуществующих сегодня денег (D^1) — денег, которые только когда-то в будущем будут эмитированы центральным банком (ЦБ) под те материальные блага («дефицитные товары»), которые произведет предприятие, созданное предпринимателем (и профинансированное) сегодня. Как пишет Й. Шумпетер, в этой ситуации «речь идет не о трансформации покупательной силы, уже существующей у кого-нибудь, а о создании новой покупательной силы из ничего» [46, с. 167].

Когда такой механизм начинает работать, то с деньгами происходит следующее. Денежная масса начинает расслаиваться по нишам, имеющим разные способы обеспечения¹:

- деньги, уже сегодня обеспеченные материальными ценностями (или, как говорят на сленге, «живые» деньги);
- деньги, обеспеченные финансовыми обязательствами с разными сроками погашения;
- деньги, обеспеченные предпринимательскими проектами [17, с. 172].

¹ Это нашло практическое воплощение в раздельном банковском учете денежных агрегатов разной ликвидности во времени: $M_0, M_1, M_2, M_3, M_4, M_5$, среди которых имеют наличное («сегодняшнее») материальное покрытие лишь M_0 и M_1 .

Со временем в любой стране, где работал предпринимательский финансовый механизм, количество выпущенных в обращение денег и финансовых обязательств (инструментов) переставало соответствовать количеству уже созданных материальных ценностей. Как правило, их там обращается существенно больше последних [17, с. 173].

При этом принципиальную роль приобретает особая разновидность денежных номиналов — инвестиционных¹, которые не имеют сегодняшнего (сиюминутного) материального обеспечения. Их обеспечение происходит исключительно за счет благ, которые будут получены только когда-то в будущем. И если необходимые для их обеспечения блага в будущем не создаются, возникающая при этом инфляция «съедает» такие деньги, и они опять превращаются «в ничто», говоря словами Й. Шумпетера.

Развитие финансового капитала оказалось тесно связанным с кредитно-денежной политикой современных государств и теми принципами, на которых теперь строится в рыночных экономиках денежная эмиссия. Об этом еще в начале XX в. Р. Гильфердинг писал своей книге «Финансовый капитал» [47, с. 110]: «Вследствие превращения частного предприятия в акционерное общество происходит как бы удвоение капитала... Первоначальный, выданный акционерами капитал окончательно превращается в промышленный капитал и продолжает существовать в действительности уже только в форме промышленного капитала. Деньги выполнили свою функцию... и таким образом окончательно исчезли из кругооборота капитала... Только превращение средств производства в товары... и продажа этих товаров заставит деньги возвратиться из обращения. Следовательно, деньги, которые уплачиваются впоследствии при продаже акций, это отнюдь не те деньги, которые первоначально были выданы акционерам и уже нашли применение... Это — *дополнительные деньги* (выделено мной. — Ю. Б.), необходимые для обращения акций, свидетельств на капитализированный доход».

¹ По некоторым оценкам, в современном мире инвестиционные деньги составляют 70–75 % их общей массы.

Как понимать словосочетание «дополнительные деньги», которые «не те», что были раньше? На мой взгляд, это означает, что финансовый механизм, где деятельность предпринимателя завязана на финансовый капитал его акционеров, должен включать финансово-кредитный механизм денежной эмиссии Центральным банком: выпуск в обращение новых денег оказывается «привязанным» не к наличным (уже созданным в стране) товарно-материальным благам, не к имеющемуся у Центрального банка золотовалютному запасу, а к «будущему производству» — к тем ценностям, которых еще нет, но которые должны появиться при реализации инвестиционных предпринимательских проектов. Это и есть эмиссия так называемых «дополнительных» (по Р. Гильфердингу) к тем деньгам, которые уже обеспечены существующими товарами и услугами. Это и есть выпуск «инвестиционных денег» — денег особого рода, которые не предназначены для опосредования текущего потребления, но без которых инвестиционная деятельность предпринимателей была бы затруднена или даже блокирована. В современных же условиях, когда финансовый механизм предпринимательства и финансовый («фиктивный», по Р. Гильфердингу) капитал получили громадное развитие, валютно-финансовая система страны может организовываться тремя принципиально возможными способами [17, с. 173]:

– *первый*: приросты выпускаемой в обращение денежной массы строго координируются с приростами производимых материальных ценностей;

– *второй*: выпускаемая в обращение масса денег и их заменителей постоянно опережает рост объемов производства материальных благ и услуг;

– *третий*: центральный банк осуществляет эмиссию денежных знаков строго в соответствии с имеющимися (уже созданными) материальными ценностями.

Первый способ — это, по сути дела, непрерывное наращивание контролируемой государством инвестиционной «финансовой пирамиды» предпринимательской деятельности. Он теперь содержится (в качестве методологического

основания) в финансовых политиках практически всех современных развитых государств мира.

Второй способ — это построение неконтролируемой «финансовой пирамиды». Его тоже попробовали на себе многие страны (особенно — третьего мира). Результат известен: такая «пирамида» неизбежно рано или поздно обрушивается под давлением инфляционных процессов.

Третий способ — это «схлопывание» бумажно-денежного обращения в современный вариант «дофинансовых» (средневековых) денег. Основное отличие этого типа денег, как отмечалось выше (см. рис. 6), состояло в жесткой связке между номинальной стоимостью денег и ее наличным материальным покрытием. Вся разница лишь в том, что в средневековой модели денег номинал был автоматически обеспечен ценностью самого материала-носителя денег. А при современной реализации третьего способа денежной эмиссии эта связка формально разорвана, но фактически существует за счет искусственной привязки номинальной массы денег к имеющимся в стране материальным ценностям¹. При этом инфляции не возникает, но и инновационное предпринимательство *становится невозможным* (либо чрезвычайно затрудненным), поскольку при такой политике инвестиционные деньги не эмитируются. Если у экономических акторов в такой стране появляется свободный денежный ресурс, он неизбежно выталкивается за границу — в те страны, в экономике которых работает контролируемая государством инвестиционная «финансовая пирамида», позволяющая сохранить и приумножить имеющиеся деньги (богатство) и развивать экономику.

Исходя из сказанного следует, что финансовая действительность предпринимательской деятельности в целом строится на основе взаимодействия трех структурных элементов (пространств) (рис. 12):

- финансовой «пирамиды» предпринимательской деятельности;
- «фиктивного» (акционерного) капитала;

¹ Этот вариант денежной системы реализован в современной России.

– кредитной денежной эмиссии Центрального банка под несуществующие пока, но будущие материальные ценности, создаваемые предпринимательской деятельностью.

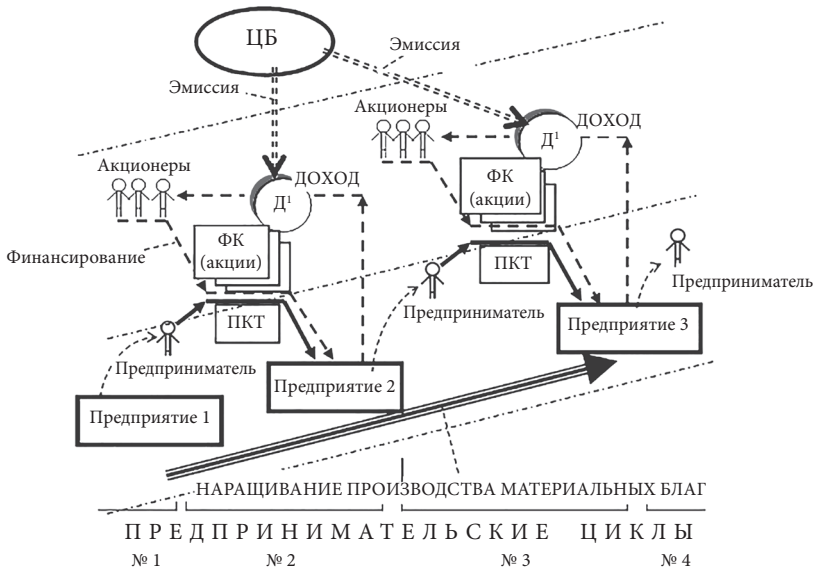

Рис. 12. Финансовая действительность предпринимательской деятельности

Источник: рисунок автора [41, с. 37]

На рисунке 12 изображено три слоя (пространства): в нижнем слое представлена деятельность предпринимателя; в среднем слое – функционирование фиктивного (акционерного) капитала; в верхнем слое – осуществление кредитно-денежной политики государства (в лице ЦБ), стимулирующей и обеспечивающей инвестиции в развитие производства. Предпринимательская деятельность осуществляется циклами: в каждом цикле предприниматель разрабатывает инвестиционный проект (ПКТ)¹, под него создается (выпускается) фиктивный (финансовый) капитал

¹ По терминологии Й. Шумпетера — «новую предпринимательскую комбинацию» [46, с. 174].

(ФК — акции), становящийся собственностью акционеров (второй слой) и обеспечивающий финансирование проекта под будущий предпринимательский доход. В свою очередь, государство (ЦБ) выпускает необходимое (дополнительное) количество денег (D^1) под тот же будущий доход предпринимателя. Тем самым схема отдельной частной финансовой операции замыкается. После этого предприятие превращается в обычный бизнес и может быть продано. А у предпринимателя может состояться новый предпринимательский цикл (наращивание «финансовой пирамиды» фиктивного капитала), и т. д.

Подводя итог данному подразделу, можно выделить несколько проблемных моментов современных российских финансов, связанных с инвестированием в экономику:

1. В современном учебнике для вузов [48, с. 52] читаем: «Деньги являются всеобщим стоимостным эквивалентом, выразителем стоимости всех товаров»¹. С точки зрения деятельностного подхода, подобное, давно устаревшее понимание денег создает непреодолимые проблемы для создания в России современных финансов.

2. Известно, что проблемы инвестирования в экономику России постоянно давали о себе знать, практически все 30 лет, прошедших с начала экономических реформ в стране. На мой взгляд, основная причина этого кроется в принципиальном непонимании, что регулярная инвестиционная деятельность возможна, только если работают механизмы временного замещения денежных знаков финансовыми инструментами предпринимателей, с одной стороны, и эмиссией ЦБ особых инвестиционных денег — с другой. Но среди российских экономистов (не говоря уже о политиках) нет даже намека на понимание этого.

3. Почти никто из российских экономистов не понимает, что такое финансовая действительность, тем более — фи-

¹ Аналогичное повторение давно устаревших марксистских штампов о товарной сущности денег, пяти их функциях и т. п. можно найти в очень многих источниках, пишущих о «современных» деньгах (см.: URL: <https://spravochnick.ru/lektoriy/dengi-kredit-bankie4vca/?ysclid=m10jonvb6h801681741> ; URL: https://www.banki.ru/wikibank/dengi_wiki). Этот ряд ссылок можно легко продолжить.

нансовая действительность предпринимательской деятельности¹. Соответственно, никто, включая правительство, ее не организует на практике. А сама она не появится.

1.6. Финансовые учреждения и финансовые институты – есть ли различия?

Обсуждение вопросов, связанных с общественными институтами, берет свое начало с Т. Веблена [49] и Дж. Коммонса [50]. В экономическую науку проблематику институтов внес Р. Коуз [51]. После этого более полувека (до начала 1990-х гг.) институциональная тематика находилась на периферии экономической мысли, а сторонники неоклассического подхода в экономике ее вообще считали малозначимой [57]. Но после того как Нобелевский комитет за короткое время выдал четыре премии по экономике² за работы по институциональным проблемам, тема институтов быстро стала популярной как за рубежом, так и в России. Причем наиболее проблемным, на мой взгляд, стал вопрос, вынесенный в заголовок данного подраздела. Попробуем разобраться с этим вопросом.

Самый большой массив авторов, пишущих про общественные (в том числе финансовые) институты, трактуют их чисто натуралистически: для них любой институт – не что иное, как соответствующее учреждение (организация), которое можно учредить росчерком пера, которое имеет вывеску, здание и другие атрибуты, видимые глазу, и которые можно потрогать рукой. Причем такое упрощенное понимание понятия, стоящего за словом «институт», особенно часто встречается в учебной литературе, но нередко его можно встретить и в научной.

Так, М. Е. Коновалова (с коллегами) прямо пишет: «Финансово-кредитные институты – государственные и частные, коммерческие организации, уполномоченные

¹ К тому же существует непроходимая путаница понятий «бизнес» и «предпринимательство». См.: [34, с. 101].

² Нобелевскими лауреатами стали Р. Коуз (1991 г.), Д. Норт (1993 г.), Л. Гурвиц, Р. Майерсон и Э. Маскин (2007 г.), О. Уильямсон и Э. Острум (2009 г.).

осуществлять финансовые операции по кредитованию... Финансовый институт – учреждение, которое выпускает депозиты и прочие финансовые обязательства» [58, с. 30]. Аналогичная позиция у авторов коллективной монографии «Стратегическое управление в зарубежных финансовых институтах развития» [56, с. 11]. Ту же позицию можно наблюдать у екатеринбургских авторов учебника «Финансовые рынки и институты» [59, с. 68, 115–116]. Такая же точка зрения у новосибирцев А. В. Новикова и И. Я. Новиковой, авторов учебного пособия с аналогичным названием [60, с. 9]. Нередко финансовый институт трактуется как посредник в финансовых сделках (что, на мой взгляд, одно и то же). Так понимают финансовый институт омские авторы аналогичного учебника [61, с. 103], а также Р. К. Ромашкина из Новосибирска [62, с. 33].

Есть авторы, которые стараются шире взглянуть на понятие института. К ним я бы отнес, например, московских авторов М. И. Одинцову [63] и И. А. Шмерлину [64]. Так, М. И. Одинцова пишет (ссылаясь на Д. Норта [54]): «В литературе можно встретить несколько различных определений институтов: 1) институты определяются как “правила игры”, которые структурируют поведение организаций и индивидов в экономике; 2) институты определяются как культурные нормы, вера, менталитет; 3) институты определяются как организационные структуры, например, финансовые институты – банки, кредитные учреждения; 4) понятие “институт” может использоваться применительно к личности или к определенному посту (например, институт президентства); 5) теоретико-игровой подход рассматривает институты как равновесие в игре» [63, с. 15].

В дальнейшем данный автор, опять же вслед за Д. Нортом, различает формальные и неформальные правила, действующие в обществе, что, собственно, и следует понимать в качестве институтов [там же, с. 16]. Дальше отмечается, что «институты следует отличать от организаций. В научной литературе довольно часто встречается смешение понятий “институт” и “организация”, которое, видимо, вызвано тем, что

организации подобно институтам структурируют отношения между людьми. Но если институты – это правила игры, то организации – это игроки» [63, с. 17]. Отмечается, что «поменять правила формальные относительно легко, однако принятый закон становится институтом, только если он подкрепляется соответствующим механизмом принуждения к его соблюдению» [там же, с. 44].

В последующем изложении материала учебника М. И. Одинцова конкретизирует формальные и неформальные правила работы институтов, затрагивает вопросы их иерархии, контрактные отношения, трансакции, возникающие в процессах принуждения людей за соблюдением формальных правил в экономике и обществе в целом, а также еще более частные вопросы. Данный автор в итоге сводит суть работы институтов все к тем же *организационным механизмам*. С точки зрения деятельностного подхода, автор ограничивается лишь социальной составляющей устройства институтов, полностью выпуская из поля зрения его деятельностную, а следовательно – культурную сторону¹ любого общественного института.

И. А. Шмерлина в [64], опираясь на работы Т. Веблена [49], П. Бергера с Т. Луманом [66], а также Э. Дюркгейма [67], делает попытку рассмотреть понятие «институт» из культурно-исторической рамки развития общества [64, с. 54–55]. Она, в частности, пишет: «Институты представляют собой продукт культурно-исторического развития. Они закрепляют некоторые (значимые) характеристики человеческой жизнедеятельности. Если держать в скобках аспект значимости, неслучайности, который подвергается ревизии в институциональном реализме, то это – один из наиболее бесспорных, инвариантных моментов, который присутствует в понимании институтов начиная, с Э. Дюркгейма и Т. Веблена» [там же, с. 55]. И далее цитирует П. Бергера и Т. Лукмана: «Институты всегда имеют историю, продуктом которой они и являются. Невозможно адекватно понять институт, не понимая исторического процесса, в ходе которого он был создан» [66, с. 92].

¹ Этот вопрос рассматривается в конце данного подраздела.

И далее, опираясь на У. Гамильтона [68]: «Институты устанавливают границы и формы человеческой деятельности. Мир обычаев и привычек, к которому мы приспособливаем нашу жизнь, представляет собой сплетение и неразрывную ткань институтов» [64, с. 57].

Кроме того, И. А. Шмерлина выделяет еще один чрезвычайно важный (в том числе с деятельностных позиций) аспект институтов — рефлексивность: «Институты связаны со специализированной рефлексией и находят выражение в юридических нормах. Эта традиция, восходящая к Дж. Коммонсу и отвечающая самому происхождению понятия институт, сегодня непопулярна, хотя и встречается в экономической литературе» [там же, с. 60]. Но далее И. А. Шмерлина делает важное уточнение (с которым нельзя не согласиться). Она пишет: «Понимание института как системы, возникающей благодаря рефлексии и поддерживаемой рефлексией, кажется нам вполне работающим подходом к проблеме. Однако мы полагаем, что рефлексивный момент институционального не сводится ни к правовым аспектам как таковым, ни к моменту обыденной психологической легитимации общественного устройства. Скорее он связан с процессом, который Финн Коллин удачно назвал “конструирование путем идеализации”» [там же, с. 62]. Последний момент представляется особенно важным с точки зрения деятельностного подхода.

Не упустила И. А. Шмерлина и «организационные аспекты институциональной реальности». Она пишет: «Этот вопрос также относится к числу спорных и дискутируемых» [там же, с. 63]. И далее у нее читаем: «Не существует институтов без организаций. Именно поэтому неправильно, например, говорить “институт социального неравенства”. Есть — явление социального неравенства и институты (политические, правовые, силовые, идеологические), которые это неравенство обеспечивают. В нашем представлении организации не есть воплощение “онтологии” института, но они выступают безошибочным симптомом существования последнего» [там же, с. 65].

Несмотря на весьма благоприятное впечатление, которое оставляет статья И. А. Шмерлиной, последнему утверждению хотелось бы возразить. Дальше я попытаюсь показать, что с точки зрения деятельностного подхода (против которого она вроде бы не возражает), в нашей жизни полно учреждений (организаций), в том числе финансовых, для которых соответствующие институты еще исторически не сложились. Но об этом подробно будет сказано чуть позже.

Помимо сказанного выше, следует, наверно, упомянуть, что в литературе встречаются и «экзотические» трактовки понятия «институт». Так, Дж. Сёрль считает, что у любого человека имеется биологически обусловленная институциональная компетенция, аналогичная предрасположенности к языкам, что люди обладают врожденной способностью к предсказуемому символическому поведению, которое и называется институциональным поведением [69, p. 115].

Известна и еще более странная точка зрения относительно понятия «институт», которую можно, наверно, отнести к позиции радикального реализма и натурализма: Р. Грофштейн полагает, что под словом «институты» нужно понимать людей как таковых – «живых, в плоти и крови, индивидов» [70, p. 23].

С точки зрения деятельностного подхода, последние две трактовки понятия «институт» не выдерживают никакой критики, поскольку мир деятельности (в котором институты фундаментально значимы) принципиально не биологичен. Он имеет культурно нормированную «природу», а люди в нем используются лишь как биологический материал, наряду с косным материалом природы.

Делая подобный краткий анализ литературы по институциональной тематике, М. В. Минеев приходит к неутешительному выводу: «Главное, на сегодняшний день, несмотря на большие старания со стороны различного рода исследователей, методологические проблемы, связанные с понятием института крайне остры. Более того, вероятно, создание единого понятия, описывающего все стороны жизни обще-

ства, невозможно» [65, с. 22]. С таким выводом данного автора вряд ли можно согласиться, если стоять на деятельностных позициях.

Как же можно представить институты (включая финансовые) с деятельностной точки зрения? Анализ литературы по институциональной тематике [80] показал, что есть по крайней мере три принципиальных момента в методологической трактовке человеческой деятельности, которые не учитываются в предметных общественных науках (социологии, экономике и др.) при рассмотрении и описании институтов: во-первых, деятельность *двойственна*; во-вторых, она *иерархична*; в-третьих, деятельность *рефлексивна*, а рефлексия деятельностна¹.

Двойственность деятельности составляет суть основного процесса, конституирующего деятельность — процесса ее воспроизводства. Выше (см. подраздел 1.2) я этого вопроса уже касался, говоря о процессах воспроизводства деятельности и трансляции норм (образцов и стандартов) культуры и приводилась соответствующая схема (см. рис. 1). В целях большей наглядности представлю данную схему в несколько более упрощенном ее графическом изображении. На рисунке 13 показано, что деятельность любого типа (производственная, управленческая, финансовая и др.) существует дважды: один раз — в процессе трансляции (в поколениях) норм культуры (N), второй раз — в процессах реализации культурных норм в социальных ситуациях деятельности (на рис. 13 — в низовом слое деятельности, Sit k).

¹ Здесь имеется в виду не философское понимание рефлексии и не субъективно-психологические переживания человека, которые тоже часто называют данным словом. В любой деятельности рефлексия должна носить конструктивно-деятельностный характер. Г. П. Щедровицкий по этому поводу пишет в [19, с. 487]: «Рефлексия рассматривается нами в контексте деятельности и с точки зрения средств теории деятельности; при этом два аспекта представляются наиболее важными: 1) изображение рефлексии как *процесса и особой структуры* в деятельности и 2) определение рефлексии как *принципа развертывания схем деятельности*; последнее предполагает, с одной стороны, формулирование соответствующих формальных правил, управляющих конструированием моделей теории деятельности, а с другой — представление самой рефлексии как механизма и закономерности естественного развития самой деятельности».

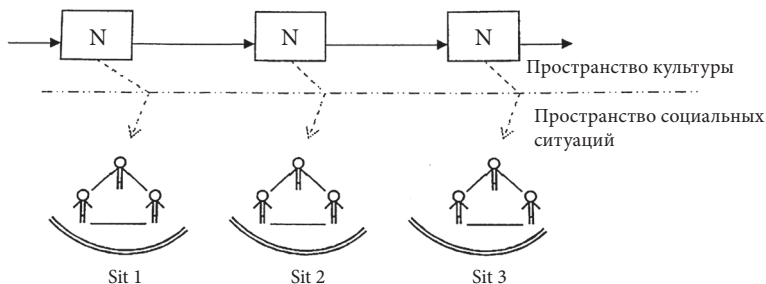

Рис. 13. Трансляция норм культуры и их реализация в социальных ситуациях

Источник: рисунок автора [71, с. 35]

На данной схеме (см. рис. 13) не изображено, но подразумевается, что на стыке верхнего и нижнего пространства находятся структуры образования и профессиональной подготовки, в которых носители культурных норм деятельности (учителя, преподаватели, консультанты и т. п.) передают их ученикам (студентам, слушателям), формируя у них деятельностные компетенции (способности)¹. В схеме на рисунке 13 принципиально важно понимать, что любая деятельность (и соответствующий институт) задается прежде всего верхним, культурным пространством, а в нижнем нормы деятельности лишь воспроизводятся на материале живых людей и «железок». И этот существенный момент ни одной предметной научной дисциплиной не ухватывается вообще. Даже Д. Норт, говоря об институте как правилах (формальных и неформальных) поведения людей, упускает данный принципиальный момент, в конечном счете психологизируя важнейшую составляющую институтов, которая с точки зрения деятельностного подхода носит объективный характер (существует вне людей с их сознанием и психикой).

¹ «Способности» и «способ» (способ работы в акте деятельности) — однокоренные слова неслучайно. С деятельностной точки зрения, способность — это интериоризированный (освоенный) способ, который должен быть культурно нормирован. В деятельностной позиции индивид должен быть оспособлен работать правильно.

Принцип *иерархичности* деятельности¹ подразумевает, что массовая деятельность состоит из четырех как бы вложенных друг в друга (по принципу матрешки) типов деятельностных организованностей: 1) универсама деятельности; 2) сфер деятельности; 3) организаций (или учреждений); 4) актов персональной деятельности людей (рис. 14). Самый высокий уровень деятельности трактуется как «универсум деятельности». Он включает в себя «сферы деятельности», коих много, и список их открыт для пополнения: сфера производства, сфера управления, сфера науки, сфера образования, сфера искусства, сфера предпринимательства, сфера финансов и др.

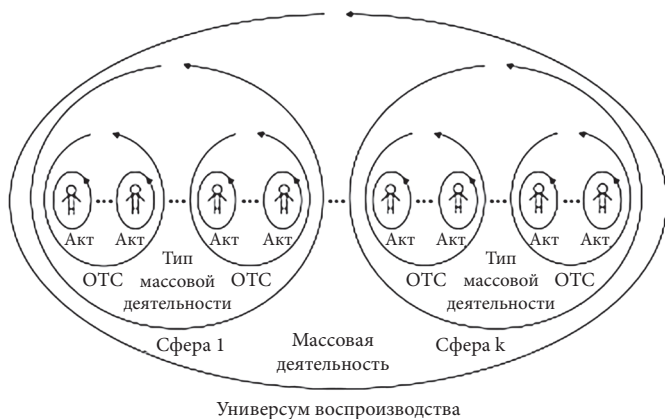

Рис. 14. Четырехуровневая иерархия массовой деятельности

Источник: [72, с. 82]

На низовом уровне каждая сфера деятельности состоит из организаций (учреждений)² — финансовая сфера включает конкретные банки, страховые компании, инвестиционные фонды и др. В свою очередь, внутри каждой организации

¹ Не нужно путать с административной иерархией должностных лиц.

² На рисунке 14 обозначено «ОТС» — организационно-техническая система. Так принято в некоторых работах методологов (в частности, у В. Я. Дубровского) называть деятельностную организованность, имеющую оргуправленческую надстройку (учреждения и организации).

(ОТС) имеются конкретные «акты» индивидуальной деятельности людей. Это тот самый низовой уровень, где есть конкретные рабочие места и занимающие их люди – операционалисты и др.

Каждый уровень деятельности имеет, с одной стороны, свой тип деятельностных норм (стандартов)¹, с другой стороны, каждый нижестоящий набор норм (стандартов) не может противоречить (без ущерба для деятельности в целом) требованиям норм вышестоящих уровней деятельности (табл.).

Иерархические уровни деятельности и соответствующие им стандарты

Уровень воспроизводства	Тип стандартов
Универсум	Универсальные ценности
Сферы	Институты
ОТС	Протоколы
Акты	Способы

Источник: [72, с. 83].

В. Я. Дубровский в работе «Сферы массовой деятельности и институты» [72] (см. табл.) в явном виде показывает, что «институт» всего лишь один (хоть и очень важный) тип норм (стандартов) деятельности, соответствующих сферному уровню массовой деятельности. На самом верхнем (универсальном) уровне функции норм выполняют универсальные ценности людей.

На двух нижних – соответственно, протоколы координации, субординации и коммуникации – для коллективной деятельности ОТС (уровень учреждений, или организаций) и способы работы в отдельных актах деятельности (говоря обычным языком, на конкретных рабочих местах).

Г. П. Щедровицкий тоже отмечал данное различие норм разных уровней воспроизводства: «...акты деятельности захвачены другими наборами норм, в том числе и нехарактерными для сферы... причем по виду и типу, в отличие от дру-

¹ О различиях норм и стандартов деятельности см. в подразделе 3.1.

гих норм — скажем, норм СПС»¹ [78, с. 26]. Это переключается с принятыми в социологии представлениями: «Социальные институты следует отличать от таких менее сложных социальных форм, как установления, нормы, роли и ритуалы. Последние являются элементами, составляющими институты. Социальные институты следует также отличать от таких более сложных и более полных (complete) социальных существностей, как общества или культуры, в которые институты типично входят в качестве составляющих» [там же].

Рефлексивность является третьим принципиальным моментом, характеризующим деятельность. Люди, в отличие от животных, обладают рефлексией — способностью оценивать ситуации, в которые они попадают, и находить способы преодоления затруднительных и проблемных ситуаций (рис. 15).

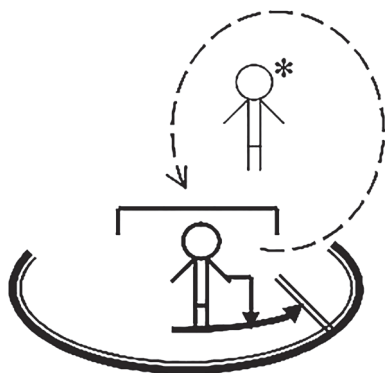

Рис. 15. Схема рефлексивного выхода деятеля

Источник: рисунок автора [71, с. 234]

На рисунке 15 условно изображена ситуация акта индивидуальной деятельности («жирный» овал), в котором условная

¹ В работе Г. П. Щедровицкого [78] приняты другие условные обозначения в сравнении с работой В. Я. Дубровского [72]: там ОТС обозначена как СПС — социально-производственная система, включающая в себя некоторую совокупность тех же низовых актов деятельности. Различия в обозначениях, на наш взгляд, связаны с авторством (В. Я. Дубровский — ОТС, Г. П. Щедровицкий — СПС) и с 40-летним временным разрывом указанных публикаций. Но от переобозначения одних и тех же деятельностных организованностей суть дела не меняется.

фигурка человека-деятели осуществляет процесс деятельности (горизонтальная стрелочка), на который деятель воздействует определенным образом (вертикальная стрелочка). При этом он применяет некий способ работы – рамка над ним (так в методологии обозначаются способы, методы, подходы и другие мыслительные конструкции деятельности).

Если процесс деятельности наталкивается на препятствие, останавливающее деятельность, моментально срывается рефлексия – деятель как бы поднимается над ситуацией и пытается анализировать, что произошло и почему осуществляемый способ не сработал. На схеме это «человечек со звездочкой», направляющий свое рефлексивное внимание на свой же способ работы.

За счет рефлексии деятели удерживают как вышестоящие уровни деятельности, так и культурные нормы деятельности. Можно сформулировать жесткий тезис: если человек не рефлексивен (а это, к сожалению, не редкость), то он не пригоден к деятельности, будет только мешать ей, а часто – даже ее разваливать социальной суетой. Вся деятельность буквально пронизана рефлексией¹.

А теперь через призму выделенных принципиальных моментов деятельности взглянем на институты и их трактовку представителями традиционных предметных общественных наук, о чем говорилось в начале данного подраздела. Нетрудно заметить, что практически никто не видит те важные моменты, которые различаются и используются в деятельностном подходе: ни двойственность деятельности, ни ее иерархичность никем даже не затрагивается, а рефлексивность, если и упоминается, то лишь в субъективно-психологическом зале. Работая в предметной парадигме, авторы, пишущие об институтах, не имеют средств понимания, что институт является нормами (стандартами) лишь для совершенно определенного уровня деятельностной организации – для сферы деятельности.

¹ Приходится констатировать, что классические предметные науки не имеют научных средств, позволяющих использовать рефлексия, а поэтому живую деятельность людей не видят и изучать не могут.

Одной из причин такой «слепоты» является тот факт, что слово «сфера» затерто и в большинстве случаев употребляется бессмысленно, когда, например, говорят: «социальная сфера» [73], «торговая сфера» [74], «туристская сфера» [75], «сфера производства» [76] и т. п. Словосочетание «сфера деятельности» тоже широко употребляемо, но опять же как обиходное, не имеющее собственного содержания. Даже в «Большом толковом словаре русского языка» [77] сфера деятельности трактуется как «область деятельности», т. е. пространство распространения деятельности. Между тем в деятельностной методологии понятие «сфера деятельности» было детально проработано еще в 70-х гг. прошлого века [78]. Это понятие специально строилось как механизм развития деятельности конкретного типа (например, финансовой).

«Щедровицкий характеризовал сферу массовой деятельности как особую “открытую” и “незамкнутую” целостность, позволяющую включать в нее новые элементы, не нарушая ее единства. Это означает, что как система сфера не может задаваться привычным для нас “органическим” способом, когда целостность, или единство, изображается в виде контура, замыкающего структуру системы, или, что то же самое, контура, в который вложена структура. При этом сам контур погружен во внешнюю по отношению к системе среду. Сфере может быть приписан тип единства, который характерен для систем знаний. Целостность такой системы задается “изнутри” особыми ее элементами – принципами (или началами). Как квази-универсум сфера не может иметь ни границы, ни внешности в обычном смысле» [72, с. 89]. Сферам деятельности соответствуют особые, институциональные нормы, которые, говоря словами Г. П. Щедровицкого, «задают людям совершенно особый тип институциональной ориентировки» [78, с. 33].

Аналогичные тезисы можно встретить у других методологов. Так, В. Г. Марача пишет в [79]: «По отношению к “институту” в качестве дополнительного понятия в плане деятельности традиционно обсуждалась “сфера”». Еще более определенной позиции придерживается В. Я. Дубровский. Он в [72, с. 83] пишет: «Сфера является самовоспроизводящейся

единицей универсума самовоспроизводства деятельности и, следовательно, должна включать задающий ее стандарт – институт. Получается, что, будучи лишь частью сферы, институт, как бы изнутри, *рефлексивно* задает целиком всю сферу» (рис. 16).

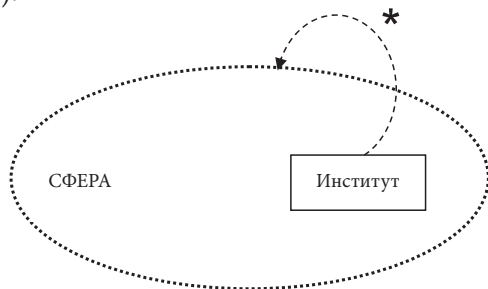

Рис. 16. Институт рефлексивно задает всю сферу

Источник: [72, с. 84]

Далее В. Я. Дубровский утверждает: «В соответствии с данным определением системной единицей деятельности, а значит, и объектом самостоятельного рассмотрения является не институт, а сфера деятельности, включающая институт, рефлексивно ее задающий» [72].

Г. П. Щедровицкий пишет, что «сфера деятельности есть особая организация деятельности, возникающая исторически и сравнительно поздно. И вот здесь я могу говорить о развитии. Я не обсуждаю развитие, а говорю, что сфера – это особая организация деятельности, появляющаяся тогда, когда развитие становится ценностью... А во многих видах деятельности она вообще еще не появилась...» [78, с. 23]. Далее он говорит, что в современной общественной науке «это недостаточно осознано, и в сегодняшней науке это и не может быть осознано. Наука может получить эту форму осознания (и оформиться в сферу науки. – Ю. Б.), но до сих пор она ее еще не получила¹. Реально развитие обеспечивается оформ-

¹ То же можно сказать и о финансовой сфере в России: отсутствие собственных, признанных в мире денег, в том числе инвестиционных, неразвитость финансовой деятельности предпринимательской деятельности и целый ряд других признаков отчетливо свидетельствуют о несформированности финансовой сферы в РФ.

лением сфер как таковых, в их противоположности СПС. В нашем обществе ударение сейчас делается на СПС, и поэтому это общество теряет момент развития» [78, с. 23].

Важный момент устройства любой (в том числе финансовой) сферы деятельности состоит в том, что «внутри сферы требуется жесткое противопоставление культурно-знаковых и социально-материальных организованностей; это оппозиция культурного и социального пространства» [там же, с. 50] (рис. 17).

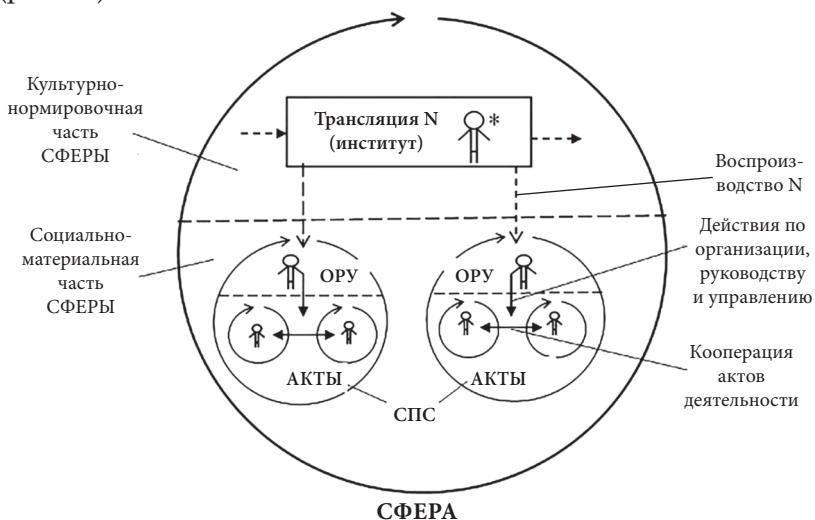

Рис. 17. Неполный¹ состав сферы деятельности

Источник: рисунок автора

Отсюда следует, что сфера должна состоять из двух **ортогональных** (по отношению друг к другу) организованностей:

– материальных, или социально-производственных (на рисунке 14 – оргтехнических структур ОТС, или учреждений руководства и управления) и элементарных актов деятельности, входящих в соответствующие оргтехнические структуры;

¹ Здесь представлены только элементы сферы, обеспечивающие воспроизводство соответствующей деятельности. В разделе 3 этот рисунок будет дополнен механизмами, обеспечивающими развитие деятельности.

– нематериальных, или мыслительного пространства культурно-нормативных организованностей [78, с. 18, 21].

Помимо сложностей развертывания в стране собственной финансовой сферы, проблема институтов вообще и финансовых институтов в частности заключается еще и в том, что они должны быть укоренены в общественном сознании населения страны – их нормы должны восприниматься людьми как «сами собой разумеющиеся» (статье тем, что Д. Норт называл «неформальными правилами игры»).

Так, известный методолог С. В. Попов по этому поводу недвусмысленно пишет в [17, с. 32]: «Институты существуют очень долго (иногда может создаваться впечатление, что вечно, – из этого возникают натуралистические мифы о “неизменной природе” человека или “естественном” или “нормальном” состоянии общества).

Но и формируются они очень долго – века (несколько поколений людей). Их нельзя “сделать” чисто искусственным путем, но их и очень трудно разрушить: их носителями являются люди, а не внешние обстоятельства, поэтому их уничтожение, как правило, требует уничтожения целых поколений или изоляции потомства от родителей. Существование института, как правило, связано с определенным набором культурных образцов поведения и действия, который “запечатывается” в социальную форму, а этой форме (институции) приписывается вечный и сакральный характер. Роль институтов в жизни общества – быть неизменными, постоянными образованиями в социальной жизни; образно говоря, институты – “твердые тела” общественной жизни и истории, которыми никто не может управлять и их использовать».

В завершение данного подраздела можно сделать принципиальный вывод, характеризующий проблемность рассмотренного вопроса: без понимания сущностных различий финансовых институтов и реализационных структур (банков, страховых компаний и других финансовых учреждений и организаций) организовать в стране современную финансовую деятельность невозможно. Все будет и впредь сводиться

к социальной суете и бесконечному, достаточно бессмысленному «реформированию» работы учреждений и организаций. И современная финансовая (и шире — общественная наука) в этом помочь решать практические проблемы не в состоянии¹.

1.7. Финансовая наука не работает, институты не сформировались — на что опираться?

Идеологически считается, что с общественной наукой в России, в том числе с финансовой, все в порядке: за последние 30 лет выпущено большое количество учебников по финансам и их отдельным аспектам, работают финансовые институты и университетские кафедры финансов, защищаются диссертации по ваковской специальности 5.2.4 «Финансы», опубликован огромный массив научных публикаций по данной специальности. И тем не менее есть основания считать, что не все так складно «в датском королевстве», то бишь в экономической науке в целом и в финансовой ее составляющей в частности. Попробуем разобраться с основаниями, на которых исторически строились общественные науки, включая экономические.

* * *

Важнейшей предпосылкой наук Нового времени является принцип, согласно которому мыслительные операции и процедуры в знаковых формах возможны только в том случае, если принимается предположение, что за реальными объектами изучения стоит особый мир идеальных сущностей. Платон его называл «миром идей», Аристотель — «метафизикой» (т. е. тем, что стоит «за» физикой — фюзис, или природой). Представители немецкой классической философии (в частности, И. Кант) его именовали «трансцендентальным миром». К. Поппер в [83] назвал его «миром сущностей, или содержаний, как таковых». Этот вопрос я подробно рассматривал в [41, с. 53], поэтому здесь лишь упомяну о нем.

¹ О возможностях науки — в следующем подразделе.

С. Н. Булгаков пишет в своей «Философии хозяйства» [81, с. 90]: «То, что называется наукой, в смысле эмпирическом... существует лишь в виде отдельных познавательных актов, научных экспериментов, специальных исследований. В генетическом понятии... науки мы, безусловно, поднимаемся над этими частными раздробленными актами и рассматриваем их как проявления некоторой единой функции, обладающие известной связанностью... Они представляются нам частичными, отрывочными проявлениями некоторой единой деятельности, подчиненной в развитии своим особым нормам. И эти нормы нельзя установить чисто индуктивным путем, исследуя каждый отдельный... познавательный акт в его конкретности. Они могут быть установлены лишь *a priori*, из анализа всеобщеприложимых, или трансцендентальных условий знания...» А чуть дальше он констатирует: «Трансцендентальная природа знания в настоящее время (т. е. в начале XX в. – Ю. Б.) может почитаться более или менее выясненной» [там же, с. 95].

Разработка предметных научных знаний стала возможна с тех пор, когда ученые стали пытаться строить мир идеальных сущностей, абстрагируясь при этом от несущественных (для конкретной науки) свойств реального мира. В результате пионерных работ родоначальников наук Нового времени в области естествознания (Р. Декарта, Г. Галилея, Ф. Бэкона), а чуть позже – в обществоведении усилиями французских «просветителей» (Ш. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо и др.), классиков английской политэкономии (У. Петти, А. Смит) и немецких «камералистов-финансистов» (И. Юсти, Й. Зонненфельс) появилось «много метафизик» – идеальных действительностей разных наук, которые после М. Гоклена и Г. Лейбница стали называть «онтологиями» (от греч. *ontos* – сущее). Каждая наука стала формировать собственную онтологическую картину реальности.

Финансы тоже смогли выделиться в самостоятельную науку только после того, как были разработаны сущностные (онтологические) представления о мире финансов¹. Данный постулат научного знания можно представить следующей

¹ Подробнее об этом в разделе 2.

схемой (рис. 18). Постулат¹, что истинное научное знание возможно только в отношении идеального объекта, выделенного в рамках конкретной онтологической картины мира, покоится на логической предпосылке, что любые объекты реальности даны человеку (человеческому сознанию) лишь в превращенных формах. Поэтому без опосредования идеальной действительностью адекватное описание реальности невозможно. Образцы анализа превращенных (а следовательно, превратных, искаженных) форм сознания можно найти у К. Маркса [3; 5].

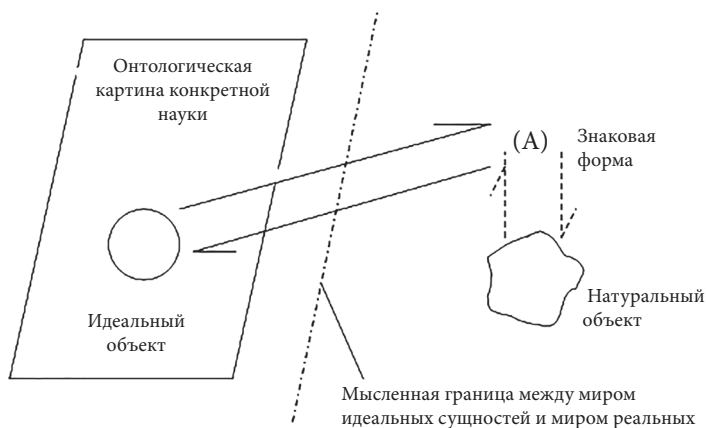

Рис. 18. Место онтологии в структуре научного мышления

Источник: рисунок автора [41, с. 54]

Другой предпосылкой построения классического научного знания, имеющей принципиальное значение, является принятие ряда предположений относительно свойств идеальных объектов, подлежащих научному изучению. Чтобы идеальный объект, выделенный в рамках той или иной онтологической картины (модели устройства соответствующе-

¹ Если данного принципа не придерживаться, то будут получаться в лучшем случае каламбуры и забавные парадоксы, в худшем — разные формы псевдонаук. Так, сказав: «В течение нескольких дней падал снег и курс рубля», можно вызвать улыбку, поскольку каждый чувствует, что здесь в одном действии совмещены несовместимые (разнотипные) объекты: снег не падает так, как падает курс валюты.

го мира), мог стать объектом изучения конкретной науки, он должен обладать целым набором свойств. Их описание можно найти в исследованиях Г. П. Щедровицкого [33], С. В. Попова [82], К. Поппера [83]:

1. Во-первых, должно быть принято предположение о существовании объекта изучения «самого по себе», независимо от исследователя, объективно; например, без предположения, что числа как идеальные объекты математики существуют «за» соответствующими цифрами (знаками), вне сознания исследователя, то математика как область научного знания становится невозможной. То же можно сказать и о финансах: если, к примеру, в стране не существует особого типа денег – инвестиционных (см. выше, подраздел 1.5), то такая область финансового знания, как финансовый менеджмент, становится в лучшем случае чисто умозрительной (практически незначимой).

2. Во-вторых, идеальный объект может изучаться наукой только в том случае, если допустимо предположение, что он не меняется во времени; а если и изменяется, то по неизменному, объективному и познаваемому закону. Например, если предполагать, что сегодня атом имеет одно устройство, а завтра – совсем другое, то физика как наука становится невозможной. То же самое верно и в отношении финансов: если вчера идеальным объектом исследования был «денежный фонд», а сегодня он видоизменился, став, к примеру, «денежным потоком», то научное знание в области финансов становится невозможным.

3. В-третьих, идеальный объект подлежит описанию в знании, которое должно получаться методически правильно, поддаваться объективированию (т. е. фиксироваться на внешних, объективных культурных носителях) и не должно зависеть от субъективных мнений людей; проверка «на научность» полученного ученым результата исследований чаще всего сводится к проверке того, насколько «методически правильно» действовал исследователь; примененный метод должен позволять получать тот же самый научный результат (знание) при его воспроизведении в другом месте и в другое

время (этим наука отличается от разного рода оккультных и иррациональных течений).

4. В-четвертых, метод научного исследования должен быть соразмерным изучаемому объекту, эффективным по отношению к нему. Отсюда следует, что методы исследования в одной научной области (например, в физике) чаще всего не могут адекватно применяться в другой научной области (например, в финансах).

5. В-пятых, идеальный объект, изучаемый в науке, должен быть безразличным (индифферентным) по отношению к знанию, получаемому и накапливаемому об объекте, а исследователь должен быть пассивным созерцателем в отношении объекта изучения¹ (т. е. не должен своими действиями и исследовательскими процедурами влиять на объект изучения, менять его сущностные характеристики). Эта посылка прямо вытекает из предположения о существовании объектов науки «за» трансцендентальной границей, в области идеальных сущностей (в онтологии), непосредственно недоступной «смертному человеку».

Данная совокупность характеристик получила название «атрибутивных» (т. е. внутренне присущих) свойств объекта исследования. А знания, вырабатываемые при принятии выше указанных предположений, относят к классическому типу научных (атрибутивных) знаний [40; 82].

Предпосылки об исходной первичности объекта изучения, его неизменности и независимости от исследователя с неизбежностью (логически) обусловили центральное место объекта среди других элементов и процедур, необходимых для получения классического (атрибутивного) научного знания. Все они «привязываются» к идеальному объекту и образуют особую организованность научного мышления, называемую «научным предметом». При этом, если объект независим от исследователя и противостоит ему, то предмет

¹ С. Н. Булгаков, характеризуя познающего субъекта («гносеологического субъекта»), писал в «Философии хозяйства» [81, с. 83]: «Перед таким субъектом или, точнее, в нем самом, в его сознании, происходит театральное представление, развертывается жизнь, которой он только зритель, смотрящий со своего кресла, сам ни в чем не участвуя».

изучения, напротив, формируется самим исследователем, как инструментарий работы с объектом [40]. Предметная организованность научного мышления необходима именно потому, что объективный мир людям непосредственно не дан (он – за трансцендентальной границей сознания), и требуется «посредник» в познавательной деятельности, позволяющий вырабатывать научные знания.

У Г. П. Щедровицкого в [84, с. 165] читаем: «В специально-научном анализе мы всегда рассматриваем его (предмет науки. – Ю. Б.) как адекватный объекту. И это правильно. Но при этом надо всегда помнить... что предмет знания не тождествен объекту: он является продуктом человеческой познавательной деятельности и как особое создание человечества подчинен особым закономерностям, не совпадающим с закономерностями самого объекта. Одному и тому же объекту может соответствовать несколько различных предметов. Это объясняется тем, что характер предмета знания зависит не только от того, какой объект он отражает, но и от того, зачем этот предмет сформирован, для решения какой задачи».

Отсюда вытекает и форма организации института науки: не только знание (в его классическом виде) носит предметный характер, но и наука оказалась (после XVII в.) организованной предметным образом, разделенной на предметные области – физику, химию, экономику, финансы и т. д. Каждая предметная область науки строит свою собственную «организационную машину» исследования реальности – со своей собственной онтологической картиной мира, своими задачами, идеальными объектами, методами, языками и фактами.

Следующая совокупность предпосылок классического научного знания касается особого способа подтверждения его истинности. Переход к построению предметного теоретического знания на основе идеальных онтологических представлений об устройстве мира повлек за собой получение абстрактных законов и выводов, резко расходившихся с эмпирически фиксируемыми фактами. Заслуга и мужество (так как за подобные утверждения можно было сгореть на костре инквизиции) основателей Новых наук состояли в том, что

они принципиально отказались от сбора и регистрации естественно наблюдаемых (эмпирических, или натуральных) фактов как способа подтверждения (опровержения) научного знания [84, с. 146–147].

Взамен отвергнутых натуральных опытов в качестве способа подтверждения абстрактно-теоретических гипотез и выводов был предложен искусственный (т. е. специально инженерно организованный) научный эксперимент. По сути, это означало, что был придуман качественно новый способ обоснования умозрительных теоретических конструкций. Реальность инженерными методами как бы «подгонялась» под идеальные научные построения. За счет инженерной организации условий реальности теоретические законы идеальных объектов, описываемые в предметном знании, должны были в точности подтверждаться. Но — только в искусственно созданных условиях научного эксперимента [33, с. 495].

Фундаментальный сдвиг, который произошел в XVII в., породив науки Нового времени, состоял в том, что для каждой науки (имеющей собственную идеальную действительность — онтологию) стала создаваться и собственная система реализации предметных знаний — инженерия.

Методолог Г. Г. Копылов писал по данному вопросу в статье «Научное знание и инженерные миры» [85, с. 16]: «Что же обеспечивает столь высокую эффективность научного знания, если из одного и того же набора наблюдений могут “вытекать” самые различные законы, построенные на совершенно разных идеализациях? ...По-видимому, этот парадокс нельзя разрешить, не проанализировав, каким образом используются научные знания. Прежде всего, надо учесть то, что у каждой науки есть свой “технический спутник” — соответствующая инженерия. Под ней, как принято, понимается совокупность знаний и приемов, которая, во-первых, имеет конструктивно-техническую направленность (то есть знания отвечают не на вопрос “как устроено...?”, а “как сделать, чтобы...?” или “что будет, если...?”), а во-вторых, возникла... из сочетания опыта, касающегося того, как что-то надо делать, и научных знаний, относящихся к этому что-то».

Еще более жесткое утверждение на этот счет мы встречаем у Г. П. Щедровицкого в книге «Философия. Наука. Методология» [33, с. 495]: «Эксперимент есть проверка (можно сказать: прямая и непосредственная) наших онтологий. Это есть реализация в деятельности (и, следовательно, на практике) нашего идеального объекта, представленного в онтологии, средствами и методами инженерии. Это – прямой ответ на вопрос: возможен ли на практике такой идеальный объект. Не знания мы проверяем в эксперименте, а наши онтологические картины, наши идеальные объекты. Мы отвечаем на вопрос, можем ли мы создать такую ситуацию, в которой получит реальное существование зафиксированный в нашей онтологической картине идеальный объект».

Данный принцип можно схематично изобразить следующим образом (рис. 19).

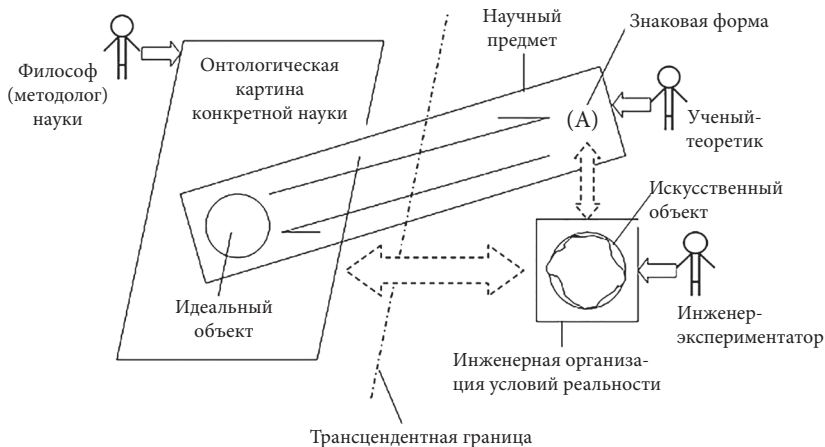

Рис. 19. Место инженерии в структуре естественной науки

Источник: рисунок автора [41, с. 58]

На рисунке 19 показано, что современная предметно организованная наука представляет собой сложную координацию трех типов интеллектуальной деятельности:

– во-первых, необходима специальная работа по формированию онтологической (сущностной) картины мира с

выделением соответствующих идеальных объектов (деятельность философа или методолога науки);

- во-вторых, требуется предметно-теоретическое описание (в знаковых формах) выделенных идеальных объектов (деятельность ученого-теоретика);

- в-третьих, обязательна специальная (техническая) организация условий реальности для подтверждения (и существования в реальности) абстрактно-теоретических законов (деятельность инженера-экспериментатора).

Успешность постановки локальных научных экспериментов довольно быстро по историческим меркам (за каких-то 150–200 лет) привела к их расширению до масштабов национальных хозяйств европейских, а затем и других государств. Стала интенсивно развиваться техническая инженерия и на ее основе — индустриальное производство, выпускающее искусственные изделия (материалы, машины, технические системы), внутри которых (и только там!) постоянно действуют законы естественных наук. Практика (но не любая, а специально организованная) стала «критерием научной истины». А естественная природа начала превращаться в искусственную «вторую природу», как справедливо писал еще К. Маркс, а затем и многие другие исследователи (см.: [84, с. 96; 85, с. 17]). Политикам это позволило не без оснований утверждать в XX в., что наука превратилась «в непосредственную производительную силу общества».

Как показали специальные методологические исследования К. Поппера [83, с. 43], Г. Г. Копылова [86, с. 48], С. В. Попова [87, с. 4], В. М. Розина [88], в качестве образца устройства общественных наук была взята та же схема, в соответствии с которой веком ранее строились естественные науки Нового времени — физика, химия, астрономия, биология. Так, для получения научного знания в области экономики надо было иметь сущностную (метафизическую, или онтологическую) картину экономического мира, выделить в ней идеальные экономические объекты, представить их в форме тех или иных экономических (предметных) моделей и построить теоретическое (в знаковых формах) описание законов экономи-

ческих объектов. То же самое касалось социологии, психологии и др.

Но как только были сделаны первые попытки построения научных экономических теорий, стало ясно, что в условиях жизни общества, сложившихся естественно-исторически, теоретические законы экономики не работают: цены на рынке устанавливаются не в соответствии с теоретической стоимостью, получаемая прибыль не соответствует прибавочной стоимости, люди ведут себя далеко не всегда как рациональные *homo economicus* и т. д.

Как пишет Г. П. Щедровицкий в [33, с. 58], «Марксу удалось решить проблемы, перед которыми Смит и Рикардо были бессильны... Объяснить это можно только одним способом: Маркс мыслил иначе, чем Смит и Рикардо». Из теоретических построений К. Маркса вытекала логическая необходимость создания специально организованного («сознательно организованного») общества, в котором законы экономической теории в точности бы выполнялись (практически подтверждались). Эта необходимость была обусловлена не столько социальными причинами (это, с моей точки зрения, вторичные факторы), сколько принципиальными требованиями научного мышления Нового времени: общественная научная теория должна подтверждаться в специально организованных условиях практического (общественного) эксперимента.

И те события, которые произошли после 1917 г. в России, были тем грандиозным социально-инженерным экспериментом по искусственной организации условий жизни общества в соответствии с их научно-теоретическим описанием¹. Предметная организация общественной науки, в том числе экономической, по образцу естественных наук с неумолимой неизбежностью толкала к такому способу реализации теоретических марксистских построений.

Но так же, как и в случае естественнонаучных теорий, законы общественных теорий, построенных предметным образом,

¹ В моей работе [41, с. 182–188] приведена логическая реконструкция процесса социально-инженерного разворачивания народного хозяйства СССР, осуществленного большевиками, начиная с 1929 г.

могут подтверждаться в практической жизни и деятельности людей только до тех пор, пока остаются неизменными (сохраняются) специально организованные (под эти законы) условия жизни общества. Поэтому, как только изоляция СССР и других социалистических стран от остального мира рухнула в конце 1980-х — начале 1990-х гг., теоретические конструкции социалистической экономики (равно как и советских финансов) тут же перестали чему-либо соответствовать в реальности. Обусловлено это было тем, что перестала выполняться одна из важнейших предпосылок классического (предметного) научного знания: стабильность (неизменность) объектов научно-теоретического описания, поддерживаемая на практике социально-инженерными методами, нарушилась.

В отличие от советских марксистов, западно-европейские мыслители еще в начале XX в. поняли несколько принципиальных моментов:

– во-первых, объекты исследования в общественных науках (включая финансовую) не могут приниматься неизменными (как в естественных науках). Они, очевидно, исторически меняются. Главная причина этих изменений состоит в том, что объекты общественных исследований включают в себя людей, способных мыслить и целенаправленно действовать, иногда меняя свое поведение и действия на прямо противоположные. Они оказываются зависимыми и изменчивыми под влиянием получаемых наукой знаний;

– во-вторых, знания, получаемые в любой общественной науке (в отличие от естественно-научных), не могут транслироваться во времени в каналах культурной трансляции;

– в-третьих, инженерные эксперименты с обществом (на манер экспериментов с косным природным материалом) этически недопустимы, ибо чреваты кровавыми последствиями (что, собственно, и продемонстрировали большевики).

Все это недвусмысленно говорит только об одном: финансовая наука не может быть отнесена к наукам, организованным по образцу естественных наук. Даже когда отстаивается право на существование «чистой финансовой науки», авторами все равно выделяются такие предметные области, которые имеют

смысл только в процессе заинтересованной, целенаправленной деятельности (целевого действия) людей. Отсюда — многочисленные «теории-однодневки» начала XX в., о которых писал, в частности, Франческо Нитти в «Основных началах финансовой науки» [89, с. 40]: «Все эти теории отражают на себе влияние той исторической обстановки, в которой они возникли: они являются прямыми выводами из политических представлений, по большей части уже отживших свое время». Об этом же прямо писал еще в 1908 г. И. Х. Озеров в «Основах финансовой науки» [90, с. 37]: «Наше время — время финансовой ломки... а это заставляет деятелей науки покидать свои кабинеты и идти на поле битвы... Разбив скорлупу теории, этого плода якобы спокойной кабинетной мысли, вы нередко находите в ней завернутую пулю, направленную в грудь противника».

С моей точки зрения, и Ф. Нитти, и И. Х. Озеров, делая выводы о политической ангажированности и историчности (преходящем характере) финансовых теорий прошлого, гораздо более правы, чем их оппоненты — сторонники «чистой финансовой науки». Как показал историко-методологический анализ, проведенный за рубежом (М. Вебер, Г. Риккерт), а также в нашей стране (С. В. Попов и автор данной работы), идея о том, что «чистая финансовая наука» могла возникнуть лишь на весьма ограниченном историческом отрезке XIX в., когда институты капиталистической формации окончательно устоялись и возникла иллюзия, что экономические (рыночные) законы столь же объективны и независимы от какого бы то ни было сознательного регулирования со стороны людей (и государства), как и законы природы. Но в конце XIX — начале XX в. эта иллюзия достаточно быстро развеялась: оказалось, что и общество, и институты поддаются целенаправленным изменениям, а экономические и финансовые «законы» создаются искусственно, целевым (телеологическим) методом. При этом финансовое знание стало носить не теоретический, а концептуальный характер¹.

¹ Основополагающая идея (совокупность основополагающих идей), на которой должно строиться будущее действие и под которую затем строят исследование и получают знания, называется «концепцией» [91, с. 263].

Еще более наглядно концептуальность финансового знания проявляется тогда, когда речь заходит о «теориях» управления финансами фирм (корпораций), получивших обобщенное название «финансовый менеджмент». В этом случае вообще даже не предполагается, что финансовая наука «выявляет причинно-следственные связи» или «описывает объективные законы финансовых явлений». В предисловии к «Финансовому менеджменту» Ю. Бриггема и Л. Гапенски [92, с. XI] прямо говорится: «Прикладная дисциплина “Финансовый менеджмент” как наука посвящена методологии и технике управления финансами крупных корпораций». И дальше: «Большая часть... теорий (финансов. — Ю. Б.) ... диктует финансовым менеджерам, что им следует делать» [там же, с. 1].

«Теории» финансового менеджмента (как и современные «теории» государственных финансов) не позволяют получать регулярные (транслируемые в поколениях) финансовые знания, что характерно для естественнонаучного знания классического типа. Получаемые здесь знания являются «разовыми», ситуативными. Ю. Бриггем и Л. Гапенски утверждают: «В тех случаях, когда теория не соответствует практике, нужно модифицировать теорию, добиваясь ее соответствия практике, или же отказаться от нее в пользу иной, лучшей теории» [там же, с. 2].

Оценивая реалистичность посылок, на которых построены теории финансового менеджмента, Ю. Бриггем и Л. Гапенски замечают: «Очевидно, что большинство из этих условий в реальном мире не соблюдаются: существуют налоги и брокерские затраты, физические лица часто не имеют такого доступа на рынок, какими располагают корпорации, менеджеры зачастую лучше осведомлены о перспективах своих фирм, чем посторонние инвесторы, и т. д.» [там же, с. 3]. И дальше эти же авторы делают вывод: «По-видимому, в каждой из этих теорий не учтен какой-то ключевой элемент, а допущение существования идеального рынка капитала не способствует объяснению явлений, имеющих место в реальном мире» [там же, с. 31].

И возникает вопрос: как же тогда можно объяснить, что при столь явной неправдоподобности исходных посылок, на

которых строятся экономические и финансовые теории, они до сих пор используются финансистами-практиками? Причем – небезуспешно. Представляется, что объяснения следует искать в способе реализации «теоретического» (концептуального) финансового знания.

Реализационная структура любого института всегда содержит специально организованное пространство пустых функциональных мест с жесткими процедурами взаимодействия между ними. За счет этого функционального механизма обеспечивается главное назначение любого института: организовывать взаимодействие между людьми, попавшими в те или иные места института, по строго определенным нормам и правилам. Именно данная особенность финансового института (как и любого другого) позволяет придавать статус реальности (но локальной, только в пределах функционального пространства института) абсолютно нереалистичным в обычной жизни предпосылкам теоретических построений.

Так, человек, входя в пространство института суда, занимает определенное функциональное место – «истца», «ответчика», «судьи», «защитника» и т. д. – и тем самым, с одной стороны, лишается возможности вести себя произвольным образом (как это делает тот же человек в обыденной жизни), а с другой – приобретает возможность взаимодействия с другими функциональными местами по строго определенным правилам. В результате такого идеализированного взаимодействия между функциональными местами создается принципиальная возможность достижения искомой Справедливости в возникшей конфликтной ситуации.

Все то же самое верно по отношению к функционированию любого финансового института. Например, пространство фондовой биржи (типичного финансового института) организовано именно как пространство взаимодействия не «живых людей», а идеализированных функциональных мест: «покупателя», «продавца», «маклера» (организатора торгов) и т. д. Попадая в это пространство, живой человек должен (!) вести себя именно как «рациональный homo economicus», а сам биржевой рынок организуется как «эффективный».

Финансовая наука (как и другие общественные дисциплины, например юриспруденция, утверждает В. Г. Марача [93, с. 12]) имеет «предмет» существенно большей сложности, чем любая классически организованная наука. В основе организации классического предметного знания лежит принцип знакового (семиотического) опосредования объекта исследования (см. подраздел 1.4, рисунок 2). В основе организации финансового знания лежит принцип процедурного (институционального) опосредования финансовых отношений (рис. 20).

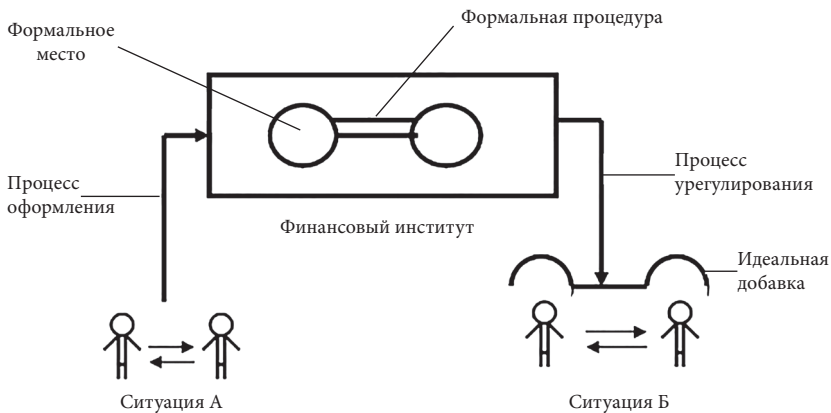

Рис. 20. Схема институционального опосредования финансовых отношений:

- «Ситуация А» — отношения реальных («живых») субъектов финансовой сделки;
- «Ситуация Б» — упорядоченные (институциональной процедурой) отношения между идеализированными субъектами сделки («физическими» или «юридическими»; «брокерами»; «клиентами» и т. п.)

Источники: [41, с. 75; 93, с. 16]

На рисунке 20 в схематичной форме показано, что, в отличие от «косного» объекта естественной науки, «объект» финансовой деятельности (сделка, финансовый акт и т. п.) включает людей, способных мыслить. Данная особенность финансовых «объектов» принципиально не позволяет строить классический предмет финансовой науки: всякое опи-

сание «объекта» в знаковых формах меняет сам «объект» и финансовое знание изначально становится искаженным. Этот факт фиксирует и С. В. Попов в докладе «Современное состояние методологии» [94, с. 2]. Соответственно, действия (и отношения) людей из-за этого могут приобретать произвольный, непредсказуемый (следовательно, нерегулярный) характер. В то же время любая деятельность (в том числе и финансовая) по определению должна носить регулярный характер, утверждают Г. П. Щедровицкий в книге «Избранные труды» [19, с. 233] и С. В. Попов в докладе «Материализация метода» [95, с. 95].

Возникающее при этом противоречие человечество научилось решать двумя способами. Первый – это создание организованных структур деятельности (предприятий, организаций и т. п.), в которых регулярность и нормированность деятельностного процесса задается принудительно – материальными факторами (функционирующей машиной, действующей технологией и т. д.). Данный способ нормирования деятельностного процесса работает (и то не всегда) только в отношении материальных видов деятельности. Но он совсем не может быть применен там, где нет принудительного материального процесса (описанного в знаковых формах естественных наук) и где нельзя пренебречь способностями человека ставить собственные цели и поступать по личному произволу. К числу таких нематериальных типов деятельности относится и финансовая деятельность.

Чтобы в принципе стала возможна регулярная, нормированная финансовая (равно как и правоохранительная, образовательная, политическая и др.) деятельность, человечество изобрело и укоренило в сознании (в «нравах», в культуре) людей разные, в том числе финансовые, институты. Человек, занимая институциональное место в реализационной структуре мест института, оказывается вынужденным переоформить свои отношения с другими функциональными местами в соответствии с нормами и ограничениями данного конкретного института. К примеру, отношения «физического лица» предпринимателя с «налоговыми инспекторами» строго нормиро-

ваны процедурами Налогового кодекса и налоговой службы, и они не могут быть иными. Тем самым финансовые отношения становятся не только регулярными, но и прозрачными, предсказуемыми. У людей появляется возможность целенаправленного расчета своих действий, а у государства повышается эффективность управления процессами в обществе.

Таким образом, если идея о качественно ином способе опосредования финансовых отношений (по сравнению с классическим, знаковым опосредованием объекта исследования) небеспочвенна, тогда появляется возможность определения *статуса финансовых «теорий» и границ их реалистичности*. То, что принято называть¹ «финансовой теорией», научной (в классическом смысле) теорией не может быть по простой причине: ни одна финансовая теория не описывает неизменный и законосообразный объект (как это делает любая естественнонаучная теория). Как показал анализ, в финансовой науке «теорией» принято называть взаимосвязанную совокупность идей, на базе которых предполагается осуществлять будущие действия (либо по изменению общественной ситуации — «теории государственных финансов», либо по достижению частного финансового результата — «теории финансового менеджмента»). И в этом смысле правильнее было бы относить теоретические финансовые разработки к понятию «финансовая концепция».

Исходные предпосылки финансовых «теорий» (концепций), о которых речь шла выше, в силу их идеалистичности не могли позволить реализацию этих «теорий» (концепций) в обыденной жизни. Поэтому, чтобы та или иная «теория» (концепция) могла получить практическую реализацию, приходится десятилетиями вырачивать и укоренять в сознании людей соответствующий финансовый институт «плод» конкретную совокупность идеальных посылок и процедур. Если подобное удастся, финансовая «теория» (концепция) становится действенным инструментом (средством) в руках государства или частной финансовой структуры (частного инвестора). Как представляется, именно эти случаи имеют

¹ На мой взгляд, это — дань исторической традиции, не более того.

в виду Ю. Бригхем и Л. Гапенски, говоря о том, что «часто действительность достаточно близка к ситуации, предполагаемой исходными условиями теории» [92, с. 3], а «некоторые теории, пользовавшиеся одно время широким признанием, позднее оказались несостоятельными» [там же, с. 31].

Одним из подтверждений гипотезы о том, что институционализированные финансовые структуры служат в качестве механизмов реализации финансовых «теорий» (концепций) говорит тот факт, что, например, «теория дисконтированного денежного потока» (DCF) была практически реализована лишь спустя 24 года после своей разработки. Об этом прямо говорят Ю. Бригхем и Л. Гапенски в работе «Финансовый менеджмент» [там же, с. 3]. Понадобилась почти четверть века, чтобы создать и укоренить в общественном сознании организационные механизмы эмиссии, обращения и «уничтожения» (обесценения) инвестиционных денежных номиналов, ценность которых зависит от будущих (еще не созданных) материальных благ.

Другим ярким примером, подтверждающим сказанное выше, является создание Чикагской опционной биржи под определенную теоретическую модель ценообразования опционов. Так, Ю. Бригхем и Л. Гапенски об этом факте пишут: «Хотя опционы существовали уже длительное время – сделки с товарными опционами стали заключаться в середине 1800-х годов – формализованная модель ценообразования опционов появилась лишь в 1973 г.» [там же, с. 10]. А в другом месте той же работы читаем: «Раньше условия опционных контрактов должны были согласовываться по каждой сделке непосредственно покупателем и продавцом¹. Это осложняло поиск контрагентов, поэтому в 1973 г. (курсив мой. – Ю. Б.) была создана первая опционная биржа – Chicago Board Option Exchange (СВОЕ)» [там же, с. 133]. Думается, что абсолютное совпадение времени разработки теории и создания механизма ее реализации (процессуального опосредования финансовых отношений) далеко не случайно.

¹ Это прямо свидетельствовало об отсутствии соответствующего финансового института.

Доказательства того, что реализация финансовой теории требует создания институционализированных организационных механизмов в области практической финансовой деятельности, легко найти не только в финансовом менеджменте, но и в государственных финансах. Все финансовые теории, созданные на Западе в XX в. — как в кейнсианской линии, так и в неоклассической, в обязательном порядке предполагали соответствующие (теориям) изменения процедур реализационных механизмов государственных финансовых институтов: государственного бюджета, налогообложения, инвестирования и других. Например, если теория «встроенных стабилизаторов» предполагала использовать налоги в качестве автоматического регулятора экономического цикла, то это прямо означало, что должны были изменяться практические механизмы института налогообложения. Если создавалась концепция «циклического балансирования бюджета», то она, естественно, не могла работать на практике без фактического изменения институционализированного бюджетного процесса, и т. д.

Таким образом, подводя итог проведенному анализу особенностей организации научного финансового знания, можно сформулировать следующие *выводы*:

1. Предмет финансовой науки имеет смысл обсуждать только по отношению к конкретной, исторически сформировавшейся модели (онтологической картине) финансов¹. Соответственно, для разных онтологических представлений финансов и предметные конструкции финансовой науки должны быть разным; финансовое знание (финансовая «теория»), полученное в рамках любого онтологического представления финансов, не отвечает ни одному из требований научности, действующих для естественнонаучного знания — финансовые «объекты» изменчивы; финансовые факты зависимы от получаемых в науке финансовых знаний; ученый-финансист не может быть пассивным созерцателем финансовых явлений, он должен быть действующим лицом (либо участником осуществляемых действий).

¹ См. раздел 2 данной работы.

2. Финансовые «теории» (концепции) предназначены не для описания и объяснения «законов финансовых явлений», а для организации целенаправленных управленческих действий в обществе.

3. Реализуемость финансовых «теорий» (концепций) обеспечивается только в рамках функционирования соответствующих финансовых институтов; изменение институционализированных организационных структур с необходимостью предполагает изменение (замену) финансовых «теорий» (концепций).

4. Предметная область финансовой науки строится не по отношению к идеальным объектам онтологической картины (как у естественных наук), а по отношению к идеальным процедурам финансовых институтов; «предмет» финансовой науки – двухплоскостной: включает слой теоретических конструкций (концептуальных идей) и слой их практической реализации в нормативно заданных процедурах финансового института.

5. Сформулированные выводы можно схематизировать следующим образом (рис. 21).

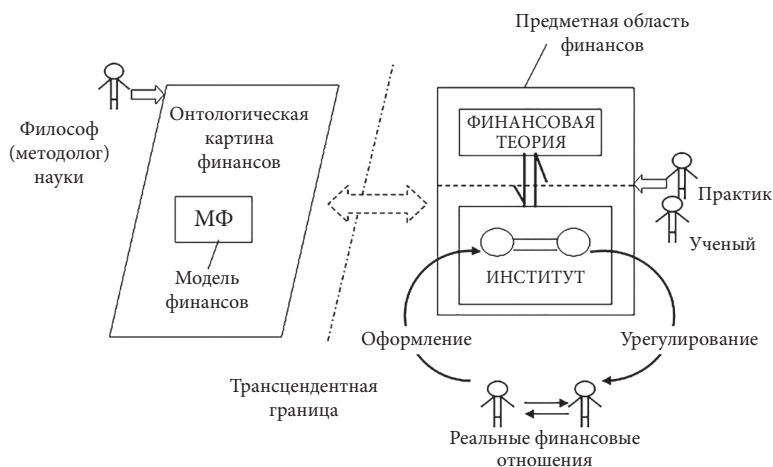

Рис. 21. Схема организации институционализированных финансовых отношений

Источник: рисунок автора [41, с. 84]

На рисунке 21 показано, что предметная область финансовой науки должна соотноситься с соответствующей моделью финансов (в рамках той или иной онтологической картины мира финансов). С другой стороны, реальные финансовые отношения людей (финансовые сделки, налоговые платежи, исполнение бюджета и т. п.) опосредуются функциональными структурами — идеализированными местами и процедурами финансовых институтов).

Таким образом, «финансовая наука» оказывается неразрывно связанной с практически осуществляемой, нормированной финансовой деятельностью, а ученый-финансист не может разрабатывать финансовые теории независимо (в отрыве) от позиции государственного деятеля (от финансовой политики).

Если теперь, исходя из всего вышесказанного, взглянуть на российскую финансовую практику, то сам собой напрашивается вывод: в условиях несформировавшихся современных финансовых институтов западного образца¹ и, соответственно, неработоспособности научного финансового знания в России складывается проблемная ситуация чрезвычайной сложности — государственной финансовой политике опираться не на что. Остается действовать лишь по ситуации, которая непрерывно меняется. Культурная финансовая деятельность в таких условиях становится практически невозможной.

¹ И которые к тому же из-за западных санкций (в связи с СВО) подвергаются дополнительному разрушению.

2. ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОЙ ТИПОЛОГИИ ФИНАНСОВ

2.1. Введение в проблему

Обратимся сначала к наиболее распространенным отечественным трактовкам понятия «финансы».

Так, в «Общей теории финансов», написанной под руководством Л. А. Дробозиной, читаем: «Финансы представляют собой экономические отношения, связанные с формированием, распределением и использованием централизованных и децентрализованных фондов денежных средств в целях выполнения функций и задач государства и обеспечения условий расширенного воспроизводства» [8, с. 8].

У А. М. Ковалевой с соавторами в учебнике «Финансы фирмы» читаем: «Финансы — это совокупность денежных отношений, организованных государством, в процессе которых осуществляется формирование и использование общегосударственных фондов денежных средств для осуществления экономических, социальных и политических задач» [7, с. 11].

В. М. Родионова с соавторами в учебнике «Финансы» сущность финансов определяет следующим образом: «Финансы — это денежные отношения, возникающие в процессе распределения и перераспределения стоимости валового общественного продукта и части национального богатства в связи с формированием денежных доходов и накоплений у субъектов хозяйствования и государства и использованием их на расширенное воспроизводство, материальное стимулирование работающих, удовлетворение социальных и других потребностей общества» [10, с. 20].

Наконец, приведу еще одно характерное определение финансов, которое в целом ряде работ отстаивает Б. М. Сабанти с коллегами: «Финансы — это система денежных отно-

шений по поводу формирования и использования фондов, необходимых государству для выполнения своих функций» [117, с. 8; 119, с. 20].

При внешней непохожести приведенных выше формулировок между ними много общего. Первым общим местом является то, что финансы — это прежде всего «денежные отношения». Причем у многих авторов особо подчеркивается данная особенность финансов: там, где нет денежных отношений, не могут появиться и финансы. Эту максимум утверждают и М. В. Родионова в [10, с. 9], и Н. Ф. Самсонов в [119, с. 17].

Однако финансы не сводятся ко всем денежным отношениям. Не всякие денежные отношения суть финансовые, а только те, которые «связаны с формированием и использованием денежных фондов». И это — вторая общая характеристика определений финансов, данных выше. Даже в том случае, когда термин «денежные фонды» в формулировке напрямую отсутствует, как у В. М. Родионовой, в другом месте ее учебника «Финансы» специально отмечается, что «использование финансовых ресурсов осуществляется через денежные фонды» [10, с. 11].

Третьим важным признаком финансов является, по мнению всех вышеназванных авторов, их связь с государством. Причем здесь можно проследить двоякую связь. С одной стороны, государство формирует денежные фонды, которые носят характер «общегосударственных», с другой — фонды используются (с помощью фондов перераспределяются денежные ресурсы) в целях выполнения функций государства. Относительно последних либо прямо говорится в [8] и в [119]: «...обеспечение условий расширенного воспроизводства» или немного в другой редакции в [10]: «использование... на расширенное воспроизводство». Определения финансов, которые можно встретить у ряда других российских ученых-финансистов (например, у А. Ю. Казака [120], М. В. Лычагина [121], В. К. Сенчагова [122], О. В. Соколовой [123]), находятся в основном в том же русле: фондовый характер денежных отношений, используемых (распределяемых) государством

в целях расширенного воспроизводства, встречается во всех указанных работах.

Однако из сказанного неправильно было бы делать вывод о достигнутом едином понимании сущности финансов среди российских ученых-финансистов. О том, что это не так, в литературе есть много прямых и косвенных свидетельств. Так, М. В. Романовский и О. И. Врублевская пишут в [118, с. 12]: «Понятие “финансы”, благодаря заимствованиям из иностранной литературы, распространяется на широкий круг экономических отношений, не имеющих ничего общего с финансами. Практически все денежные отношения в обществе стали причислять к финансам — и денежные отношения негосударственных предприятий, и банковское дело, и домашнее хозяйство, и вообще все, что связано с движением денег».

Из приведенной цитаты можно, по крайней мере, предположить, что существует и иное понимание финансов, причем имеющее зарубежные корни. Как бы в подтверждение сказанному авторы совместной российско-американской работы В. Вяткин, Дж. Хэмптон, А. Казак пишут в [12, с. 14]: «Финансы — это специализированная прикладная функция административного управления, состоящая в управлении денежными потоками организации: будь то завод, госпиталь, банк или школа». Причем само «управление... денежными потоками» понимается не в смысле распределения (перераспределения) денежных ресурсов между фондами (централизованными и децентрализованными) — что вытекает из трактовки финансов как «прежде всего, распределительной категории» [8, с. 10; 10, с. 13; 119, с. 19]. «Управление» понимается в непривычном для российской ментальности смысле: «ухитриться» [12, с. 16]). Имеется в виду «ухитриться» действовать так, чтобы то, что управляющей структуре (финансовому менеджменту) непосредственно не принадлежит (финансовые ресурсы на финансовом рынке), начало бы двигаться в требуемых направлениях.

И действительно, если обратиться к оригинальным работам западных ученых, а также практиков-финансистов (таких, как Ю. Бриггем и Л. Гапенски [92], Дж. К. Ван Хорн [124],

Дж. Дуонс и Дж. Гудман [125], Дж. Маршалл и В. Бансал [126], Дж. Сорос [127], Дж. Шим и Дж. Сигел [128]), то мы, во-первых, нигде не обнаружим обсуждения сущностных характеристик финансов. Как бы в их финансовой среде считается, что «правильное» понимание финансов само собой разумеется: оно давно сложилось, незыблемо вследствие институциональной укорененности в общественном сознании. И из общего контекста ясно, что оно не такое, которого придерживаются многие российские ученые-финансисты.

Во-вторых, государственным (в западной терминологии — «публичным») финансам уделяется несравненно меньше внимания, чем частным (т. е. финансовым операциям на уровне корпорации, фирмы или индивидуального инвестора). Но даже, когда речь заходит о государственных (публичных) финансах, обсуждается не то, что принято у нас (по схеме «сущность — функции — фондовая формы финансов»), а сугубо прагматический, управленческий аспект финансов: как с помощью государственных финансовых инструментов (налогов, бюджета и др.) влиять на циклы экономической активности (что не одно и то же с воспроизводственным процессом).

Наконец, в-третьих, первичной «клеточкой» (если пользоваться термином Гегеля и Маркса) финансов там принято считать не «денежный фонд», а его своеобразный антипод — «денежный (финансовый) поток», подлежащий управлению с использованием частных финансовых инструментов — акций, облигаций, векселей и т. п.

Попытки освоить данный подход применительно к финансам, адаптировать его к российским экономическим реалиям нередко теперь (с началом рыночных реформ) можно встретить и у отечественных авторов (см., например, работы И. Т. Балабанова [129], В. В. Ковалева [130], В. И. Терехина [131], Е. С. Стояновой [132]). В российских вузах стал преподаваться сугубо «западный» предмет — финансовый менеджмент. Деятельность многих, вновь возникших в период экономических преобразований финансовых институтов России — коммерческих банков, валютной и фондовой бирж и др. —

с самого начала строилась по западным («рыночным») образцам. Однако анализ литературы и практический опыт показывают, что в нынешней России одновременно существуют (и в науке, и на практике) не только «традиционно российский» и «традиционно западный» подходы к финансам (финансовым отношениям). Есть уже серьезные циклы работ (в основном методологического и практического плана), в которых развивается, если так можно выразиться, третье, альтернативное обоим понимание финансов (см., например, работы С. В. Попова [106] и С. Б. Чернышева [116]).

Данный подход, базируясь на конструктивно-критическом переосмыслении оснований первых двух финансовых традиций, позволяет ассимилировать лучшие стороны каждой. На мой взгляд, он сулит большие возможности продвинуть финансовую науку на новый, существенно более высокий уровень, с позиций которого актуальные финансовые проблемы меняющегося общества (как в России, так и в мире) решались бы много эффективней, чем до сих пор. Данное направление (подход) можно назвать финансово-инженерным. Автор настоящей работы в меру своих возможностей старался придерживаться также данного направления [34; 41].

Из всего вышесказанного следует, как представляется, неоспоримый *вывод*: можно не разделять тот или иной подход к пониманию финансов, но уже невозможно категорически настаивать на какой-либо трактовке финансов как «единственно истинной».

Если к этому отнестись серьезно, тогда отсюда следует сразу целая серия проблемных вопросов, требующих своего исследования:

1. Каким исходным историческим смыслом соответствует термин «финансы»?

2. Как эти смыслы соотносятся с современными трактовками финансов?

3. Как стало возможным, чтобы появились и получили развитие существенно различные понятийные конструкции финансов?

4. Где границы адекватности разных понятий финансов?

Чтобы ответить на эти (и сопутствующие) вопросы, обратимся к историческим источникам и попытаемся выявить траектории исторического генезиса финансов, начиная с периода их зарождения.

2.2. Историческое происхождение понятия «финансы»

И. Шиль еще в середине XIX столетия говорил: «Термины какой-либо научной дисциплины в своей совокупности составляют терминологию, которая неотделима от системы понятий данной науки и развивается вместе с ней» (цит. по: [97, с. 4]). В деятельностном подходе исходные смыслы слова, обозначающего конкретное понятие, зачастую играют ключевую роль при построении данного понятия. Поэтому попытаемся прежде всего разобраться с этимологией термина «финансы».

Данный вопрос рассматривался многими как дореволюционными, так и современными авторами. Так, Б. М. Сабанти писал в своей «Теории финансов» [117, с. 42]: «Сегодня трудно назвать автора, который ввел в обиход термин “финансы”». Авторство этого термина можно оставить за французским ученым Ж. Боденом, который в 1577 г. издает работу “Шесть книг о республике”. Из французского языка термин “финансы” перешел во все языки мира». Но не все авторы разделяли данную точку зрения. Так, Н. Ф. Самсонов утверждал в [119, с. 17]: «Термин *finansia* возник в XIII–XV вв. в торговых городах Италии и сначала обозначал любой денежный платеж». Более обстоятельный этимологический анализ данного термина предпринимает В. М. Пушкарева в монографии «История финансовой мысли и политики налогов»: «Термин “финансы” этимологически берет свое начало от латинского *finis*, т. е. конец. В средневековой латыни это слово употребляли для обозначения срока уплаты, а затем и для обозначения документов, доказывающих погашение долга, которым заканчивалась сделка. Впоследствии всякий принудительный платеж стал обозначаться этим же термином» [96, с. 31].

Отсюда, видимо, можно предполагать, что, во-первых, итальянское слово *finanzia* само является производным и имеет латинские корни, а во-вторых, оно наверняка более позднего происхождения. Для такого понимания В. М. Пушкирева указывает на важные обстоятельства: «Проникнув в XVI–XVII вв. в немецкий и французский языки, это слово стало обозначать существенно разные явления – в Германии хитрость, лукавство, обман, вымогательство, а во Франции – совокупность государственного хозяйства» [96, с. 31].

С точки зрения данного исследования, этот момент носит принципиальный характер, позволяющий сформулировать следующую гипотезу: возникнув в Италии, Франции и Германии в виде существенно различающихся первичных «смысловых сгустков», слово «финансы» предопределило в дальнейшем развитие по крайней мере трех весьма непохожих друг на друга понятийных конструкций финансов. Если данная гипотеза не беспочвенна, тогда будем иметь в области финансов тот же феномен, о котором упоминал еще Г. В. Гегель, говоря, что «понятия в истории живут гроздьями». Чтобы проверить данную гипотезу, обратимся по возможности к более ранним источникам.

Так, Л. В. Ходский в своих «Основах государственного хозяйства» утверждает: «Слово финансы производят от латинского слова *finis*, которое употреблялось в Средние века как в его первоначальном значении (отсюда русское “финиш”. – Ю. Б.), так и в переносном – в смысле заключения счета платежом. От корня этого слова произошло французское *la finance*, которым во Франции в Средние века обозначали вначале денежную сумму, уплаченную королю за предоставление известной должности; затем вообще денежную сумму, в особенности по государственным доходам, причем то же слово во множественном числе – *les finances* – употребляли для обозначения всего государственного имущества и всего государственного хозяйства. В XVIII в. это слово, под влиянием французского языка, с тем же значением стало употребляться в немецком языке и вошло в другие языки. Вообще же в немецком языке в XV–XVI вв. слово *Finantz* (старо-

немецкое *Finanz*. — Ю. Б.) употреблялось как синоним слов: *Untreu, Neid, Hass, List* — т. е. неверность, зависть, ненависть, хитрость. В Англии слово *finances* употребляется не только для обозначения государственного хозяйства, но и в народно-хозяйственном смысле. В последнее время и на материке начали называть финансовыми предприятиями разные биржевые, банковские, денежные и кредитные учреждения» [100, с. 6].

С. Ю. Витте в «Конспекте лекций о народном и государственном хозяйстве» практически повторяет многое из сказанного Л. В. Ходским: «Слово “финансы” ведет свое начало от средневекового латинского термина *finatio*, означавшего производство обязательного платежа в конце платежного срока (*finis*). Позже в Германии (XVI–XVII вв.) выражение финансы (*Finanz*) употреблялось в дурном смысле, означая хитрость, лукавство, вымогательство, может быть потому, что осуществление *finationis*, т. е. взыскания платежей, сопровождалось вымогательством и притеснениями. Однако со временем это дурное значение термина исчезло, и сперва во Франции, а потом, вследствие всеобщего распространения французского языка с конца XVII в., и в других странах под словом финансы — “*les finances*” — стали понимать всю совокупность государственного имущества и вообще состояние всего государственного хозяйства» [98, с. 416].

С. Иловайский в работе «Финансовое хозяйство и финансовая наука» также подтверждает: «Термин “финансы” [французский и английский *Finance(-s)*, немецкий *Finanz(-en)*, итальянский *Finanz-a(e)*] этимологически ведет свое начало по господствующему взгляду от латинского *finis* в значении срока платежа. От *finis* произошли слова средневековой латыни: *finatio (finare)*, *finansia*, *financia pecuniaria*, употреблявшиеся в 13 и 14 вв. в смысле денежного обязательства, платежа, суммы денег. По другому взгляду термин “финансы” германского происхождения, именно происходит от английского *fine* (вероятно, также от *finis*), или от немецкого *finden* (находить), *erfinderisch* (находчивый, а также хитрый, коварный), или, наконец, от немецкого же *fein* (тонкий, а также ловкий, хитрый)» [99, с. 4]. Дальше этот дореволюци-

онный ученый-финансист, по сути, повторяет рассуждения процитированных выше авторов относительно тех смыслов, которые данный термин в XVI и XVII вв. приобрел в Германии и Франции. Поэтому эту часть его рассуждений опускаю в целях экономии места.

Во многом сходные соображения высказывал И. И. Янжул, не менее известный российский ученый-финансист конца XIX — начала XX в.: «Слово “финансы” ведет свое происхождение, по наиболее принятому и наиболее правдоподобию толкованию ученых, от средневекового латинского термина *finatio, financia, financia rescuniaria*, употреблявшегося в XIII и XIV вв. в смысле обязательной уплаты денег, а затем вообще денежной суммы. Может быть, вследствие близости звуков со словами *fein* (хитрый) и *erfinderisch* (от *finden* — изобретательный) или потому, что сами *finationes* в то время соединялись с разного рода притеснениями, выражение “финансы” в Германии в XVI и XVII вв. имело дурное значение, заключало в себе элемент лукавства, вымогательства; так Schotelius финансы объясняет выражениями: живодерство, лихоимство, а Себастьян Брант сопоставляет понятия: *Untreu, Hass, Neid, Finanz* — вероломство, ненависть, зависть, финансы (К. Рау). Напротив, во Франции уже с XVI в. это слово употребляется почти в том же значении, что и в настоящее время... в смысле всей совокупности государственного имущества и состояния правительственного хозяйства. Всеобщее употребление французского языка со времени Людовика XIV совершенно вытеснило немецкий, дурной смысл слова, и в настоящее время под финансами, в техническом значении слова, разумеется исключительно совокупность материальных средств, необходимых для удовлетворения потребностей государства» [101, с. 10–11].

И. Х. Озеров в своих «Основах финансовой науки» несколько с другой точки зрения объясняет немецкий термин *Finanz*: говоря о том, что в XVI–XVII вв. финансовая наука еще не сложилась, «это скорее — искусство, ловкость (хитрость) находить средства в данную минуту. Отсюда и название *Finanz*, что означает хитрость» [90, с. 69].

Что следует из приведенных высказываний крупнейших дореволюционных российских финансистов?

Первый, наиболее очевидный факт: финансы — понятие историческое. Оно существовало не всегда, возникло в определенный исторический период и в дальнейшем менялось под влиянием исторических обстоятельств. Данный момент в том или ином виде отмечается многими современными авторами: Л. А. Дробозиной [8, с. 61], А. М. Ковалевой [11, с. 5], Б. М. Сабанти [97, с. 37] и др.

Второй момент, по-видимому, менее очевидный: понятие финансов стало складываться не раньше XIII и не позже XV в. Именно к этому историческому периоду специалисты относят возникновение исходных деятельностных (практических) смыслов финансов и закрепление их за определенным термином (набором терминов).

Третий момент: исторически первыми возникли не государственные, а частные финансы. Об этом недвусмысленно пишут практически все выше процитированные авторы: в изначальном смысле словом «финансы» обозначали завершение срока платежа, сам платеж по истечении определенного срока или денежный документ об уплате определенной суммы денег по завершении срока сделки. Причем ни у кого из тех, кто исследовал эпоху возникновения понятия (а значит — и практических) финансов, не упоминается государство с его потребностями в качестве принципиального условия их появления. Государственные финансы (в форме финансового хозяйства) выходят на историческую арену не в итальянских городах, а во Франции и Германии полтора-два века спустя. Этот факт отмечает и К. Т. Эеберг в «Курсе финансовой науки» [114].

Данный тезис прямо противоречит довольно распространенным утверждениям советских авторов. Например, у Л. А. Дробозиной [8, с. 4] читаем: «Финансы появились одновременно с возникновением государства при расслоении общества на классы». Или Б. М. Сабанти, перечисляя три признака, присущие финансам, вторым называет «денежные отношения, вызванные фактом наличия государства

как органа управления» [117, с. 9]. И здесь же констатирует: «Любые другие денежные отношения не относятся к финансам» [там же].

Я вынужден не согласиться с подобной позицией этих авторитетных в недавнем прошлом ученых. А чтобы не быть голословным, попытаюсь дополнительно подкрепить иной тезис историческими свидетельствами и аргументами не менее авторитетных ученых досоветской эпохи.

Так, И. И. Янжул пишет в [101, с. 4–5]: «Средние века... скорее сократили, чем расширили объем государственных потребностей. Содержание королевского двора производилось на те средства, которые доставлялись личными именьями монарха... Содержание войска стоило весьма недорого, так как... каждый вассал должен был являться на войну со своим оружием, а если он был значителен, то и со своим войском... Внутреннее управление сосредоточивалось в руках вассалов и обходилось без затрат со стороны государства... Во второй половине средних веков, а именно в XV в., происходят два события, произведшие переворот в строе экономической, а вместе с тем и финансовой жизни всех европейских стран; это было открытие Америки и изобретение пороха».

С. Иловайский тоже отмечает, что «с 15 века... начал упрочаться новый государственный строй», связанный с «возникновением больших абсолютных монархий, появлением постоянных войск, и в результате рост публичных задач, связанных с возможностью покрыть новые расходы новыми источниками доходов, открывшимися благодаря переходу от натурального хозяйства к денежному... — вот моменты, обусловившие новый финансовый строй» [99, с. 25–26].

Лоренц Штейн, описывая в «Финансовой науке» три стадии развития государственного финансового хозяйства, указывает на то, что «1-ая стадия — выделение самостоятельной идеи государства, борьба королевских прав со старыми словесными корпорациями» [111, с. 10]. Это — уже XVI в.

Указание на XV–XVI вв. как на переломные с точки зрения формирования финансового (государственного) хозяйства мы находим у Л. В. Ходского [100, с. 13] и Ф. А. Менькова

[112, с. 9]. Аргументы у них практически те же, поэтому в целях экономии места их не привожу.

Кроме того, целый ряд авторов, исследовавших данный вопрос, практически однозначно фиксируют факт развития частных финансов на основе обращения финансового инструмента — векселя — задолго до того, как стали складываться в Европе государственные финансы. Так, известный французский историк экономики Фернан Бродель пишет в «Играх обмена» [43, с. 532]: «В целом в 1640 г. и даже еще в 1660 г. английские финансы по своей структуре имели довольно близкое сходство с финансами Франции того времени. Ни с той, ни с другой стороны Ла-Манша *не было государственных финансов* (выделено мной. — Ю. Б.), централизованных и зависящих единственно от государства. Слишком много представлялось частной инициативе... финансистов... которые были одновременно работодателями короля... и чиновниками, которые от государства не зависели, т. к. свои должности покупали. И это не считая лондонского Сити... Английская реформа имела целью избавление от посредников, которые паразитировали на государстве... На сегодняшнем нашем языке мы бы сказали, что имела место национализация финансов».

А чуть дальше Ф. Бродель замечает, что вплоть до конца XVII — начала XVIII в. тщетно пытаться «проводить разграничение между финансистом государственным и финансистом частным... Даже когда финансист бывал “чиновником финансового ведомства” (*officier de finances*), как это часто встречалось во Франции, королю он ссужал те самые деньги, какие собирал с налогоплательщиков...» [там же, с. 541]. Вместе с тем Ф. Бродель фиксирует, что «в Генуе, Флоренции и Венеции великим новшеством с XIII в. стал вексель, который внедрялся мелкими шажками, но все же внедрялся» [там же, с. 100].

Л. В. Ходский даже указывает конкретную дату: «...Самый древний вексель, который был найден до настоящего времени, помечен 1207 годом. Довольно усовершенствованная форма этого векселя указывает ясно на то, что векселя не

только были в употреблении в XII веке, но, по всему вероятно, и гораздо раньше» [44, с. 117].

Наконец, уже наш современник методолог С. В. Попов подробно описывает саму ситуацию зарождения частных финансов в XIV в., когда с целью повышения эффективности торговли шерстью между португальскими и итальянскими городами, стали использовать долговые расписки — прообраз современного векселя [17, с. 169].

Таким образом, мне представляется более убедительным вывод о необоснованности связывать историческое зарождение финансовых отношений непременно с ролью государства и его потребностями. Так можно говорить только в отношении одной из исторических «ветвей» финансов — государственных. Что касается негосударственных (частных) финансов, то они представляют собой не только самостоятельную область («ветвь») понятия финансов, но и имеют исторический приоритет по сравнению с государственными: период их развития на несколько столетий больше¹. Поэтому и анализировать их теоретические основания и способы организации нужно отдельно, наряду с государственными финансами.

Можно выделить еще один принципиальный момент, который вынуждает задуматься уже о содержании самих государственных финансов. Если снова обратимся к источникам, описывающим ситуации, в которых стали складываться первичные смыслы термина «финансы», то мы нигде не обнаружим даже намека на фондовый характер финансов. Между тем многие современные российские авторы неизменно подчеркивают эту характеристику финансов, считая ее существенной. Так, в [118, с. 11] читаем: «Фондовая форма использования финансовых ресурсов объективно predetermined». В работе под редакцией Н. Ф. Самсонова в [119, с. 19] сказано не менее категорично: «Финансы... имеют ярко выраженное специфическое общественное назначение — формирование

¹ Тот же Ф. Бродель отмечает, что вексельные финансовые операции появились в мусульманском мире еще в X–XI вв., т. е. задолго до переоткрытия их европейцами, и тем более — до возникновения государственного хозяйства [43, с. 382].

и использование денежных фондов государства». Еще жестче высказывается по данному поводу Л. А. Дробозина с соавторами в [8, с. 64]: «По своему материальному содержанию финансы — это целевые фонды денежных средств».

Подобные высказывания нетрудно продолжить, поскольку в современной российской, особенно в учебной, литературе это фактически общее место. Вместе с тем авторам, писавшим в начале XX в., казалось само собой разумеющимся, что термин «финансы» употребляют «для обозначения всего государственного имущества и всего государственного хозяйства» [100, с. 6] (то же самое с небольшими вариациями повторяется в [98, с. 416] и в [101, с. 11]).

Чем же можно объяснить столь значительное изменение содержания понятия государственных финансов, произошедшее в российской финансовой литературе в XX в.? Этот вопрос является риторическим, поскольку практически любому специалисту понятны причины подобной метаморфозы российских финансов: разумеется, причина — в тех трансформациях общества, хозяйства и государства Российского, которые последовали вслед за Октябрьской революцией 1917 г. Это можно проследить, анализируя работы советских финансистов 1930–60-х гг. Чуть позже (в подразделе 2.4) такой анализ будет проведен. А сейчас хотелось бы подчеркнуть принципиальную важность этого вопроса (и ответа на него) с точки зрения темы данного исследования. Если социалистическая трансформация привела к радикальному пересмотру содержания государственных финансов (в целях обеспечения адекватности целей социалистического строительства с функциями и формами организации советских финансов), то что должно происходить с нынешними российскими финансами в эпоху рыночных трансформаций? Должны ли они по-прежнему носить фондовый характер? Или содержание государственных финансов должно быть вновь пересмотрено, приведено в соответствие с новыми российскими реалиями? И если да, то как, в каком направлении? Ответы на все подобные вопросы, на мой взгляд, далеки от очевидности и носят проблемный характер.

2.3. Западноевропейские модели финансов

В начале данной работы я уже подробно рассматривал вопрос возникновения и становления действительности частной финансовой деятельности — см. подразделы 1.4 и 1.5, а также схемы на рисунках 4, 11 и 12. С моей точки зрения, то, что представлено было на рисунке 12, и является онтологической моделью частных финансов, ориентированной на предпринимательскую деятельность с использованием финансовых инструментов и инвестиционных денег. До настоящего времени данная модель финансовой деятельности является преобладающей в развитых странах (теперь уже не только Западной Европы). Поэтому повторять все сказанное выше заново, на мой взгляд, не имеет смысла. Но мне важно было еще раз зафиксировать, что то, что в настоящее время в развитых экономиках мира считается «финансовой деятельностью» это работа именно в соответствии (по нормам и стандартам) с представленной на рисунке 12 моделью финансов.

Теперь рассмотрим другую «ветвь» — государственную — западных финансов, которая сейчас немного отошла на второй план, но еще в начале XX в. была преобладающей.

Остановлюсь сначала на методологическом принципе, который будет служить средством организации генетического анализа государственных финансов на Западе. Когда речь заходит об историческом развитии финансов, даже очень солидные ученые нередко «начинают историю» с античных времен. Так, у С. Иловайского читаем: «...Финансы так же стары, как государство... У великих писателей античного мира — Аристотеля, Платона, Ксенофонта, Цицерона... встречаются упоминания о финансах» [99, с. 24]. Похожие рассуждения есть и у Н. Растеряева: «Древние и средние века понимали, какое значение для государственного блага имеют хорошие финансы... Правильное финансовое управление началось только при Августе» [103, с. 17–18]. А. А. Никитский тоже пишет: «Цезари водворили некоторый порядок в финансах», ссылаясь при этом на книгу Дессау с весьма харак-

терным названием — «Финансы древнего Рима» [102, с. 24]. И аналогичные примеры легко продолжить.

Я не разделяю подобного подхода к анализу исторического материала. И вопрос здесь не в том, чтобы соглашаться или не соглашаться с утверждениями о существовании «на самом деле» финансов в государствах античного мира. Вопрос — в правильности выбора (построения) методологической схемы (по М. Веберу — «идеально-типической конструкции» [105, с. 403]), через «призму» которой правомерно смотреть в прошлое и анализировать исторические факты. При этом проблема в том, чтобы не смешивать средства анализа с самим объектом, подлежащим анализу. Не допускать натурализации собственных мыслительных конструкций.

Если из приведенных примеров (а также из самих текстов) можно заключить, что авторы исходили из предположения о развитии финансов в истории по принципу эволюционного накопления существенных признаков, то я буду пользоваться, на мой взгляд, более адекватной схемой, принятой в деятельностном подходе. В данной работе применялся логический принцип анализа исторического материала, сформулированный Г. П. Щедровицким и описанный в его «Избранных трудах» [19, с. 310–311]. Этот принцип предполагает, что у любого общественного явления (в том числе у финансов) существуют «доисторический» период, состоящий из «предыстории» (когда складываются, накапливаются необходимые его материальные предпосылки), а также «праистории» (когда функция предмета уже появилась, но она еще не «села» на материал), и собственно «история», которая начинается после и организационного, и понятийного его оформления. Соответственно, я здесь также придерживался подхода, согласно которому «история финансов возникает» [108, с. 6], когда окончательно складываются необходимые условия их организации. Более того, предполагалось, что «предыстории» и «праистории» финансов могут быть разными для различных общественно-исторических условий и форм организации финансовой деятельности (рис. 22).

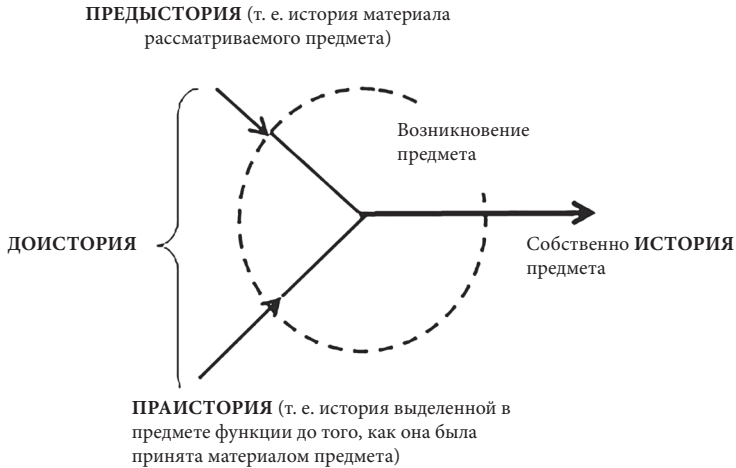

Рис. 22. Схема возникновения истории любого предмета

Источник: [19, с. 310]

Г. П. Щедровицкий по этому поводу писал: «Вся история рассматриваемого предмета разбивается на три части, или ветви: *праисторию*, *предысторию* и *собственно историю*. Их связывает в единое целое процесс или акт “возникновения” рассматриваемого предмета как такового, т. е. “появление” исследуемой функции у данного материала, “соединение” материала с функцией. Исследование этих трех моментов, именно праистории, предыстории и возникновения, и составляет в целом исследование происхождения рассматриваемого нами предмета, состоящего из материала и функции» [19, с. 310].

Когда вышеназванные авторы писали о «финансах Древнего Рима», они, на мой взгляд, имели в виду лишь отдельные материальные проявления будущих европейских финансов. То же самое можно сказать и о замечаниях Ф. Броделя относительно вексельного обращения у арабов в XII в. Но там и там полноценных финансов еще не было — до момента их возникновения как научного предмета и формы практической финансовой деятельности было еще много веков.

В данном случае я солидарен с позицией В. П. Дьяченко, который писал по этому поводу в «Вопросах теории финансов» [107, с. 45]: «Известно, что такие натуральные методы получения ресурсов, как дань с побежденных, дары власть имущим, жертвенное приношение храмам... существовали с весьма отдаленных времен. Но заниматься на этом “основании” поисками финансов на заре возникновения государства, во все времена... — значит, заниматься пустопорожним прожектерством».

Несмотря на то что сам термин «финансы» был взят из области частных финансовых операций (см. подраздел 1.4), исторически первой стала формироваться западноевропейская модель государственного финансового хозяйства¹. Переломным — когда предыстория и праистории финансов закончились и началась история данной формы государственных финансов — был, судя по всему, XVIII в. Об этом прямо указывают очень многие исследователи. Так, И. И. Янжул пишет о культурных переменах: «С XVIII в. начинается новая эпоха в государственной жизни: государство начинает сознавать всю важность и значение народного просвещения, как одного из главных условий народного счастья и благосостояния... Повсюду в западной Европе заводятся школы, открываются университеты... Понятно, что проведение этих мероприятий обусловливало новые расходы со стороны государства» [101, с. 6].

¹ Очень часто ее называют «финансами капитализма» [104; 113, с. 3; 107, с. 20]. Однако такое название представляется не совсем точным именно с исторической точки зрения. Дело в том, что это — определение, что называется, «задним числом»; к тому же оно несет в себе очень сильный идеологический заряд. Когда понятие государственных финансов впервые складывалось и формировалась данная модель финансового хозяйства, термина «капитализм» не было. И люди, в этом участвовавшие, даже не подозревали, что строят «финансы капитализма». Как пишет Ф. Бродель, «слово капитализм входит в широкое употребление в самом начале XX века... Его реальное вхождение в современный язык связано с появлением в 1902 году широко известной книги Вернера Зомбарта “Современный капитализм”. Маркс этого слова практически не употреблял» [43, с. 51]. По-видимому, не последнюю роль сыграла и книга М. Вебера «Протестантская этика и дух капитализма», вышедшая в 1905 г. (см.: [105, с. 61–272]). Причем, как отмечает П. П. Гайденок в предисловии и комментариях к этой книге, М. Вебер написал ее, когда работал вместе с В. Зомбартом в редакции журнала «Архив социальной науки и социальной политики» и «на него должно было подействовать появление... “Современного капитализма” В. Зомбарта [там же, с. 7, 775]. Интересно также замечание К. Эклунда: «Капитализм — это не то же самое, что рыночная экономика, и можно поэтому благополучно быть антикапиталистом, не желая при этом устранять рыночную экономику» [133, с. 88].

С. Иловайский обращает внимание на политическую обстановку, в которой стали формироваться государственные финансы: «С начала 18 века возникает, главным образом во Франции и в Италии, оппозиция против крайних проявлений абсолютизма и в том числе против злоупотреблений и непорядков в области финансового хозяйства. В связи с этим появляется литература, заключающая в себе критическую оценку существующих финансовых систем и проекты финансовых реформ» [99, с. 30].

Ему, по сути, вторит Ф. А. Меньков в «Основных началах финансовой науки»: «С начала 18 столетия, главным образом во Франции и Италии, пробуждается оппозиция против чрезмерного абсолютизма и связанных с ним злоупотреблений и непорядков в финансах. Старый маршал Франции Вобан в своей известной книге “Dume royale” (1707) выступает с проектом податной системы, в которой предлагает вместо прежних многочисленных произвольных и подрывающих народное благосостояние налогов один... под названием “королевской десятины”... К рассматриваемому периоду относится и Монтескье, написавший свой знаменитый *Esprit des lois* (1748), две книги которого (13-ая и 22-ая) посвящены налогам и публичному кредиту. Монтескье сделал очень важную для истории финансов попытку объяснить организацию государственных доходов и налогового строя из формы... государственного устройства» [112, с. 10].

Лоренц Штейн в «Финансовой науке» писал, что «новое государственное хозяйство имеет свои эпохи» и что «можно указать три стадии его развития», третью стадию опять же относит к середине XVIII в., характеризуя ее как «экономическую и конституционную» [111, с. 10]. Далее он отмечает: «Кольбер, Дюто, Вобан подбираются к этим вопросам. Но впервые их осознал Монтескье: основание всякого государственного хозяйства — в Конституции государства» [там же].

Таким образом, есть основания считать, что к концу XVIII в. в общественном сознании Европы произошел коренной сдвиг. «Это стало возможным, — пишет В. М. Пушкарева, — во-первых, под воздействием новых теорий в области философии, права и государства (Монтескье, Руссо, Канта);

во-вторых, в результате развития новой науки о народном хозяйстве, связанной с именами физиократов и особенно с А. Смитом, и, в-третьих, в связи с коренными преобразованиями в политической, социальной и экономической жизни под влиянием Великой французской революции» [96, с. 9]. Прошедшая затем, в начале XIX в., в целом ряде стран Европы волна буржуазных революций привела к повсеместной замене (или существенному ограничению) монархических форм правления конституционным, демократическим устройством государств. Новая форма государственности получила в финансовой литературе XIX — начала XX в. название «публичного (или публично-правового) союза» [98, с. 419; 99, с. 1; 102, с. 11; 90, с. 15; 100, с. 23].

С точки зрения рассматриваемого вопроса, это явилось первым принципиальным условием оформления западноевропейской модели государственных финансов. Поэтому здесь представляется важным особо подчеркнуть: не появление «государства вообще» обусловило возникновение финансов, а строго определенное — государства как «публично-правового союза», оформленного в качестве «юридического лица»¹. Слом и замена исторически сложившейся в прежние века институциональной формы государства (абсолютной монархии) искусственной конструкцией государства, спроектированной французскими «просветителями» (прежде всего, Ш. Монтескье) — с разделенными ветвями власти, системой сдержек и противовесов, демократическим механизмом выборов, конституционно-правовой регуляцией, — потребовала пересмотра и дальнейшего развития представлений о государственном (финансовом) хозяйстве (*les finances*), восходящих еще к Ж. Бодену (XVI в.).

«Новая эпоха», — пишет И. Х. Озеров, — состояла в «связи между финансами и народным хозяйством» [90, с. 72]. Но

¹ О том, что государство должно иметь организационно-правовую форму юридического лица, писал Адольф Вагнер в 1880 г. в своей знаменитой работе *Finanzwissenschaft* («Наука о финансах»): «Государство есть юридическое лицо, поэтому финансовое хозяйство похоже на все частные хозяйства... оно создано таким же образом, как и другие общие хозяйства и также частные хозяйства, которые действуют в форме обществ» (цит. по: [115, с. 17]).

связь эта была отнюдь не простой и однозначной. «Народное хозяйство, — как справедливо отмечает С. Иловайский, — являлось сложным целым со множеством субъектов» [99, с. 5]. Оно состояло из большого числа частных хозяйств, частных промышленных предприятий, которые к этому времени не только количественно выросли, но и окрепли, встали на ноги. Новый класс буржуазии, с одной стороны, требовал поддержки со стороны государства, с другой — невмешательства в их частные дела. Сформулированный еще в 1680 г. лозунг Ф. Лажандра *Laisser nous faire!* («Дайте нам действовать!») оставался главным.

В этой ситуации понимание места, назначения (целей) и способов (средств) действия государственного (финансового) хозяйства (по сравнению с частными хозяйствами) должно было претерпеть значительные изменения. По сути, это означало, что в повестку дня встало обеспечение целой совокупности новых условий, которые должны были быть выполненными, чтобы сформировалась самостоятельная, эффективная модель государственных финансов, адекватная сложившимся историческим обстоятельствам. И прошло еще не менее полувека, пока новые формы государственных финансов устоялись, институционализировались, чтобы появилась возможность их описать в учебниках и начать преподавать в университетах¹.

Какие же сущностные характеристики были положены в основание построения западноевропейской модели государственных финансов?

Во времена Советского Союза ответ на данный вопрос носил в основном односторонний, идеологический характер, обусловленный противостоянием двух общественных систем. Советские финансисты обязаны были излагать «идеологически выдержанную» точку зрения относительно капиталистических финансов. Обычный для того времени пример подобного отношения можно найти в работе Б. Г. Болдырева

¹ Первый учебник по государственным финансам опубликовал в 1832 г. немецкий профессор Карл Рау. О том, что он оказался адекватным ситуации, говорит тот факт, что его шестое переиздание датируется 1868 годом.

«Финансы капитализма»: «В государственных финансах, их институтах и звеньях... выражаются стихийность экономических процессов капиталистического общества, классовые противоречия. Государственные финансы используются для укрепления господства буржуазии и в первую очередь крупного капитала. Они воспроизводят антагонистические противоречия капиталистической системы хозяйства — между трудом и капиталом, производством и потреблением, уровнем жизни трудящихся и колоссальным обогащением монополистической буржуазии» [104, с. 9].

Данная позиция в современной России уже не может быть ни актуальной, ни конструктивной. Чтобы прорваться сквозь «идеологическую пелену» к действительно существенным характеристикам западноевропейской модели государственных финансов, нужно, по-видимому, опять обратиться к трудам ученых-финансистов XIX — начала XX в.¹

Первое, что отмечают дореволюционные исследователи государственных финансов, касается качественного изменения основного элемента государственного финансового хозяйства — королевской казны (лат. *fisc*). Королевская казна была отделена от произвола монарха (как и от произвола любых государственных чиновников) и поставлена в зависимость исключительно от Конституционного Закона. Чтобы подчеркнуть принципиальность этого изменения и закрепить в новом понятии, понадобилось изменить и термин, его обозначающий: «казна» превратилась в «бюджет», у которого и назначение, и способы формирования, и направления расходования должны были быть совершенно иными.

Так, С. Ю. Витте, обращая внимание на данный момент, говорит: «Совершенно иную картину представляет современное нам государство. Содержание верховной власти совершенно отделяется теперь от расходов собственно государственных» [98, с. 419].

¹ Я отдаю себе отчет, что непредвзятого научного знания вообще не может быть. Об этом писал еще И. Кант Тем более это верно в отношении общественных наук. Но другого способа исследования исторического генезиса общественного явления, кроме как обратиться к историческим свидетельствам, я не вижу.

А. А. Никитский пишет еще более определенно: «Королевские сметы расходов и доходов превращаются мало-помалу в бюджеты, сначала не гласные, а затем публикуемые для общего сведения... С победой народовластия росписи государственных доходов и расходов утверждаются народными представителями и превращаются в законы, обязательные для правительства» [102, с. 34]. Аналогичные идеи мы встречаем и у Л. В. Ходского [100, с. 23].

Из зарубежных авторов, исследовавших эту тему, можно выделить француза Гастона Жеза. В «Общей теории бюджета» он писал: «Исходным пунктом было положение, что налог подлежит одобрению со стороны представителей налогоплательщиков, что далось с немалым трудом... Затем они добились прав обсуждения всех доходов и расходов без исключения. С тех пор, как представители налогоплательщиков завоевали право регулярно вотировать, только с этого дня бюджет начал свое существование» [134, с. 28].

М. И. Боголепов в работе «Финансы, правительство и общественные интересы» проводит даже своеобразную временную черту, разделяющую предысторию и историю данного государственного финансового института: «Госбюджет в его современных формах не восходит далее первых десятилетий XIX в.» [135, с. 5].

Бюджет — ядро государственного (финансового) хозяйства, но к нему не сводится. Последнее — шире и сложнее. «Имущественная жизнь отдельного лица, — пишет Л. Штейн, — называется хозяйством, как совокупность органических условий для известной деятельности. *Государственное хозяйство* (Staatwirtschaft) является там, где действует государственная личность с ее особой имущественной жизнью» [111, с. 3].

Какие же «органические условия» необходимо было обеспечить, чтобы «государственная личность» могла осуществлять «известную (т. е. финансовую. — Ю. Б.) деятельность»? Чтобы более выпукло охарактеризовать понятие государственного хозяйства, исследователи прошлого прибегают к эффективному методическому приему — категориальному противопоставлению неизвестного и известного понятий:

особенности «государственного финансового хозяйства» описываются в оппозиции к соответствующим характеристикам «частного хозяйства».

Во-первых, государственное хозяйство — это «одно из самостоятельных хозяйств, субъектом которого является государство как юридическое лицо», — пишет Л. В. Ходский в [100, с. 22]. «Единичность государственного хозяйства» так же отмечают в качестве сущностных его характеристик (в противовес «множественности частных хозяйств») С. Иловайский [99, с. 5] и Ф. А. Меньков [112, с. 1].

Во-вторых, государственное финансовое хозяйство имеет иные (в сравнении с частным) цели своей деятельности. Если «частное хозяйство преследует личный интерес хозяина и всеми средствами стремится достичь возможно больших выгод лишь для своих участников», то «государственное хозяйство подчиняется в своих действиях высшим интересам охраны народного благосостояния», — пишет С. Ю. Витте в [98, с. 417]. Ф. Нитти это называет целями «удовлетворения коллективных потребностей» [89, с. 34]. А Л. В. Ходский пишет еще более определенно: «Государственное хозяйство не может ставить себе целью безграничное увеличение материальных средств. Основная конечная цель государственного хозяйства... сводится к производству нематериальных благ, не подлежащих денежной оценке, но необходимых для культурного развития страны. Внешнее и внутреннее спокойствие страны, защита правового порядка, меры поощрения культурного и экономического развития и прочее — вот те нематериальные блага и ценности, которые создает государственное хозяйство... Таким образом, материальные основы государственного хозяйства резко отличаются от частного» [100, с. 23].

В-третьих, государственное (финансовое) хозяйство «лежит вне начал свободной конкуренции, почти всецело господствующей в сфере частной экономической деятельности», — в качестве одного из важнейших свойств государственного хозяйства отмечает И. И. Янжул в [101, с. 15]. Об этой же особенности пишет и И. Х. Озеров в [90, с. 41]: «Фи-

нансовое хозяйство союзов публичного характера не подлежит воздействию начал свободной конкуренции, между тем как этот принцип является основным нервом жизни частного хозяйства». А Ф. Нитти говорит не только о недопущении конкуренции в сфере государственного хозяйства, но и указывает на необходимость присвоения государством таких предприятий, которые «будучи отданными в частные руки непременно превратились бы в монополию» [89, с. 34].

В-четвертых, государственное (финансовое) хозяйство не должно руководствоваться принципом рентабельности при осуществлении своей деятельности. Об этом пишут очень многие авторы. Так, И. Х. Озеров говорит: «Хозяйства публичных союзов не руководствуются исключительно принципом доходности, который является господствующим в частном хозяйстве» [90, с. 41]. У И. И. Янжула читаем похожее: так как «большая часть услуг государства является для отдельных лиц даровыми, то... мерка выгоды и невыгоды, принцип рентабельности, доходности, решающий в частном хозяйстве, вовсе не является руководящим в государственном» [101, с. 15]. Почти дословно этот же тезис повторяется Ф. А. Меньковым [112, с. 15] и с некоторыми вариациями встречается у других авторов.

В-пятых, «новый пункт различия государственного хозяйства и частного заключается в степени значения доходов и расходов в том и другом, — пишет И. И. Янжул. — В частном хозяйстве решающим моментом является размер доходов, в государственном эту роль играет объем необходимых расходов... т. к. государство не может отказаться от выполнения своих необходимых функций» [101, с. 16]. И. Х. Озеров того же мнения: «В частном хозяйстве расходы играют второстепенное значение и задачи частного хозяйства — получить как можно больше дохода. А в хозяйстве публичных союзов доминирующее значение имеет объем необходимых расходов... Приобретение доходов в частном хозяйстве является само по себе целью, но сводить к этому цель финансового хозяйства было бы крайне неразумно: здесь накопление средств является только средством удовлетворения потребностей союзов

публичного характера» [90, с. 41]. Наконец, Н. Растеряев повторяет ту же мысль, только несколько в других словах: «В частном хозяйстве расходы должны соразмеряться с доходами, в государственном хозяйстве нужно сперва установить, какие расходы потребуются для целей государства и согласно с этим соразмерить требования, предъявляемые к народному имуществу» [103, с. 5].

В-шестых, отличие государственного финансового хозяйства от частного состоит в способах добывания материальных ресурсов. Так, С. Ю. Витте пишет: «Частное хозяйство может добывать свои средства лишь путем личной промысловой деятельности или путем эксплуатации принадлежащих ему капиталов. Государственное хозяйство в настоящее время добывает этими способами лишь незначительную долю своих средств (государственные имущества и казенные предприятия); главнейшая же часть государственных ресурсов получается путем налогов, т. е. принудительных взысканий с граждан известной части их личных доходов» [98, с. 417]. Ту же мысль мы встречаем у С. Иловайского: «Обусловливаемый финансовой властью государства принудительный характер финансового хозяйства является наиболее характерной частью последнего» [99, с. 10]) и Ф. А. Менькова: «Наиболее отличительным признаком государственного хозяйства от частных хозяйств, является его принудительный характер. В то время как взаимные отношения частных хозяйств между собой покоятся на свободном обмене продуктами и услугами, главный источник современного государственного хозяйства составляют принудительные сборы, особенно налоги, являющиеся односторонней материальной жертвой граждан без всякой непосредственной услуги со стороны государства» [112, с. 2], а также у И. Х. Озерова [90, с. 44].

Наконец, седьмой отличительный признак государственного финансового хозяйства от частного состоит в длительности срока жизни того и другого. Так, у С. Иловайского читаем: «Финансовое хозяйство превосходит частные как по размеру, так и по продолжительности существования... Продолжительность существования финансового хозяйства... если не

бесконечна, то во всяком случае не имеет определенного предела. Это делает возможность составлять план хозяйства, охватывающий длинный ряд периодов» [99, с. 8]. Ф. А. Меньков отмечает эту же особенность государственного хозяйства, но указывает на другое следствие: «Государственное хозяйство отличается от частного длительностью существования, благодаря чему государственное хозяйство использует кредит значительно в более широких размерах по сравнению с частным» [112, с. 4].

Кроме того, известна также попытка А. И. Буковецкого в одном определении ухватить самую суть государственного (финансового) хозяйства: «Совокупность материальных ресурсов, которыми располагает публично-правовой союз (государство) для удовлетворения коллективных потребностей своих сочленов, является его финансовым хозяйством» [109, с. 5].

Какие же выводы из всего сказанного можно сделать?

1. В XIX в. в Европе исторически сложилась модель государственных финансов, представляющая собой весьма сложную хозяйственную организованность, которую можно охарактеризовать целой совокупностью сущностных признаков: единичностью, деятельностью вне отношений конкуренции, целевой ориентацией на удовлетворение коллективных потребностей, использованием своих доходов лишь в качестве средства для выполнения целевых функций, безразличием к принципу рентабельности, принудительностью (в рамках закона) в добывании ресурсов для выполнения своих функций, наконец, долгоживучестью и планомерной организацией.

2. Чтобы такое финансовое хозяйство могло возникнуть, необходимо было выполнить по крайней мере две группы условий:

– с одной стороны, отказаться от сложившегося (естественно-исторически) института монархии как формы государственной власти в пользу создания публично-правовой (конституционной) организации государства;

– с другой стороны, обеспечить особую, не существовавшую ранее функциональную структуризацию общественной и хозяйственной жизни:

- отделить сферу жизни (удовлетворения потребностей) людей от сферы их хозяйственной деятельности (в «натуральном хозяйстве» и в жизни королевского двора они были совмещены, поэтому там полноценные финансы не могли сложиться);

- размежевать сферу государственного хозяйства и сферу частных хозяйств, специализировав первую на удовлетворении коллективных (нужных всем) потребностей общества, а вторую — на удовлетворении частных потребностей людей (без этого исторической необходимости финансового хозяйства не могло возникнуть);

- превратить королевскую казну в государственный бюджет, подчинив его конституционно-правовой регуляции (без этого сосредотачиваемые в бюджете финансовые ресурсы могли использоваться по произволу власть имущих).

Сказанное можно схематизировать следующим образом (рис. 23).

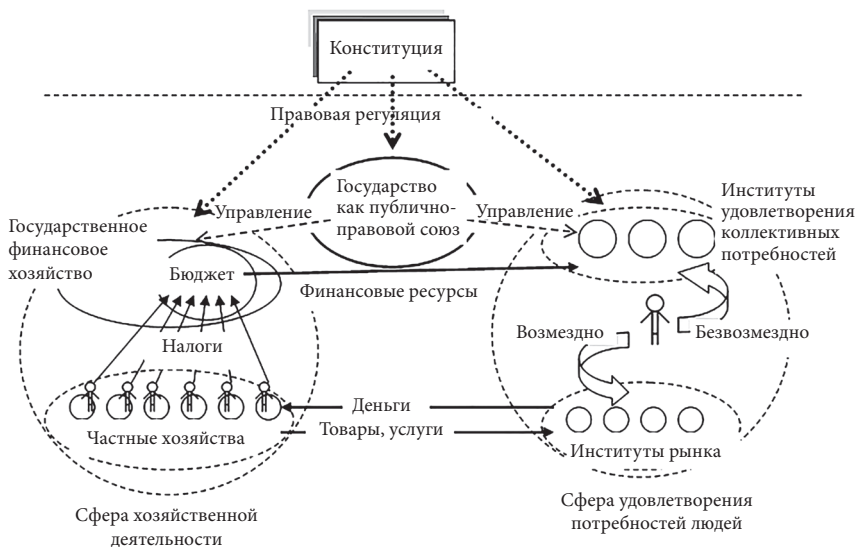

Рис. 23. Условия организации государственного финансового хозяйства

Источник: рисунок автора [41, с. 18]

На рисунке 23 условно изображены две сферы – удовлетворения потребностей людей (справа) и хозяйственной деятельности (слева). Человек (фигурка в центре правой сферы) может при этом удовлетворять либо свои частные потребности, используя институты (структуры) рынка на условиях возмездности (платности), либо коллективные (общие для всех) потребности, безвозмездно пользуясь услугами государственных институтов (инфраструктур). Чтобы такое стало возможно, сфера хозяйственной деятельности должна быть разделена на множество частных хозяйств, с одной стороны, и единое государственной (финансовое) хозяйство, с другой стороны. Частные хозяйства должны поставлять на условиях обмена (платности) товары и услуги на рынок, а финансовое хозяйство, используя институт государственного бюджета, – обеспечивать финансовыми ресурсами деятельность институтов (инфраструктур), предназначенных для удовлетворения коллективных потребностей общества.

В свою очередь, чтобы это стало возможным, должны взиматься в бюджет принудительные денежные платежи (налоги) с частных хозяйств на основе определения объема необходимых расходов для выполнения функций государственных институтов. Необходимым условием всего этого является наличие государства в форме публично-правового союза, являющегося юридическим лицом (т. е. обладающее правовой ответственностью за свои действия) и подчиненного конституционному регулированию. При этом Конституция как свод *констант* (отсюда – сам термин) государственного устройства и идеалов жизни общества, должна быть отделена от самого государства (как юридического лица) в особое пространство (показано пунктиром) за счет сложного и медленно работающего механизма внесения поправок в Конституцию (чтобы нельзя было изменять устои при возникновении любых сиюминутных ситуаций).

Поскольку данная схема является результатом обобщения и выделения наиболее принципиальных (категориальных) моментов из проведенного нами анализа исторического становления западноевропейской модели государственных

финансов, она, естественно, не содержит многих деталей и конкретных национальных различий, имевших место в конкретно-исторической практике формирования финансового хозяйства разных стран Европы в XVIII–XIX вв.

У схемы, представленной на рисунке 23, двойной статус: это не просто изображение сложного общественного и государственного устройства, включающего финансовое хозяйство в качестве необходимого элемента, но и некий онтологический принцип организации условий, требуемых для существования финансового хозяйства как особого исторического типа государственных финансов. Поэтому было бы ошибкой считать, что государственные финансы только в данной форме и могут существовать. Вопрос о том, «обладает ли человеческое мышление предметной истинностью, — как справедливо писал еще К. Маркс, — вовсе не вопрос теории, а *практический* вопрос» [136, с. 1]. Сначала должны быть организованы (сформированы в ходе общественно-исторической практики) необходимые социальные институты, должны установиться определенные функциональные связи между ними, и только поверх всего этого (как на основаниях) начнут складываться соответствующие отношения. А ученые потом (уже задним числом) смогут написать, что «объективно существуют» такие-то отношения, которые вытекают из того-то и того-то. Проблема же здесь возникнет тогда, когда по каким-то причинам (революция, реформа, война и т. п.) структура социальных институтов разрушается или трансформируется. В этом случае то, что существовало до этого объективно, объективно же перестает существовать. Соответственно, формы предметного мышления (теории), которые еще недавно вполне адекватно описывали общественную реальность, в лучшем случае рассыпаются, в худшем — превращаются в застывшие догмы, уже ничему не соответствующие.

Применительно к нашей теме это означает, что отношение к финансам как государственному финансовому хозяйству публично-правовых союзов перестало существовать (в России) как только в ходе социалистической революции и по-

следующей гражданской войны были уничтожены ключевые институциональные структуры: публично-правовая форма государственности (разгон Государственной Думы, запрещение политических партий и др.), частнокапиталистическая форма хозяйства и др. Вместо этого начиная с 1930-х гг. стала систематически разворачиваться другая структура государственных, производственных и финансовых институтов, связанных между собой в основном по принципам марксистских представлений. В результате стали «объективно» складываться совершенно другие финансовые отношения, другой их тип, который потребовал от советских ученых введения иных финансовых понятий и категорий, не используемых прежде (или используемых совсем по-другому).

2.4. Модель «советских финансов» и условия их существования

Как известно, финансовая мысль проникла в Россию с Запада в начале XIX в. Так, Л. В. Ходский замечает по этому поводу: «Что касается истории финансовой науки в России, то она не может похвастаться... оригинальностью» [100, с. 15]. Л. А. Дробозина справедливо отмечала: «В теории (имеется в виду в финансовой теории. — Ю. Б.) российские экономисты были приверженцами прагматического подхода, сторонниками теории удовлетворения коллективных потребностей» [8, с. 219]. В конце XIX — начале XX в. Россия уже имела довольно значительную плеяду крупных ученых-финансистов, многие из которых уже упоминались и цитировались выше. Однако они все были «западниками» и придерживались (несмотря на дискуссии между ними) тех же принципиальных моментов государственных финансов, которые были выделены на рисунке 23:

- финансы как государственное хозяйство;
- государство как публично-правовой союз (юридическое лицо);
- назначение финансов — удовлетворение коллективных потребностей;

– способ формирования финансовых ресурсов – принудительные (но на законных основаниях) денежные сборы с частных хозяйств (налоги).

Такое понимание существенных характеристик государственных финансов привело к тому, что в первые послереволюционные годы (до конца 1920-х гг.) делались попытки перенести эти представления о финансах и в новые условия начала социалистического строительства в СССР. Об этом есть немало исторических свидетельств. Например, этот факт упоминают Л. А. Дробозина с соавторами [8, с. 221], В. М. Пушкарева [96, с. 20], В. П. Дьяченко [107, с. 16–17]. Как пишут авторы «Общей теории финансов», «все это привело к тому, что ни одна из разработок теории финансов (1920-х гг. – Ю. Б.) не стала официально признанной и поддерживаемой» [8, с. 222]. Главный их недостаток состоял в том, что «финансовая наука была оторвана от практики социалистического строительства, не соответствовала этой практике», – отмечал В. П. Дьяченко [107, с. 18].

Уже в 1931 г. «был остро поставлен вопрос об историческом характере финансовых категорий» [там же, с. 19]. Была принята официальная точка зрения (которой должны были подчиняться все работники финансовых кафедр), что «финансовые категории... суть исторические категории, т. к. их содержание определяется сущностью государства, экономической структурой общества в целом... Отсюда следует невозможность конструирования всеобщей финансовой теории» (цит. по: [там же, с. 20]).

Такой установкой недвусмысленно давалось понять, что основные условия, предопределяющие характер (сущность) финансовых отношений при социализме – государственное устройство и экономический базис, – предполагалось создавать совершенно другими, нежели в капиталистических странах. Соответственно, и назначение (функции) советских финансов должно было стать совсем другим.

Эти условия, как свидетельствуют специальные исследования и методологический анализ их результатов [17], были целенаправленно спроектированы и реализованы начиная с

года «Великого перелома» (термин Сталина) – 1929 г. Руководству Советского Союза уже в середине 1920-х гг. было понятно, что расчеты на мировую революцию не оправдались и надо выживать во враждебном капиталистическом окружении. Сталин, видимо, хорошо понимал, что будущая война будет «войной моторов». Поэтому нужно было в кратчайшие сроки создать мощное индустриальное производство, способное обеспечить страну необходимым военно-техническим потенциалом. То, что создание и последующее функционирование индустриальной хозяйственной системы должны были осуществляться под жестким централизованным управлением со стороны Советского государства, тоже не вызывало сомнений. Оставалось найти только подходящую модель хозяйственной системы, отвечающую стоящим перед страной задачам. Именно в этом контексте встал вопрос о так называемом азиатском способе производства, о котором писал еще К. Маркс [137, с. 366–367, 859–860].

Суть этого способа производства состояла в следующем. В отличие от Европы, где капиталистическое производство развилось на основе индивидуальной инициативы и активности так называемого человека экономического (*homo economicus*) и свободного рыночного обмена, в странах Южной и Юго-Восточной Азии (Индия, Китай) в течение тысячелетий формировался совсем другой тип организации хозяйства. Гигантские массы крестьянского населения этих стран могли жить только при одном условии: если существуют общие системы водоснабжения и ирригации, которыми они могли бы пользоваться. Но создать такие системы и поддерживать их в работоспособном состоянии в силу бедности никто в отдельности не мог. Поэтому испокон веков этим занималось государство. Для этого всегда существовала огромная государственная бюрократия, управлявшая ирригационными и другими общими хозяйственными системами. А люди прикреплялись к этим системам и могли существовать лишь вместе с ними. Поэтому там капиталистический тип отношений не мог развиваться ни при каких обстоятельствах: функциональная структура связей, на основе которой возникали

общественные отношения, была своеобразным антиподом европейским условиям.

С. В. Попов в работе «Организация хозяйства в России» пишет об этом принципиальном моменте: «Когда они начали строить социалистическую индустриальную систему, они точно воспроизвели этот тип производства. То есть вся структура промышленности была устроена для того, чтобы производить то, что нужно было государству, а к этому процессу прикреплялись¹ люди» [17, с. 116–117]. Вся разница состояла лишь в том, что вместо «ирригационной системы» государством стала создаваться гигантская «единая общесоюзная фабрика» (термин Ленина), впоследствии названная «единым народнохозяйственным комплексом», или просто — «народным хозяйством СССР». Отдельные производства — социалистические предприятия — выполняли, по сути, функции своеобразных «цехов» этой «общесоюзной фабрики», между которыми были установлены прямые производственно-технологические связи плановых поставок (подробнее см. в [17, с. 15]). Для управления единым народнохозяйственным комплексом была создана особая структура государственных органов, где главные роли играли Госплан СССР и Госнаб СССР. Роль «государственной бюрократии» (типа мандарината в Китае) стала играть специально созданная система подбора и расстановки кадров, получившая название «партийная номенклатура». При этом прототип государства использовался совсем иной, нежели в Европе.

Методологическая реконструкция исторического материала также показала, что в России формировался другой тип государственности. С. В. Попов отмечает по данному поводу: «Наше государство — одно из немногих, которое в значительной мере было спроектировано... Это — так называемый Проект Церкви. Дело в том, что Российское государство стало формироваться именно как государство (а не как множество разноплеменных княжеств, которые между собой воевали) в тот исторический момент, когда идея государства была при-

¹ В России до сих пор существуют введенные в то время институты прикрепления людей — к месту работы («трудовая книжка») и к месту проживания («прописка»).

внесена православной церковью... когда Византийская империя стала тихо и медленно умирать... Было представление, что они (греки и византийцы. — Ю. Б.) строили преемницу Византии... Они совершенно четко понимали, что эта преемница должна была быть имперским государством, государством, которое воспроизводит вполне определенный имперский тип человека, его поведение и распространение» [17, с. 201].

Близкие к этим идеи мы находим и у С. Ю. Витте: «Ни сословий в западноевропейском смысле, ни организованных общественных групп, с которыми бы приходилось бороться, собиратели Русской земли не встретили на Руси. Напротив, верховная власть сама вызвала у нас к жизни общественную группировку и создавала сословную организацию в интересах государственной пользы» [98, с. 437].

В отличие от западного типа «государства-формы», С. В. Попов называет его «государство-скелет»¹: «Российское государство строилось на людях (“государевых людях”) — чиновничестве и служивых, — которых “кормило” государство и которые должны были решать государственные дела “по совести”. Принадлежность к государству была практически пожизненной и поддерживалась очень высоким уровнем обеспеченности и защиты государственных служащих» [17, с. 95]. И далее: «Приход к власти большевиков поначалу сломал “государственный скелет”, но Сталин каким-то образом учуял приемлемый тип государственности и воспроизвел его в новых условиях в оригинальном виде партийно-государственной номенклатуры, распределительной системы и трудовых коллективов. Государственными людьми стало практически все население страны» [там же, с. 96].

Из всего вышесказанного прямо следует, что государственно-хозяйственные предпосылки формирования советских государственных финансов были качественно иными, чем в Западной Европе XVIII–XIX вв. Причем, на мой взгляд, к этим историческим обстоятельствам нельзя относиться как

¹ Эта традиция прослеживается (в несколько измененном виде) вплоть до сегодняшнего дня: «вертикаль власти», созданная В. В. Путиным, — воспроизведение той же «скелетной» основы Российского государства.

к свидетельству отсталости или неразвитости России по сравнению с европейскими государствами. Я придерживаюсь позиции, что как дореволюционной, так и Советской России был свойственен просто другой исторический архетип государственно-хозяйственного устройства, который, с одной стороны, не позволил (несмотря на значительные усилия российских финансистов-«западников») создать в царской России финансовую систему, полностью адекватную европейским образцам. Отсутствовали необходимые для этого условия: Конституцию в царской России так и не создали, парламентаризм был в зачаточном состоянии, капиталистическая промышленность существовала лишь в нескольких городах огромной страны и т. д. и т. п.

С другой стороны, и в Советском Союзе западноевропейский («капиталистический») тип государственных финансов принципиально не мог возникнуть как из идеологических соображений (марксизм), так и — в еще большей степени — из-за внутренней предрасположенности российского общественного сознания к другим формам жизни и организации деятельности.

В конце концов по итогам партийных дискуссий и обсуждений 1925 г. был принят ряд принципиальных политических решений относительно создания социалистической системы финансов. Можно выделить пять фундаментальных моментов, предопределивших принципиальное устройство советских финансов:

- во-первых, введение в обращение денег с качественно иными (чем при капитализме) характеристиками (подробнее см. в [41, с. 44–46]);
- во-вторых, отделение финансов от кредита;
- в-третьих, практически полная ликвидация налогового механизма формирования финансовых ресурсов государства¹;

¹ Известно, что на протяжении всех лет советской власти, вплоть до 1991 г. (года введения в действие закона «Об основах налоговой системы в Российской Федерации»), действовало всего несколько малозначимых (с точки зрения деятельности государства) налогов: налог с оборота и плата за ресурсы для предприятий и небольшой подоходный налог для населения. Основные финансовые механизмы носили характер прямого административного перераспределения вне всяких налоговых отношений.

- в-четвертых, установление прямой (целевой) связи финансов с процессами социалистического воспроизводства;
- в-пятых, принятие в качестве сущности советских финансов категории «отношения», в качестве формы – категории «денежные фонды», в качестве главных функций – «распределительную» и «контрольную».

Однако понадобилось еще значительные усилия и время, чтобы наконец определиться с «коренными особенностями советских финансов». Лишь в 1938 г. вышел в свет учебник «Финансы и кредит СССР» под редакцией В. П. Дьяченко, в котором (по словам самого автора) «делалась попытка вывести необходимость и функции социалистических финансов из отношений расширенного социалистического воспроизводства» [39, с. 27]. Однако в это время само определение финансов еще не содержит данного принципиального момента. Определение, которого в 1930–1940-е гг. придерживался сам В. П. Дьяченко, звучало следующим образом: «Финансы социалистического государства есть система денежных отношений, на основе которых через плановое распределение доходов и накоплений обеспечивается образование и использование централизованных и децентрализованных фондов денежных ресурсов государства в соответствии с его функциями и задачами» [там же, с. 68–69].

Лишь спустя несколько лет В. П. Дьяченко в журнале «Вопросы экономики» (1954. № 8) формулирует определение, которое стало, по существу, прототипом для всех последующих вариаций понимания сущности советских финансов, в том числе современных, которые я многократно цитировал выше. «Советские финансы, – писал В. П. Дьяченко, – представляют собой систему денежных отношений, через посредство которых осуществляется образование, распределение и использование фондов денежных ресурсов для обеспечения потребностей расширенного социалистического воспроизводства» (цит. по: [107, с. 42]).

В данном определении сделана попытка ухватить сразу все основные сущностные характеристики советских финансов как финансов особого типа. И несмотря на то что

данная трактовка советских финансов вызвала в советской литературе активизацию дискуссий о сущности, функциях и направленности финансов при социализме (см., например, у А. М. Бирмана [113] и Г. Точильникова [115]), принципиальные рамки были заданы, в которых финансовая мысль России, на мой взгляд, в основном пребывает до сих пор. Об этом наглядно свидетельствуют практически все учебники финансов, выпущенные уже в 1990–2000-е гг. (многие из них приведены в списке использованной литературы). Ни в одном из них (несмотря на довольно широкую вариацию разнообразных деталей и тонкостей в понимании разных аспектов финансов) авторы не выходят за рамки логического каркаса (схемы): «денежные отношения — денежные фонды — распределение (контроль) — расширенное воспроизводство».

Все это говорит, на мой взгляд, только об одном: советская модель финансов окончательно оформилась, приобрела парадигмальные¹ характеристики и должна рассматриваться как самостоятельный, несводимый к другим тип государственных финансов. Проблема же данного типа финансов возникает в ситуации, когда в практической жизни появляются (или искусственно создаются) условия, неадекватные такому пониманию финансов. В этом случае надо либо реальные условия (требуемую форму государства, механизм расширенного воспроизводства, соответствующую денежную систему) восстановить в прежнем виде, либо менять парадигму финансов. И то и другое является весьма проблематичным для нынешней России.

Таким образом, была рассмотрена историческая логика (генезис) формирования модели советских государственных финансов. Принципиальные условия, необходимые для ее устойчивого существования (функционирования), можно (по аналогии с рис. 23) представить в структурной схеме (рис. 24).

¹ «Парадигма» — совокупность знаний, построенных по выделенному и описанному логическому образцу. Антипод — «синтагма» — неустойчивое смысловое единство некоторых представлений [19, с. 572].

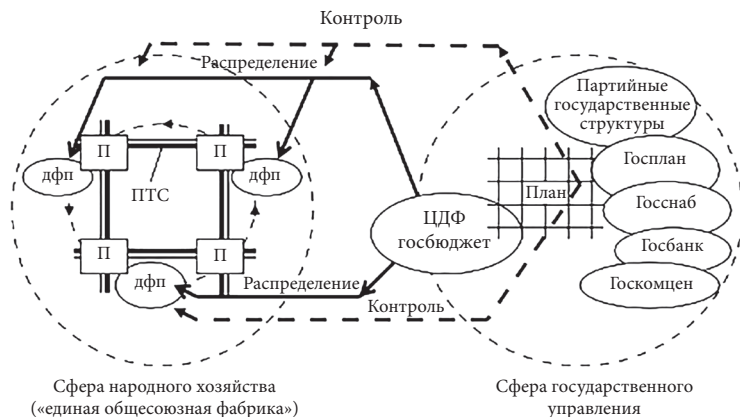

Рис. 24. Условия организации советских финансов

Источник: рисунок автора [41, с. 50]

На рисунке 24 условно изображены следующие моменты, необходимые для возникновения финансовых отношений «советского типа»:

1. Разделены на две сферы – структура народного хозяйства и государственная структура управления народным хозяйством.

2. Народное хозяйство должно быть устроено на принципах «единой фабрики». Это значит, что отдельные предприятия (производственные комплексы) (П) должны представлять собой структурные элементы (узлы) единой производственной структуры народного хозяйства, между которыми установлены прямые производственно-технологические связи (ПТС) плановых поставок.

3. Сфера государственного управления народным хозяйством, с одной стороны, должна быть представлена иерархизированной структурой органов государственного управления в специфически «советской форме» – как единого механизма, функциональные звенья которого ориентированы на согласованную деятельность по обеспечению условий расширенного воспроизводства народного хозяйства; с другой – должна иметь инструменты финансового управления: план

развития народного хозяйства (План) и централизованный фонд денежных ресурсов (ЦДФ), представленный унитарным государственным бюджетом.

4. В сфере народного хозяйства должны обращаться специфические денежные знаки — «советские деньги», качественно отличные от денег при капитализме. Они должны быть не формой капитала и не инструментом опосредования рыночного обмена (как при капиталистическом типе отношений), а инструментом планового управления и распределения материальных (и финансовых) ресурсов в народном хозяйстве, а также инструментом финансового контроля.

5. Наконец, должны быть организованы механизмы распределения (перераспределения) финансовых ресурсов в соответствии с планом развития народного хозяйства. Условием этого является специфически «фондовая» форма организации финансов на предприятиях; между денежными фондами предприятий (дфп) организован бесперебойный процесс движения стоимости в денежной форме (пунктирный цикл), являющийся отражением материального процесса воспроизводства.

Существование советской модели государственных финансов принципиально возможно только при наличии указанных пяти условий. При возникновении (создании, например, в ходе реформы) других исторических обстоятельств, меняющих характер данных условий (либо форму организации народного хозяйства, либо структуры государства, либо существенные характеристики денег, либо механизмы распределения и контроля, либо форму финансовых отношений), данная модель (исторический тип) финансов начинает деградировать и разваливаться. Именно этот процесс мы и наблюдаем начиная с 1989 г.

3. ПРОБЛЕМНОСТЬ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

3.1. Механизмы реализации институциональных норм

Как показал методологический анализ, чтобы обоснованно выйти на условия и возможности развития финансовой деятельности, необходимо снова вернуться к понятию «институт», но рассмотреть его не со стороны норм, а со стороны реализационных механизмов этих норм.

При обсуждении понятия «институт» в подразделе 1.6 данной работы отмечалось, что «принятый закон становится институтом, только если он подкрепляется соответствующим механизмом принуждения к его соблюдению» [63, с. 44]. То же самое относится и к деятельностным нормам любой конкретной деятельности, включая финансовую. Данное положение, которое в немного разных формулировках вводили еще Дж. Коммонс [50], Р. Коуз [51] и Д. Норт [54], практически никем в настоящее время не оспаривается. Структуры деятельности, за счет которых осуществляется принуждение, а также создаются условия для осмысленной добровольной реализации институционализированных норм, получили название «транзакции»¹. По Коммонсу, «транзакция» — это вся совокупность вспомогательных деятельностных процессов, принудительно сопровождающих любой производственный (экономический, юридический, политический, гражданский и др.) акт, и обеспечивающих его необходимыми условиями осуществления. Чтобы любой конкретный акт производства или обмена мог произойти, нужно осуществить транзакции по обеспечению сопровождающих условий, а также возникающих по его окончании — по налогообложению, фиксации перехода прав собственности, разрешению возникших спорных ситуаций и др.

¹ Нередко похожий термин «транзакция» (написание через литеру «З») употребляют в отношении отдельной финансовой операции, например, транзакцией называют перевод денежной суммы со счета на счет. В данном случае речь о другом понятии.

Дж. Коммонс первоначально выделил три типа институтов: 1) институт (и трансакции) *сделки*; 2) институт (и трансакции) *управления*; 3) институт (и трансакции) *рационализации* (нормирования). Первый тип институтов вполне понятен традиционному экономисту и никем не оспаривается, поскольку эти трансакции обслуживают акты обмена. Иное отношение к двум другим типам институтов, которые либо не понимаются, либо вовсе не признаются в качестве экономических. Здесь, видимо, следует напомнить, что институциональные отношения обслуживают не только обменные операции, но и управленческую деятельность в экономике — она должна быть законной, облагается налогами, требует профессиональной подготовки и т. д. — весь спектр обеспечивающих, сопровождающих, контролирующих и принуждающих трансакций. Что касается третьего типа институтов (и трансакций), то он обслуживает разные деятельности по нормированию, регламентации, распределению, бюджетированию, наделению правами и т. п. И для этих деятельностей нужно создавать условия их осуществления, их тоже контролировать и т. д.

В дальнейшем типологию Коммонса пытались развивать многие сторонники институционального подхода. На данный момент наиболее детальная типология институтов разработана С. Б. Чернышевым [116, с. 326–327]. Экономические институты он сначала делит на три группы: институты производства, институты распределения и институты обмена (триада общественных отношений по Марксу). А потом внутри каждой группы выделяет еще по три типа:

– в первой группе — институты (и трансакции) *суверенитета* (прикрепление к территории и идентичности), *потребностей* (регламентируют наборы допустимых в стране потребительских благ) и *способностей* (регламентируют стандарты квалификации и качества средств деятельности);

– во второй группе — институты (и трансакции) *ответственности* (кто за что отвечает), *полномочий* (кто какие полномочия имеет) и *обязанности* (приводит в действие законы, предписывающие, кто, что принудительно обязан делать, например, платить налоги и др.);

– в третьей группе – институты (и трансакции) *права* (регистрация и удостоверения прав), *денег* (обеспечение средством обмена – деньгами) и *капитала*, или *банкинга* («размножение» денег с помощью механизмов кредитования под залог).

Вышеназванные три группы институтов – так называемые институты рынка – складывались исторически, как бы надстраиваясь друг над другом. Эта идея впервые была сформулирована К. Марксом в «Немецкой идеологии» [148]. Там он, рассматривая исторические формы усложнения отношений собственности, выделил девять институциональных «этажей», следующих друг за другом формаций исторического развития способов производства [140, с. 394; 141, с. 21].

Самые древние институты производства – *суверенитета, потребностей и способностей*. Они (по Марксу) последовательно складывались на стадиях формирования «архаического», «первично-коллективного» и «родового» способов производства. Эти институты наиболее укоренены в культурах разных народов до сих пор. По мере исторического перехода к «первобытнообщинному», затем – к «азиатскому» и «рабовладельческому» способам, складывались институты группы распределения: *ответственности, полномочий и обязанностей*. У этих институтов тоже тысячелетняя история и очень глубокая укорененность в культурах народов.

Наконец, третья группа институтов обмена – институты *права, денег и капитала* – наиболее молодая по историческим меркам. Она складывалась уже в годы достаточно обозримой истории – при последовательном формировании сначала «феодального», потом «абсолютистского», а затем и «капиталистического» способов производства. Нормы этих институтов в существенно меньшей степени смогли укорениться в культуре разных народов. Не сформировались они должным образом и в царской России. Это позволило большевикам, начиная с 1917 г., за несколько лет их «зачатки» практически уничтожить и, по сути, исторически сделать «шаг назад» – к распределительным формам организации общества, получившим название «социалистические».

Хотя институциональная деятельность людей является вспомогательной, транзакции не бесплатны. Издержки на их осуществление, а также на зарплаты служащим институциональных структур в конце концов перекладываются на создаваемый в стране ВВП. Рональд Коуз их назвал «транзакционными издержками» [51]. При этом чем сложнее производимая продукция, тем они более обременительны, достигая порой 90 % от стоимости продукта, отмечает Эрнандо де Сото в своей книге «Загадка капитала» [139]. И общество вынуждено нести столь гигантские транзакционные издержки, иначе работа институтов «сломается» и производящая деятельность тоже остановится.

В настоящее время институты и регламентирующие их работу нормы (стандарты) задают устойчивость общества. При этом выше говорилось, что институт — это не учреждение, которое можно учредить приказом и росчерком пера. Любой общественный институт — двухуровневая конструкция, имеющая: а) «невидимую» часть — нормы и стандарты работы той или иной сферы деятельности (например, сферы институционализированной финансовой деятельности), рефлексивно удерживаемую сознанием соответствующих профессионалов; б) «видимую» часть — реализационные механизмы конкретного института — оргструктуры, в которых непосредственно работают финансисты) [72]. Это — вертикальная иерархия организации деятельности.

Но не менее (если не более) важна ее горизонтальная организация. Чтобы даже простейшая финансовая или коммерческая сделка стала возможной и легитимной, должно быть задействовано большое количество транзакций — кредитование, услуги нотариуса, арбитраж, бизнес-адвокаты, налоговая служба, финансовый и административный контроль, ОБЭП и даже услуги, оплачиваемые из так называемых представительских расходов (перелеты, отели, рестораны и т. п.). И все они сопровождаются часто значительными транзакционными издержками. А поверх этих транзакций «надстроен» следующий их «пояс» — транзакции, которые генерируют властные органы, денежная система государства, информа-

ционная система, система подготовки кадров и др. И здесь перечислены далеко не все транзакции, обеспечивающие и сопровождающие самую элементарную экономическую сделку (рис. 25).

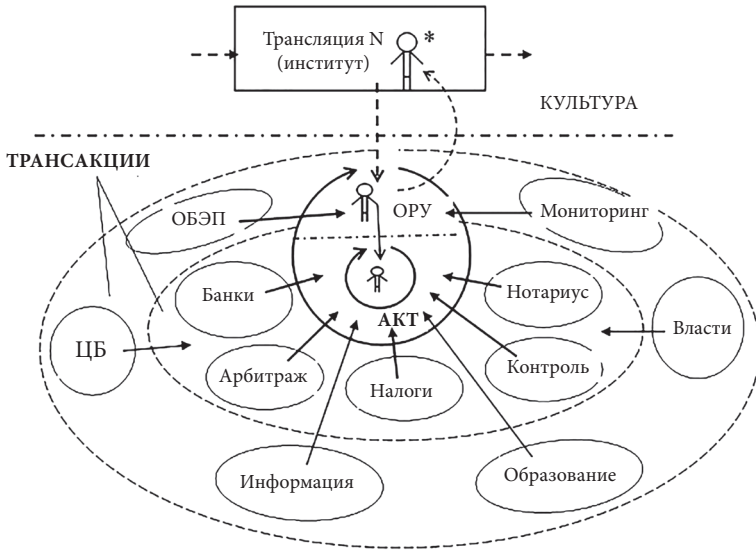

Рис. 25. Транзакции, обеспечивающие работу института

Источник: рисунок автора

При этом каждая такая транзакционная «ячейка» сама имеет и вертикальную институциональную нормировку, и присущие именно ей «пояса» транзакций, обеспечивающие условия ее правильной работы.

Таким образом, в ходе исторической эволюции все деятельностные организзованности постепенно «обрастают» плотной «тканью» транзакций, усложняющейся с разделением труда и разрастанием кооперативных деятельностных связей в экономике. Благодаря этой «ткани» транзакций низовые деятельностные организзованности¹ вынуждаются к со-

¹ СПС (социально-производственные системы) — в терминологии Г. П. Щедровицкого, или ОТС (оргтехнические системы) — в терминологии В. Я. Дубровского.

блюдению закреплённых в культуре норм конкретной деятельности. Тем самым все это обеспечивает воспроизводство деятельности в целом.

И финансовая деятельность достаточно жестко нормирована юридическими законами, внутренними регламентами и инструкциями финансовых учреждений и ведомств. Это как бы «бумажная» (и в этом смысле — идеальная) регламентация и нормирование. Но в реальности работы финансовых учреждений и в действиях конкретных людей с большой регулярностью наблюдаются (а чаще происходят скрытно) нарушения требований норм финансовой деятельности: делаются непреднамеренные ошибки в работе финансовых операторов¹. Кроме того, практически во всех странах (в большей или меньшей мере) существует такое негативное явление, как коррупция, или, по-другому, преднамеренное нарушение норм финансовой деятельности. Сюда же относятся хищения денег, финансовое мошенничество, неуплата налогов и так называемый теневой финансовый оборот, не предусмотренный нормами законодательства (например, см. в [163]). Эти негативные явления, несмотря на борьбу с ними со стороны правоохранительных органов разных государств, регулярно воспроизводятся, причем часто в одних и тех же формах и схемах. А следовательно, как пишет В. Я. Дубровский, они должны рассматриваться не как «случайные явления социальной жизни», а как имеющие онтологический статус существования в деятельности людей [164, с. 19]. И если не выявить деятельностный принцип их существования, то любая борьба с ними будет практически бесполезной.

Но есть еще один тип нарушений принятых норм финансовой деятельности. Речь идет о разработке необычных, альтернативных действующим способам финансовой деятельности. Здесь самый очевидный пример — разработка (с 2008 г.) нового типа финансовых инструментов и техноло-

¹ Например, в 2020 г. Счетной палатой были выявлены массовые ошибки при начислении пенсий (см.: URL: <https://www.rbc.ru/economics/25/08/2020/5f443a7b9a79471038a4c39d>). И подобных примеров много.

гий – биткойн, разнообразные токены, финансовые платформы, или, одним словом, – «финтех»¹ [116; 140]. Тут техническая нормировка работы «финтеха», конечно же, есть, но она носит преимущественно локальный характер и для финансовых нормирующих органов часто недоступна. Но деятельность эта явно нарушает традиционно существующие нормы финансовой деятельности, хотя это может (и, видимо, должно) рассматриваться, как ее развитие. Такое понимание теперь имеется даже на государственном уровне: многие государства ведут работы по созданию CBDC (central bank digital currency) – цифровых валют центральных банков, в том числе Россия близка уже к запуску в обращение цифрового рубля.

В. Я. Дубровский, опираясь на анализ форм организации работы в американских компаниях², показывает, что учесть нарушения норм деятельности можно внутри отдельной ОТС, если расширить понятие деятельностной «нормы» до понятия «стандарта» реальной деятельности [164, с. 30, 39]. «Стандарт» должен включать в себя действующую «норму», а также нормированное (типовое) ее «нарушение». Причем он, следуя методу Аристотеля, который данный метод применял для онтологического конструирования, выделяет еще два промежуточных элемента – «допустимое нарушение» (например, несвоевременная уплата налога, влекущая начисление пени) и «самокорректируемое нарушение» нормы. Тогда как «нарушение нормы» – это такое нарушение, которое неисправимо и требует соответствующего наказания нарушителя (административного или уголовного). Стандарт реальной деятельности должен включать санкции и к трем другим его элементам: если норма выполняется полностью, то санкция положительная (стимулирующая) в виде вознаграждения за работу, которое тоже должно быть нормировано (от обычного до награды). Если нарушение допустимое, то в стандарте должны быть предусмотрены и

¹ Об этом подробнее в следующем подразделе данной работы.

² В. Я. Дубровский с 1979 г. проживает в США, до выхода на пенсию являлся почетным профессором университета Кларксон (штат Нью-Йорк).

стимулирующая санкция, и корректирующая (те же пени). Третий элемент стандарта реальной деятельности должен предусматривать, помимо нормы корректирующей санкции, еще и норму отмены наказания за нарушение исходной нормы (рис. 26).

Рис. 26. Состав стандарта реальной деятельности

Источник: [164, с. 39]

Но сам по себе стандарт в реальной деятельности работать не будет, если его не вставить в механизмы социального контроля. В теории деятельности всякий механизм предполагает взаимодействие «деятельностных позиций»¹. В. Я. Дубровский показывает, что для стандарта реальной деятельности, помимо самого актора (действующего человека или группы взаимодействующих лиц), достаточно трех позиций: а) позиция того, кто способен перманентно и нормативно правильно оценивать ситуацию в деятельности актора («оценщик»); б) позиция того, кто нормативно правильно контролирует действия самого актора («контролер»); в) позиция того, кто нормативно правильно применяет санкции к актору («корректировщик») (рис. 27).

¹ «Деятельностная позиция» предполагает соответствующее функциональное место, обустроенное необходимым набором средств деятельности, и самого актора, который оспособлен (владеет нормативным способом применения средств данной позиции). В реальной деятельности указанному набору атрибутов деятельной позиции соответствует «должностное место», обустроенное средствами работы, и «профессионал», или подготовленный работник, имеющий должностные обязанности и «протокол» (регламент, сценарий, ритуал и т. п.) взаимодействия с другими позициями организации [164, с. 50].

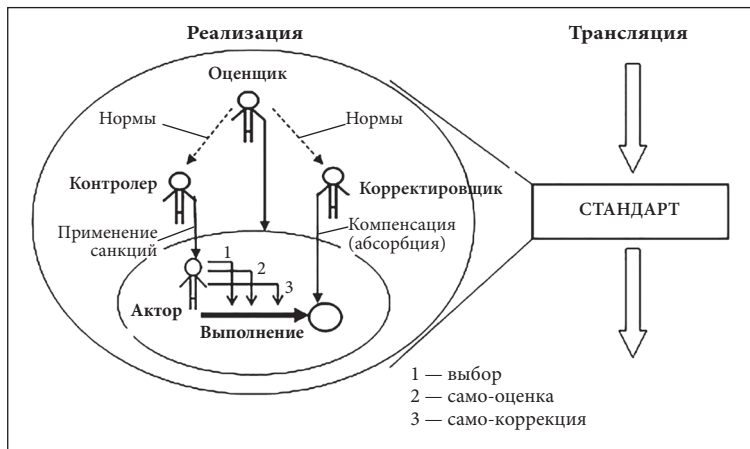

Рис. 27. Институциональный социальный контроль и трансляция стандартов

Источник: [164, с. 55]

Различают три типа социального контроля за соблюдением стандартов реальной деятельности: а) взаимный (Дубровский называет его «обиходный», от слова «обычай»); б) разделенный («традиционный»); в) развитый, или институциональный.

В простейшем случае (а) указанные выше позиционные роли не закреплены за действующими людьми, но в случае отклонения от норм действия или поведения, любой может поправить любого (в магазине, в банке и т. п. люди действуют по сложившемуся «ритуалу» — не грубят, соблюдают сложившийся порядок).

Несколько более сложен второй тип (б): здесь позиционные роли негласно распределены — одни действуют, другие оценивают и контролируют действия первых, третьи осуществляют корректирующие действия на первых, если их действия не соответствуют их представлениям о норме. Например, если клиенту банка операционист нагрубил, то клиент может «наказать» банк, закрыв счет в этом банке. Но в этом случае (как и в первом) еще не выделяется специализи-

рованных профессиональных структур социального контроля за соблюдением стандартов реальной деятельности.

Третий тип социального контроля возникает тогда, когда деятельность институционализируется и складываются обособленные профессиональные сферы деятельности. Соответственно, существует сфера государственной деятельности и институт государства, а также сферы и соответствующие институты права, образования, здравоохранения и др. В том числе — финансовая деятельность в развитых странах давно институционализована.

Позиции институционального социального контроля оформляются в разные структуры — комитеты, органы контроля и т. д. В сфере финансовых институтов таковыми являются Счетная палата, Центральный банк, финмониторинг и др. Но все они могут эффективно работать только в том случае, если финансовый институт (система стандартов финансовой деятельности в том понимании, которое обсуждалось выше) сложился и устоялся. К сожалению, я вынужден констатировать, что этого в современной России пока нет. Помимо контрольных органов должны быть отработаны все структурные элементы стандартов финансовой деятельности: разработаны и доведены до состояния «нормы» корректирующие и санкционные режимы работы всех четырех элементов стандарта реальной финансовой деятельности (см. рис. 26). Иначе дезорганизующий произвол финансовых чиновников будет только вносить хаос в практическую работу финансовых учреждений. Что, собственно, в настоящее время часто и происходит.

3.2. Изменения в финансовой деятельности конца XX — начала XXI века

Вернемся теперь к материалу раздела 2 данной работы — разным моделям финансовой деятельности в СССР и на Западе — и рассмотрим, что с ними стало происходить в последнее десятилетие XX — первое десятилетие XXI в., когда институты рынка вновь привели в движение.

Переходя к современной России, следует констатировать, что в начале 90-х гг. прошлого века была сделана отчаянная попытка (по словам М. Мамардашвили) «вернуться в Историю». Для этого надо было в короткий период «открывшегося окна возможностей» (Е. Гайдар) как-то восстановить, а желательно и выстроить в новых формах то, что порушила социалистическая революция 1917 г. «Рыночные реформаторы» поступили тогда по-простому: они выделяли (часто с помощью американских советников) конкретные институциональные механизмы, обеспечивающие осуществление тех или иных функций институтов рынка, учреждали на территории России соответствующие «конторы» (ведомства и организации) и законодательно запускали их в работу.

Что конкретно тогда было сделано? Переписали и в 1993 г. законодательно приняли Конституцию РФ, в которой была запрещена всякая идеология, зафиксирован приоритет международного законодательства над российским и повторена часть западных норм по демократическому устройству России. Годом ранее Россия вступила в МВФ и Всемирный банк, а также присоединилась к «Вашингтонскому консенсусу» [142, с. 50]. В соответствии с 10 принципами Дж. Уильямсона (автора текста «Вашингтонского консенсуса», 1989 г.) осуществили так называемую шоковую терапию оставшейся от СССР российской части бывшего народного хозяйства: провели ускоренную ваучерную приватизацию государственных предприятий; привязали эмиссию рубля к валютной выручке от продажи экспортных товаров; учредили Московскую межбанковскую валютную биржу (ММВБ)¹ и запустили в работу частично регулируемый плавающий курс рубля к доллару; объявили рынок саморегулируемым и ввели запрет на регулярную государственную поддержку хозяйствующих субъектов; максимально либерализовали движение капиталов и финансов [там же].

К чему это привело? В СССР не существовало института капитала по понятным причинам: на его уничтожение и была направлена прежде всего революция 1917 г. Соответственно,

¹ Теперь — Московская биржа.

не имея самого верхнего институционального «этажа» — капитала, большевики не могли сформировать и собственный институт денег. Известно, что советский рубль, введенный в обращение с 1929 г., нигде в мире не признавался за полноценные деньги, ибо львиная доля самых ценных благ, обращающихся на рынках мира (образование, здравоохранение, жилье и др.), была изначально выведена за границы рублевого оборота. В его ареале были только так называемые товары народного потребления (и то не все). Это было, по сути, усовершенствованной формой распределительных карточек [17].

В новой России (после отмены советского рубля и привязки российского рубля к доллару экспортной выручки) собственного института денег тоже не появилось. Как точно выразился В. Катасонов, ЦБ РФ стал выполнять функции «обменного пункта по перекрашиванию долларов в рубли» [143]. Введение в оборот российского суррогата денег сразу же вызвало катастрофу: инфляция 1992 г. достигла невиданного уровня — 2508,85 % [144]. А это почти мгновенно привело к обнищанию большинства жителей России. Одновременно возникла очень узкая прослойка супербогатой части населения России, завладевшей бывшими госпредприятиями. В таких шоковых условиях и формирование российского института права тоже оказалось под вопросом. То, что потом произошло с компанией «Юкос», с телеканалом НТВ и многочисленными другими (казалось бы, уже находящимися в «неприкосновенной» частной собственности) активами, это многократно подтвердило.

Отмена государственной поддержки оказавшихся в труднейших экономических условиях отдельных людей и целых больших коллективов привело к слому и институтов распределения, игравших главенствующую роль в социалистической системе хозяйства. Распределительные институты полномочий и ответственности были сильно подорваны и ослаблены выстраиваемой администрацией президента так называемой вертикали власти [145].

Введение свободного нерегулируемого рынка привело к тому, что стали рушиться самые древние и ранее очень

устойчивые институты производства. Многие бывшие советские производства разорились, не выдержав конкуренции с западными аналогами. Это впрямую ломало институт потребностей, который был укоренен в СССР. А появившаяся возможность закупать современные технологии на Западе быстро разрушила советский институт способностей, не создав условий для становления собственного.

Итак, как же можно себе представить институциональную матрицу, которая сложилась в России к 2014 г. (году, с которого стали вводиться западные санкции)? Реализационные механизмы институтов обмена – низовая банковская система, ЦБ (эмитирующий рублевую массу) и правоохранные учреждения – работали к тому времени уже достаточно устойчиво. Между тем они все «питались» институциональной «энергией» Запада. И это таило «мину замедленного действия». Собственная институциональная «ткань» институтов распределения досталась России в наследство от Советского Союза. Но за годы реформ распределительные механизмы непрерывно менялись, подгоняясь под формируемую «вертикаль власти». В результате и «ткань» соответствующих институтов истончалась и рвалась, что опять же рано или поздно могло привести к разрушительным процессам. Наконец, институты производства за годы реформ оказались практически размытыми (кроме фундамента – института суверенитета), а их функции были замкнуты на институты обмена: как говорил Гайдар, «кому нужны ваши станки? Понадобятся – мы всё за рубежом купим» [146].

Классическая институциональная «пирамида», где институты производства должны, фигурально выражаясь, быть самыми мощными, институты распределения – менее обширными, а институты обмена – наиболее узкими по охвату общественных отношений, за годы реформ перевернулась: самыми «разбухшими» стали механизмы обмена, но при этом они оказались сильно «привязанными» к нормативной «ткани» западных институтов; институты распределения истончились, а институты производства (вместе с их реализационными механизмами – предприятиями) стали выглядеть

полуразрушенными. Остался, правда, в неприкосновенности институт суверенитета страны, но после введения санкций и он «заколебался».

Если задаться вопросом о причинах такой деформации институциональной матрицы, то ответ, видимо, следует искать в особенностях проводимой в России с 1992 г. политики «Вашингтонского консенсуса». На очень значимый аспект этой политики указывают О. Ананьин с коллегами в [147], приводя слова автора «Вашингтонского консенсуса» Дж. Уильямсона. Последний, отвечая на жесткую критику (в том числе со стороны группы известных экономистов – нобелевских лауреатов по экономике) негативных результатов политики «Вашингтонского консенсуса» в ряде стран «третьего мира», вынужден был сказать, что она «игнорировала институциональные реформы» [там же, с. 20]. К сожалению, вся эта дискуссия, проходившая на Западе в середине 1990-х гг., приведшая к дискредитации бренда «Вашингтонский консенсус» и последующей повсеместной отмене данного курса в странах Южной Америки и Азии, не коснулись Российской экономики вплоть до введения западных санкций. В результате «покоренная» матрица российских институтов рынка оказалась абсолютно не готовой к санкционному давлению такого масштаба, который последовал с 2022 г.

Как уже отмечалось выше, санкционный режим «коллективного Запада» в отношении России был введен сразу после присоединения Крыма в марте 2014 г. Однако эти санкции носили преимущественно персоналистский характер. Что касается влияния первых пакетов санкций на российские институционализированные структуры, то оно сначала было в целом не очень жестким. Первым делом были введены ограничения на выдачу западными банками кредитов российским компаниям только нефтегазового сектора: кредитование разрешалось, но на срок не более 90 дней. Эти санкции ударили прежде всего по российскому институту капитала, практически отрезав нефтегазовый сектор от мирового финансового рынка. Институциональные структуры, обслуживающие работу предприятий других секторов российской экономики,

от первых пакетов санкций почти не пострадали — западные кредиты продолжали быть доступными.

Существенно болезненной оказался полный запрет на поставку новых технологий и специализированного программного обеспечения в нефтегазовый сектор и предприятиям военно-промышленного комплекса, а также запрет на совместные работы по освоению арктического шельфа. Здесь удар пришелся по институту способностей группы институтов производства.

Сама СВО, которую не удалось завершить в первоначально планируемые сроки, поставила под вопрос устойчивость даже фундамента институциональной матрицы России — института суверенитета. Что касается группы институтов обмена — капитала, денег и права (т. е. того, что в основном только и выстраивалось в РФ треть века), в считанные месяцы они были практически полностью разрушены: западные институты капитала и денег, питавшие российскую банковскую систему и крупные российские компании, были «отрезаны» от рынков России. Потеряно было около половины валютных резервов РФ и парализовано до 80 % ее зарубежных финансовых активов.

Институт права был практически дезавуирован: гигантские объемы зарубежной российской собственности арестованы или заморожены. Поскольку деятельностные структуры, обслуживаемые группой институтов производства, были очень сильно завязаны на западные институты обмена (а последние «сломались»), они оказались в тяжелейшем положении: трансакции института способностей производить высокотехнологичную продукцию почти прекратились, грозя остановкой многих крупных производств. Были поставлены перед необходимостью пересмотра устоявшиеся за последние десятилетия нормы института потребностей, диктующие населению, что и какого качества продукцию и услуги потреблять.

И встал во весь рост вопрос: что в ситуации разрушающейся матрицы российских институтов делать? Ибо общество не может сколько-нибудь долго существовать в деинституционализированном состоянии — распад неизбежен...

* * *

Теперь я на время прерву разговор о происходящих в России институциональных изменениях, и посмотрим, что в конце 1990-х — начале 2000-х гг. происходило параллельно на Западе.

После того как Р. Коузу в 1991 г. присудили Нобелевскую премию, интерес к институциональной тематике вообще и к роли трансакций в экономике в частности резко вырос. У Р. Коуза появились многочисленные последователи и ученики. Исследованиями Д. Норта [54], Т. Эггертссон [55], А. Алчяна [149], О. С. Уильямсона [150], Г. Демсеца [151] и др. было выявлено, что, во-первых, трансакции в экономике всегда создают эффекты, напоминающие трение в физике (сравнение К. Эрроу), добавляющие к трансформационным издержкам (обусловленным преобразованием сырья в готовую продукцию) большие или меньшие трансакционные издержки. Причем по мере развития общественного разделения труда и интенсивного «размножения» всевозможных посредников экономических отношений доля последних (в общих издержках) становится все более значимой.

Кроме того, чем большую потенциальную опасность содержат производимые изделия или они становятся все более технологически сложными, тем доля трансакционных издержек возрастает, достигая очень высоких уровней — от 70 % (атомный реактор) до 90 % (лекарства). Издержки трансакций правовых институтов увеличиваются при наличии в стране «серой» экономики, коррупции и подобных внезаконных отношений [139].

Р. Коуз жестко критиковал американский экономический мейнстрим, принципиально не замечавший напряженность, накапливающуюся в экономике. Так, в статье «Спасти экономику от экономистов»¹ он писал: «Экономика в том виде, в котором ее сегодня преподают в университетах, имеет мало общего с управлением бизнесом и еще меньше — с предпринимательством. Степень оторванности экономической тео-

¹ Коуз Р. Спасти экономику от экономистов // Гарвард Бизнес Ревью Россия. 2013. 2 апр. URL: <http://hbr-russia.ru/biznes-i-obshchestvo/fenomeny/a11518/#ixzz44BshevCG>.

рии от повседневной деятельности человеческого общества поражает и удручает... В XX веке экономика окончательно утвердилась как профессия, и ученые получили возможность писать исключительно друг для друга. Одновременно произошла смена парадигм: главенствующую позицию занял теоретический подход к сокращению расходов, а реальная экономика реального мира перестала быть предметом изучения...»

Об этом же писал и Э. де Сото, настаивая на том, что современную развитую экономику уже было бы правильнее называть институциональной экономикой, или «экономикой транзакций» [139].

Мощнейший финансовый кризис, начавшийся в 2008 г.¹, которому, на мой взгляд, пока не видно конца, имел своей главной причиной накопившийся в мировой экономике (прежде всего в США) «груз» транзакционных издержек, который стал уже неподъемным и обрушил в первую очередь финансовый сектор экономики. Последнее фактически произошло с крушением четырех «столпов» мировой финансовой системы – крупнейших инвестиционных банков с более чем столетней историей и капитализацией, превышающей 10 трлн долларов США: Lehman Brothers, Merrill Lynch, Goldman Sachs и Morgan Stanley² [153].

С проблематикой транзакционных издержек теснейшим образом связаны проблемы института собственности. В России до сих пор «собственность» трактуется (даже в ГК РФ [156]) исключительно как имущество, на которое распространяются права владения и распоряжения им (имуществом), а также – право на использование имущества в своих целях. Но с методологической [17, с. 63; 154, с. 290] и институцио-

¹ «Ни один представитель экономического мейнстрима не смог предвидеть кризиса 2008 года», — указывал В. М. Ефимов [152, с. 10]. Представляется, что основная причина столь провального результата данного научного направления заключается именно в игнорировании транзакционных издержек, роль которых в возникновении кризиса стала решающей.

² Первые и самые крупные два банка исчезли совсем, а Goldman Sachs и Morgan Stanley, сохранив бренды, потеряли самостоятельность и инвестиционный профиль и были поглощены другими банками.

нальной [139; 155] точек зрения такое «натуралистическое» понимание отношения собственности давно устарело и не выдерживает никакой критики. Отношение собственности — чрезвычайно сложное и многослойное понятие, в котором имущество, находящееся в чьей-то собственности, занимает лишь «низовой», чувственно ощущаемый слой. Противоположным (имущественному слою) является платоновский эйдос собственности. А между этими двумя полюсами находится многоуровневая ткань постоянно усложняющихся институционализированных отношений опосредования, порождаемых владением, распоряжением и использованием собственностью¹.

Корни институциональных представлений по поводу отношений собственности восходят, как известно, к Марксу. Он показал, что отчужденный труд рабочего создает основание для существования частной собственности капиталиста. В дальнейшем институционалисты развили данное теоретическое положение классика. Гениальным открытием Р. Коуза стало понимание, что ткань отношений собственности соткана из трансакций. Каждая трансакция отчуждает частицу собственности. А вся совокупность трансакционных издержек может значительно превышать стоимость того имущества, которым владеет, распоряжается и использует собственник. Покажем это на простом примере — автомобиле как собственности: как только имущество (автомобиль) становится чьей-то собственностью, тут же собственника «окружает» множество институциональных структур, которые создают возможность безопасного владения, распоряжения и пользования автомобилем, а также принуждают соблюдать множество правил [157]. Но все это — не бесплатно. Услуги (трансакции) сопровождаются трансакционными издержками для собственника. Со временем этих трансакций становится все больше, а сопровождающие их издержки — все объемнее. А там, где институты не развиты, трансакционные издержки генерируют внезаконные отношения, включая

¹ Э. де Сото справедливо пишет: «Собственность не является элементом материального мира: она обитает в сфере права и экономики» [139, с. 74].

криминал [139]. И это действительно для любой собственности, любой коммерческой сделки, любой финансовой операции.

По Марксу, преодоление отчуждения труда и собственности должно осуществляться за счет снятия (*aufheben*) отчуждения. Немецкое слово *aufheben* предполагает не просто уничтожение частной собственности, а «уничтожение с сохранением», овладением собственностью. Причем Маркс полагал, что процесс снятия отчуждения должен происходить в обратном порядке (относительно того, как отчуждение оформлялось и усложнялось исторически) [158, с. 113]. В терминах неинституциональной теории данный тезис Маркса означает овладение собственностью за счет поэтапного снятия трансакционных издержек¹. В пределе наемный труд должен быть со временем уничтожен, и все должны превратиться в полноценных собственников, поэтапно освобождаясь от все более «глубинных» трансакций и сопровождающих их издержек [158].

После этой теоретической вставки возвратимся теперь к судьбоносным событиям 2008 г. Чуть позже обвала четырех системообразующих инвестиционных банков — в октябре и ноябре — произошло следующее. Фонд Рокфеллера дал ход проекту, получившему название *Impact Investing Initiative* (инициатива преобразующего инвестирования), выделив под это дело значительные финансовые средства. А месяцем ранее некто Сатоши Накамото (*Satoshi Nakamoto*)² опубликовал нашумевшую статью «Биткойн: цифровая пиринговая наличность» [159]. Первое дало начало новому мейнстриму в инвестиционной деятельности — так называемому проектному соинвестированию материальных активов на основе *Shared / Blended Value* (разделенных / «купажированных»

¹ Этот неинституционализм радикально отличается от экономической неоклассики: «экономика» ориентирован на снижение трансформационных издержек за счет совершенствования технологий переделов сырья и материалов; неинституционализм — на снятие трансакционных издержек за счет цифровых платформ и так называемого финтех — стоимостных (финансовых) технологий (об этом — дальше).

² Вероятно, это псевдоним, за которым стоит группа лиц, не желающих публиковать свои настоящие имена.

ценностей)¹. А второе событие породило «финтех» – технологическую основу платформенной экономики.

Суть проектного соинвестирования состоит в том, чтобы инвестировать в проект не деньги (как это делали всегда до того), а те материальные активы, которые позволяют произвести добавленную стоимость, избегая при этом больший или меньший круг трансакций (и трансакционных издержек) – банковские трансакции, налоговые, контрольные и др.

Быстрому распространению практики Impact Investing способствовало еще одно событие все того же 2008 года. В июле состоялась крупная международная научно-практическая конференция в Чикагском университете (США) на тему «Трансформация экономики Китая». Конференцию открывал и был ее сопредседателем все тот же мэтр неинституционализма – Рональд Коуз². В течение пяти дней весь мировой экономический бомонд обсуждал вопросы, которые удалось практически решить Китаю в течение 30 лет экономических реформ, благодаря чему китайская экономика по своим масштабам стал сравнимой с американской. В процессе этих обсуждений выяснилось, что в Китае в качестве теоретической основы экономических реформ были приняты на вооружение, во-первых, две книги Адама Смита – «Богатство народов» [160] и «Теория нравственных чувств» [161], а во-вторых – институциональная теория трансакционных издержек Рональда Коуза [51]. Их экономические преобразования изначально были направлены прежде всего на работу с собственностью³. Буквально в каждой общине (уезде, муниципалитете) местные жители вместе с представителями вла-

¹ К 2015 г. уже каждый шестой доллар мировых инвестиций осуществлялся на принципах преобразующего инвестирования.

² Рональду Коузу на тот момент было 98 лет. А четыре года спустя, в 2012-м, по материалам этой конференции вышла книга Рональда Коуза и Нина Вана «How China became capitalist» («Как Китай стал капиталистическим»), сразу ставшая мировым бестселлером [155].

³ «Легальная собственность представляет собой необходимый процесс связывания и развертывания капитала... не используя механизмы собственности, человечество не может придать плодам своего труда родовую сущность, допускающую их дифференциацию, комбинирование и инвестирование для производства дополнительных ценностей» [139, с. 79].

сти искали такие правила работы с собственностью (которая формально оставалась государственной), чтобы максимально убрать транзакционные издержки (препятствия для роста добавленной стоимости) и сделать работников (как и представителей власти) собственниками [155].

После Чикагской конференции почти вся экономическая мысль Запада развернулась в том же направлении. За короткое время сложился даже особый класс инвесторов (их уже миллионы), получивших название High Net Worth Individuals (или на сленге – «хайнеты») [153]. Это очень богатые люди, не любящие благотворительность и не желающие также инвестировать только ради прибыли («рыночных ценностей»). Они хотели бы инвестировать так, чтобы и прибыль получать, и чтобы одновременно реализовывались их социальные и экологические ценности, позволяющие сделать мир лучше – Shared Value, или Blended Value. В настоящее время такого типа инвестирование уже достигает многих триллионов долларов и осуществляется преимущественно в бедных регионах мира – в Африке, Латинской Америке, Юго-Восточной Азии.

В российских СМИ и экономической литературе уже около десяти лет назад стали широко обсуждать так называемую цифровую экономику, создание которой, по мнению многих представителей власти и экспертного сообщества, позволит России занять достойное место среди передовых стран мира. Летом 2017 г. даже была официально принята долгосрочная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» [162].

Но есть и иная точка зрения. Так, например, С. Б. Чернышев (с которым автор данной работы солидарен) не без оснований считает название «цифровая экономика» бессодержательным, а основные мировые тенденции современного технологического развития уже пробили широкое русло, хоть и связанное с «цифрой» (косвенно), но совсем в другом направлении [116].

Как уже было сказано выше, начало мировому финансово-технологическому мейнстриму положила статья Сатоши

Накамото о биткойне¹ и публикация так называемого протокола для разворачивания мировой пиринговой сети блокчейна. Не вдаваясь в технические детали устройства блокчейна (это — профиль специалистов-айтишников), кратко поясним, какие возможности несет технология блокчейна в происходящей на наших глазах мировой финансовой (экономической) революции.

Крупные специалисты в области институционального инжиниринга С. Б. Чернышев, Ю. А. Милкоков, В. Ю. Румянцев [116; 153; 157], а также Э. де Сото [139] выделяют два типа технологий, которые получили развитие в последнее столетие. Первый тип — энергетические технологии, к которым все современные люди давно привыкли (тепловые, электрические, атомные и другие машины и всевозможные приборы). Если максимально обобщить, что все они призваны делать, то можно выделить четыре их функции: они энергию выделяют из природы, преобразуют из одной формы в другую, накапливают и передают.

Более полувека назад (начиная с 1947 г., когда Дж. фон Нейман разработал первую архитектуру ЭВМ) началась эра технологии второго типа — информационной технологии. И все мы тоже уже привыкли к компьютерам и Интернету, работающим на технологии данного типа — информационной (или «цифровой»)². При этом информационная технология

¹ Чтобы сразу расставить точки над *i*, заметим, что я не разделяю распространенных в настоящее время восторгов относительно перспектив и возможностей биткойна как нового типа денег (децентрализованной криптовалюты), который якобы со временем способен вытеснить из мирового экономического оборота фиатные деньги (доллар и др.). Несмотря на высокий нынешний курс биткойна к доллару, он является лишь первым и очень несовершенным (пробным) вариантом криптоденег, которые уже разрабатываются в ряде государств мира (Китай, Япония и др., в том числе Россия). Биткойн же пока служит в качестве удобного спекулятивного инвестиционного инструмента, не более того. В этом качестве он еще какое-то время, видимо, будет использоваться для надувания финансового «пузыря». Но в будущем технология биткойна может быть очень полезной совсем в другой функции — для обеспечения неизменности информации в локальных блокчейн-сетях (URL: <https://hightech.fm/2018/01/25/Vavilov>).

² В этом смысле развитие «цифровой экономики» в РФ никакой новой технологической революции не предполагает. В мире информационная революция уже давно произошла. А принятая в 2017 г. Программа предусматривает лишь догоняющую стратегию — ликвидацию тех отставаний в информационных технологиях, которые у нас накопились. При этом мы рискуем в очередной раз «проспать» новый технологический скачок «финтех», который в мире уже начался и развивается с темпом 300–400 % в год.

в каждой конкретной информационной системе надстраивается над энергетической – «софт» над «хардом» и выполняет те же четыре функции, но уже по отношению к информации – информацию выделяет из среды, преобразует из одной формы в другую, накапливает и передает. И вот теперь (с «подачи» Сатоши Накамото) стала бурно развиваться технология третьего типа, получившая пока не устоявшееся название «финтех», или стоимостные (финансовые) «машины» Intangible¹ [139] (рис. 28).

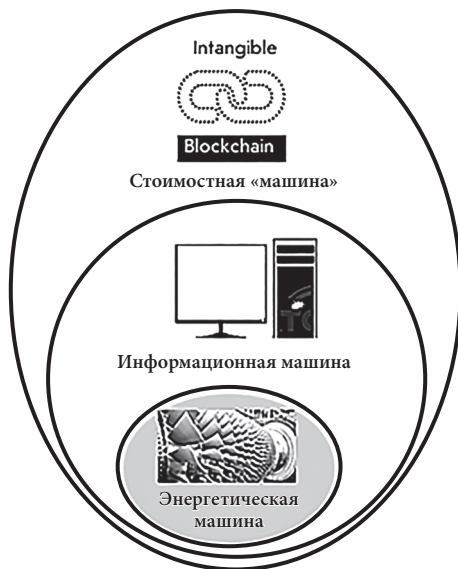

Рис. 28. Матрешечная схема стоимостной «машины» Intangible

Источник: рисунок автора с использованием [116]

Они, в свою очередь, надстраиваются уже над информационной машиной – «цифровой». Блокчейн служит своеобразным «хардом», а в функции «софта» начинают работать специальные программные комплексы – «цифровые платформы» (Digital Platforms). Назначение этого третьего технологического «этажа» – визуализировать процессы извле-

¹ В переводе на русский язык – «невидимая».

чения стоимости (производства добавленной стоимости), ее преобразование в другие формы, накопление и передача стоимости¹. При этом платформы уже специализируются и стандартизируются так, чтобы на них можно было реализовывать или разные сервисы (банковские, страховые, нотариальные, регистрационные, кадастровые и др.), или предпринимательские проекты, основанные на принципах соинвестирования материальных активов, собранных в такие «пучки», чтобы они порождали добавленную стоимость (Impact Investing).

Чтобы каждая такая платформа успешно работала, она должна содержать три функциональных блока: 1) базу данных (Big Data) по большому множеству материальных активов с их спецификациями; 2) оптимизационные алгоритмы для выстраивания наиболее эффективных (с точки зрения снятия транзакционных издержек) цепочек активов; 3) программный комплекс для клиринговых расчетов между участниками проектов соинвестирования активов. Для выполнения третьей функции — клиринговых расчетов — и понадобятся специальные расчетные единицы (криптоденьги), «как внутренний функциональный блок» [153]. О разработке криптоюаня еще в 2017 г. объявил Народный банк Китая. В настоящее время он уже тестируется в ряде провинций КНР. ЦБ РФ тоже ведет разработку крипторубля. Принципиальное отличие криптоденежной единицы от фиатной состоит в том, что криптоденьги станут «мечеными» — будут иметь метку их целевого использования, благодаря чему денежным потокам гарантирована полная прозрачность и защита от разного рода мошенничеств и нецелевого использования.

Финансово-технологическая революция, очевидно, должна принести массу последствий, многие из которых не всеми

¹ Эрнандо де Сото пишет: «Капитал возник благодаря способности Запада использовать легальные системы собственности как механизм виртуального отражения ресурсов. И только в виртуальной плоскости ум разных людей может заниматься вопросом об использовании ресурсов с наилучшим результатом для человечества... Лучшие умы человечества тысячелетиями убеждали нас, что возможны разные уровни реальности и многие из них невидимы, так что для постижения их необходимы особого рода инструменты, переводящие их в форму, доступную для восприятия» [139, с. 80].

будут расцениваться как позитивные. В соответствии с расчетами К. Маркса (об обратном порядке снятия отчуждения собственности, о чем говорилось выше), массированное снятий трансакций уже началось с банков [153]. Мировые банки, понимая, что их «крах» неизбежен, решили возглавить этот процесс, в спешном порядке разрабатывая цифровые банковские платформы. Параллельно с неизбежностью начнут исчезать целые большие слои посредников – чиновники, контролеры, нотариусы, разного рода «регистраторы», страховщики, бухгалтеры и т. п. Все их функции легко можно реализовать на «цифровых» платформах гораздо дешевле и эффективней. Затем должна дойти очередь до института фиатных денег, которые будут вытесняться специальными инструментами клиринговых расчетов на платформах разных типов. Они будут иметь форму «криптоденег», наиболее подходящую для работы на блокчейн-сетях и цифровых платформах¹. А в чуть более отдаленном будущем дело дойдет до снятия трансакций, порождаемых институтом государства как такового. С развитием предпринимательства, основанного на соинвестировании материальных активов, станет маргинализироваться такой тип деятельности, как «бизнес», и в конце концов исчезнет как неэффективный. А вместе с ним перестанет использоваться само понятие «рыночная экономика» («экономика трансакций»). «Островки сознательной власти» (о которых писал Р. Коуз [51, с. 38], говоря об отдельной фирме) расширятся до границ мировых блокчейн-сетей. Соответственно, коренным образом должна будет измениться система образования и профессиональной подготовки: нынешние экономисты и юристы по хозяйственному праву постепенно «вымрут, как мамонты». Но крайне востребованными окажутся профессионалы, способные ставить содержательные деятельностные задачи для платформенной экономики.

¹ Советский безналичный рубль создавался в свое время как расчетный коэффициент для обслуживания «единой общесоюзной фабрики» (В. И. Ленин) — народного хозяйства СССР, где отсутствовали рыночные отношения. Это был ранний прообраз крипторубля, но технические возможности начала XX в. не позволили максимально использовать функциональные возможности советской расчетной единицы.

* * *

Если возвратиться теперь к первой половине данного подраздела, где речь шла о почти катастрофических процессах в структурах российской финансовой деятельности, которая под воздействием западных санкций стала интенсивно разрушаться, то можно, не без оснований предположить, что и здесь происходящая на Западе финансово-технологическая революция могла бы, хотя бы частично, исправить нынешнюю ситуацию в российских финансах. Очевидно, напрашивается вопрос: как «финтех» мог бы помочь преодолеть ущерб, нанесенный санкциями институтам рынка России? Тут есть, на мой взгляд, по крайней мере три принципиальных возможности: во-первых, «финтех» способен компенсировать функции института капитала; во-вторых, он позволяет преодолеть существенные потери института денег; в-третьих, он может способствовать восстановлению института производства, причем работающего уже на новых принципах инвестирования Shared Investing. Поясню, что тут имеется в виду.

Давно известно (по Марксу), что капитал — это самовозрастающая стоимость. В условиях развитого капитализма «рафинированной» формой капитала служит банковский капитал, который обеспечивает себе самовозрастание за счет институционализированных процессов кредитования под залог. Эти трансакции и призваны обслуживать современный институт капитала. На протяжении почти всех предсанкционных лет российская экономика была, по сути, «подключена» к институту капитала Запада — дешевые кредитные деньги, регулярно получаемые в западных банках, позволяли без особых проблем их наращивать в России. На них же на Западе покупались новейшие технологии и комплектующие для работы структур института способностей (группы институтов производства) и производить современную продукцию в ряде секторов экономики России.

«Финтех» позволяет возникшую проблему (пусть и частично) решать за счет выстраивания оптимальных цепочек приростов добавленной стоимости (роста капитала), не

только без использования денег, заимствованных на Западе, но практически без денег вообще. «Принцип добровольного доступа» (Access) к материальным активам разных собственников, зафиксированным в распределенных реестрах (Blockchain) специальных цифровых платформ (Digital Platforms), позволяет обеспечивать рост капитала в разы быстрее, чем традиционными способами. И Китай, как никто другой, это демонстрирует уже второе десятилетие [116; 138].

Как уже говорилось выше, российские структуры ЦБ и банковской системы РФ тоже были «вживлены» в западный институт денег. Санкционный отрыв этой «пуповины» поставил российскую банковскую систему почти на грань коллапса: инвестиции практически закончились! Конечно, собственный институт денег необходимо выращивать. Но это — долгий процесс. Гораздо быстрее можно на базе «финтех» локально использовать цифровые суррогаты денег (внутрипроектные криптоинструменты — токены) в целях осуществления взаиморасчетов между участниками проектов соинвестирования материальными активами. В эти же процессы может быть достаточно легко встроен и цифровой рубль, который ЦБ РФ уже несколько лет разрабатывает и тестирует. Технические возможности для практического осуществления данной работы уже достаточно давно имеются. Дело, на мой взгляд, только за политической волей российской власти. Затягивание этих работ (тем паче — отказ от них) неизбежно будет грозить сломом уже института суверенитета страны.

3.3. Какие изменения в финансовой деятельности правомерно относить к ее развитию?

Выше было сказано, что одним из типовых вариантов нарушения норм финансовой деятельности является ее развитие. В качестве примера такого развития, «ломающего» сложившуюся ранее и закреплённую в культуре нормативность деятельности, часто приводятся события «финтех» — появление в финансовой практике с 2008 г. биткойна, токенов,

финансовых платформ и других финансово-технологических инструментов [116]. Поскольку с точки зрения деятельностного подхода процесс развития относится к фундаментальным характеристикам любой, в том числе и финансовой деятельности, и при этом «развитие» противостоит «воспроизводству» [33, с. 585], я попытаюсь детальнее разобраться с логикой и методологией этого процесса.

Давно известно, что никакие примеры ничего не только не доказывают, но часто сущностные характеристики (в данном случае – процесса развития) вуалируют, скрывают. Кроме того, за словом «развитие» в разговорной речи закрепились большая масса смыслов и коннотаций, которые зачастую к собственно понятию «развитие» отношения имеют мало (или совсем не имеют).

Так, можно часто услышать по телевидению, когда диктор, завершая новостную программу, говорит: «Мы будем и дальше следить за развитием событий». С моей точки зрения, «развитие событий» – просто фигура речи, имеющая отдаленное отношение к развитию как таковому: события могут возникать, изменяться, но не развиваться, ибо они дискретны и в процесс не выстраиваются.

Сюда же можно отнести словосочетание «техническое / технологическое развитие» чего-либо. Например, если выстроить модельный ряд автомобилей Ford, которые последовательно сменяли друг друга с начала XX в. до наших дней, то со стороны это будет выглядеть как последовательная смена все более качественно отличающихся и усложняющихся¹ экземпляров авто. Чуть позже я попытаюсь показать, что это пример не «технического развития», а процесс «технического совершенствования» (автомобили не могут развиваться, как и любые другие вещи, но могут совершенствоваться).

В общественно-научных и политических дискурсах «развитие» чего-либо (экономики, народного хозяйства СССР,

¹ Понятие развития включает преемственность между предыдущим и последующим, а также структурные усложнения, т. е. наращивание чего-то нового, и направленность изменений [33, с. 259].

финансов и др.) очень часто подменяют количественным ростом соответствующих показателей (ВВП, национального дохода, финансового оборота и др.) [165]. Нередко от самых высших руководителей страны можно услышать, что в условиях кризиса экономика (финансовая система и т. п.) развивалась, хоть и медленнее обычного. С моей точки зрения, эти не очень осмысленные сентенции политических деятелей лишь затрудняют понимание собственно развития и на практике мешают действительному развитию деятельности людей как таковой.

В 70-х гг. прошлого века в Европе возникло и прижилось в специальной литературе словосочетание «sustainable development». На русский язык оно было переведено как «устойчивое развитие» [166]. Между тем, если вникнуть в контекст, стоящий за указанным англоязычным словосочетанием, то там речь не идет ни о количественном росте каких-то показателей, ни о качественных необратимых изменениях, а о нахождении таких условий жизни, которые не действовали бы в ущерб экологии (сбалансированного с природой состояния). А развитие — это, наоборот, всегда нарушение балансов и сложившихся норм деятельности. В результате словосочетание «устойчивое развитие» в русскоязычной трактовке только сбивает с толку и открывает пути к политическому и социальному манипулированию.

Кроме уже сказанного, до сих пор живет представление об «историческом развитии», введенное в оборот К. Марксом [3]. Здесь речь о качественных изменениях общества на длительных исторических периодах, приводящих к последовательной смене общественно-исторических формаций. В данном случае представление о «развитии» тесно примыкает к представлению о процессах «исторической эволюции» общества, если не сливается с ним.

С. В. Попов вводит в [87] еще одно представление о развитии, которое он называет «катастрофическим развитием». Речь идет о мировых общественных процессах, которые зародились в XIX в., а в XX в. (и тем более в XXI в.) стали носить преобладающий характер: теперь всем известно, что целые

страны создаются и уничтожаются; мировые конфликты перекраивают карту мира и устройства государств; техногенное «развитие» породило экологический кризис и стало приводить к широкомасштабным техногенным катастрофам; финансово-технологические изобретения и новшества грозят разрушением традиционной и исторически сложившейся финансовой деятельности.

Это представление о развитии резко контрастирует с указанными выше примерами понимания данного явления. Если все предыдущие представления о развитии подспудно подразумевали его «положительную» функцию — качественное улучшение и усовершенствование тех или иных сторон жизни людей, то слово «катастрофическое» (развитие) несет прямо обратный смысл — развитие, создающее разного рода сложности и проблемы в нашей жизни (если не для всех, то для многих).

И возникает вопрос: в чем состоит фундаментальная причина столь резкого изменения характера тех процессов, которые разные люди (специалисты и не специалисты), называли словом «развитие»? В рамках деятельностного подхода была сделана попытка ответить на этот вопрос.

В 2019 г. исполнилось 40 лет с момента изобретения и начала практического применения организационно-деятельностных игр (ОДИ) как особой формы практики методологов, разработавших деятельностный подход. В связи с этой датой С. В. Попов сделал доклад [167], где он со знанием дела утверждает, что главная причина происходящего — в принципиальном изменении форм и способов научного мышления людей на иной его тип — общественно-инженерный.

Известно, что начиная с XVII в. стал формироваться научный тип мышления. О существенных характеристиках научного мышления уже много написано у методологов [19; 33; 87], философов [168; 169]. Подробно этот вопрос был в свое время разобран и в моей монографии [41, с. 52–60]. Принципиальная схема мыслительных операций по получению классического научного знания приведена на рисунке 29.

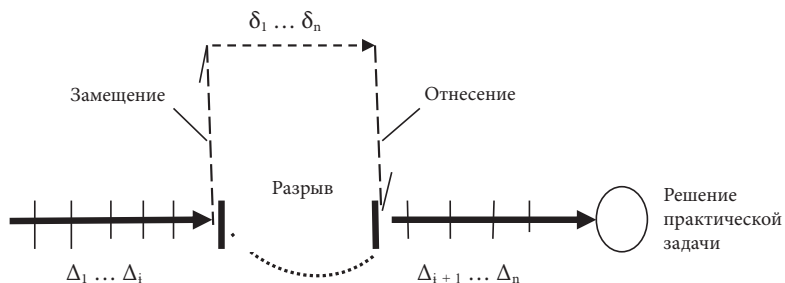

Рис. 29. Схема получения классического научного знания

Источник: [167]. Аналоги: [33, с. 189; 41, с. 52]

Классическое естественнонаучное знание, во-первых, изначально было ориентировано на решение практических задач [19, с. 247; 33, с. 549], а во-вторых, носило деятельностный характер [19, с. 168; 170]. Первый момент означает, что цели любого классического научного исследования берутся не «с потолка». Они всегда лежат в практических областях деятельности людей.

Второй момент (деятельностный характер знания) дополняет предыдущее утверждение: если на практике возникает какое-то принципиальное затруднение (например, нужно увеличить быстродействие компьютеров), то делается заказ соответствующим ученым для проведения необходимых исследований (в случае примера со скоростью работы компьютеров физики начинают исследования кремния, графена или еще каких-то материалов с целевой установкой — выявить условия большего быстродействия [32, с. 61–62]).

Теперь о том, что изображено на рисунке 29, и как понимать данную там схему. Жирные горизонтальные стрелки символизируют операции какой-то практической деятельности: $\Delta_1 \dots \Delta_i$. После i -й операции возникает затруднение, и деятельностный процесс останавливается. На рисунке 29 это обозначено как «разрыв» в деятельности. Ученые, получив задачу на практическое исследование, всегда делают принципиальный логический ход: осуществляют мыслительную операцию «замещения» практических действий операциями

со знаковыми формами: $\delta_1 \dots \delta_n$. Сюда входят мыслительные процедуры со знаками, формулами, моделями и прочими инструментами работы ученых (процесс представлен верхней горизонтальной стрелкой, означающей, что работа осуществляется в совершенно другом пространстве — пространстве мыслительной работы). Получив и апробировав результат, его передают в практическую область: на схеме мыслительная операция «отнесение». После этого «разрыв» оказывается преодоленным и процесс практической деятельности продолжается: $\Delta_{i+1} \dots \Delta_n$.

На этом логическом принципе «замещение — отнесение» строятся очень многие мыслительные процедуры, помогающие решать практические задачи — от счета животных в стаде до вычислительных работ при проектировании сложных технических объектов. В этой же логике «замещения — отнесения» строится и экономическая, и финансовая деятельность: расчеты товарного обмена в денежных знаках, операции с финансовыми инструментами, расчеты показателей эффективности производства и финансовых сделок, формирование и исполнение бюджетов и т. д. и т. п. [41, с. 52].

Что из всего этого следует? И при чем здесь «развитие деятельности»? Дело в том, что классическое научное знание может вырабатываться только (!) относительно того, что уже существует. Оно невозможно относительно того, чего нет (или — пока нет) в принципе. Даже когда применяют научные методы для прогнозов, то и тогда используют принцип экстраполяции прошлых (уже случившихся) явлений. Поэтому принципиальным в схеме на рисунке 29 является тот факт, что отнесение полученного в мыслительных процедурах знания осуществляется в ту же самую (уже существующую, устоявшуюся, традиционную) деятельность. И на схеме это отчетливо видно.

А отсюда неумолимо вытекает вывод: научное знание классического типа «обслуживает» только воспроизводящую практическую деятельность, но не развивающуюся, поскольку развитие деятельности по определению предпола-

ет ее качественное изменение и усложнение. А это уже выход за рамки норм воспроизводства.

Даже когда изобретают и начинают практически осуществлять такие новые, ранее не существовавшие финансово-технологические явления, которые получили название «финтех», то и тогда эти новые финансовые разработки стараются адаптировать к уже воспроизводящейся финансовой деятельности: например, государства начинают разрабатывать и апробировать на практике свои цифровые валюты центральных банков – Central Bank Digital Currency (CBDC). А те явления «финтеха», которые не могут адаптировать к воспроизводящейся финансовой деятельности, либо законодательно ограничивают, либо вообще запрещают. Но, несмотря на запреты, уже сотни разновидностей криптовалют и IT-платформ начинают существовать независимо от регулируемой государствами воспроизводящейся финансовой деятельности, грозя со временем разрушить последнюю. Поэтому, на мой взгляд, «финтех» пока лишь частично усовершенствует традиционную финансовую практику, но, отнюдь, не развивает ее. «Развитие» тут носит пока «катастрофический» характер.

И возникает вопрос: а как можно помыслить развитие финансовой деятельности, чтобы процесс, осуществляющий развитие деятельности, не приводил к общественным (деятельностным) катастрофам?

Короткий ответ на этот вопрос состоит в следующем: необходима смена парадигмы мышления людей. Научный тип мышления не подходит для решения задач развития любой деятельности, в том числе и финансовой. Он, как выше говорилось, подходит исключительно для обеспечения воспроизводящейся деятельности. С. В. Попов говорит [167], что это было многократно подтверждено чисто экспериментально на ОДИ. С 1979 г. по начало 2000-х гг. методологами было проведено порядка 300 ОДИ по самым различным темам – по проблемам городов, управления предприятиями, образования и другим, в том числе по проблемам финансовой

деятельности. На этих играх¹ удавалось запускать процесс нахождения путей развития самых разных деятельностных организованностей. Но для этого методологами последовательно изобретался и накапливался новый мыслительный аппарат, который в научном мышлении неприменим в принципе. Условно его теперь называют «социально-инженерным подходом», а применительно к финансам – «финансово-инженерным» [41, с. 141 и др.]. С. В. Попов говорит, что этот новый мыслительный аппарат имеет в качестве своих базовых условий не объект и предметно-методическую организацию исследований (как в любой науке), а ситуацию, путь (движения мысли – схему) и социально-инженерную организацию новых миров [95; 167].

Все три указанные основания новой парадигмы мышления так или иначе уже давно используют в современной жизни и деятельности, в том числе финансовой: и с проблемными ситуациями люди постоянно сталкиваются, и схемы уже широко применяются, особенно в политике и финансах. Да и термин «мир» тоже уже постоянно на слуху: когда появляется человек, непохожий на окружающих, люди так прямо и говорят: он из другого мира.

Самый принципиальный момент схемы мышления в новой парадигме состоит в следующем. В научной парадигме первым шагом является замещение практических операций с объектами действий мыслительными операциями с идеальными объектами, выраженными в знаковых формах (см. рис. 29). А после нахождения (построения, выработки) научного знания в знаковых формах, которое позволяет решить практическую задачу, его относят (передают) в тот же самый (исходный) деятельностный процесс, решающий конкрет-

¹ Слово «игра» было своеобразной обманкой для участников, чтобы можно было дать им возможность раскрепоститься («для игры»), снять, что называется, «должностные погонны» и начать думать и рассуждать безотносительно того, какие титулы и звания участники имели в жизни. Реально же ОДИ — это сложно организованная за счет методологических средств дискуссия, позволяющая обсуждать самые разные проблемные темы общества и деятельности, распределять частные научные представления участников, а затем конструктивно собирать принципиально новые деятельностные организованности и тем самым преодолевать исходные проблемные ситуации.

ную практическую задачу, тем самым воспроизводя сложившуюся ранее деятельность.

В новой же парадигме отнесение полученного мыслительного результата нельзя было отнести в прежнюю деятельность ситуацию. Он туда «не вмещался», что называется, «выламывался». А если все-таки пытались внедрить в прежние деятельностные структуры, то они (прежние структуры) попросту разрушались. Возникала больших или меньших масштабов общественная или деятельностная катастрофа. Что мы и наблюдаем теперь почти повсеместно. Только с упорством, достойным лучшего применения, не хотим признавать, что надо уходить из научной парадигмы и осваивать новую, специально разработанную для того, чтобы осуществлять управляемое развитие без катастроф.

На рисунке 30 приведена схема распределенного мышления для осуществления развития любой деятельностной организованности, включая финансовую.

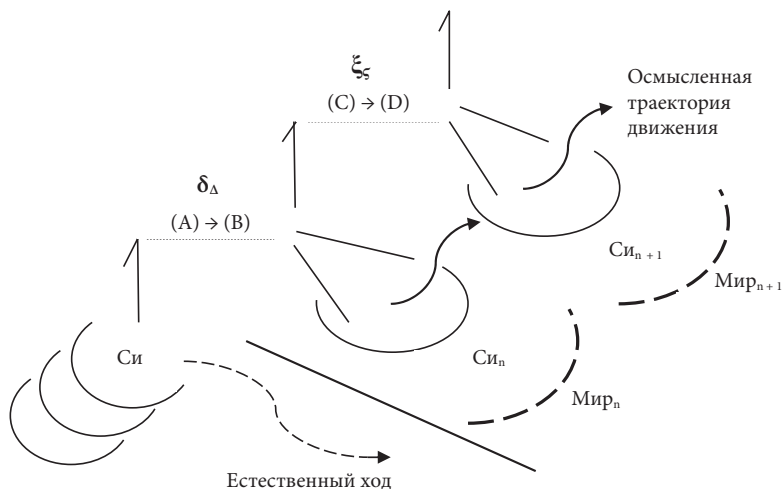

Рис. 30. Схема развития деятельностных ситуаций и формирования новых миров

Источник: [167]

На схеме ясно видно, что мыслительные результаты решения проблемной ситуации ($C_{и}$) надо не в нее же относить (как это представлено на рис. 29), а в совершенно другую ситуацию ($C_{и'}$), которую нужно специально по-новому организовывать (на рис. 30 символический «раструб» к новой ситуации).

Ярким примером данного типа развития опять же являются ситуации с практическим использованием инструментов и технологий «финтеха». Ни биткоины, ни другие криптовалюты, ни многочисленные токены, ни разнообразные IT-платформы невозможно впрямую встроить в традиционную воспроизводящуюся финансовую деятельность ни в России, ни за рубежом. И запреты тоже не помогают.

Принципиально новая финансовая практика формируется уже около 15 лет отдельно и независимо от традиционной. Причем уже оформляется в особый финансовый мир, не похожий на традиционный. А когда и там возникнут трудности, надо будет подниматься на следующий мыслительный уровень и опять организовывать новые деятельностные структуры и новый мир.

С. В. Попов говорит в [167], что ОДИ имели и побочные негативные эффекты. В ходе практикования игр методологи нарабатывали свой методологический инструментарий, который чаще всего был недоступен обычным участникам. Но на играх многочисленные участники как бы «заражались» видением новых возможностей в привычных для них сферах деятельности. Когда же они возвращались на свои рабочие места, оказывалось, что применить «новые знания», полученные на игре, принципиально невозможно. И было очень много разочарований и негативных эмоциональных эффектов среди бывших участников ОД-игр¹. Это как раз и является экспериментальным подтверждением принципиального тезиса, что мыслительные результаты развития деятельности нельзя относить к прежней деятельности — она их неизбежно отвергнет.

¹ Автор данной работы в 1988 г. на себе испытал все «прелести» последствий участия в ОДИ.

3.4. Проблема управления развитием финансовой деятельности

...Управлять вообще можно только развитием, а управление функционированием есть бессмыслица.

Г. П. Щедровицкий [171, с. 174–175]

В деятельностной методологии, с позиций которой писалась данная работа, самой фундаментальной категорией, лежащей в основании деятельностного подхода, является категория «процесс». То есть любая, и финансовая в том числе, деятельность — это прежде всего процесс, причем — целевой процесс. А процесс — это не что иное, как изменения характеристик объектов деятельности (их преобразования) во времени с использованием деятельностных средств в соответствии с поставленными целями. Но процесс (опять же любой) не осуществляется сам собой. Он всегда имеет тот или иной механизм своего осуществления. И это касается даже природных процессов, не говоря уже о деятельностных. В деятельностной методологии под «механизмом изменений» (чего бы то ни было) понимается конструкция, представленная на рисунке 31, где в предельно схематичной форме показано, что один процесс (символическая стрелка $B \rightarrow C$) меняет направление другого процесса — переводит некий объект из одного состояния в другое.

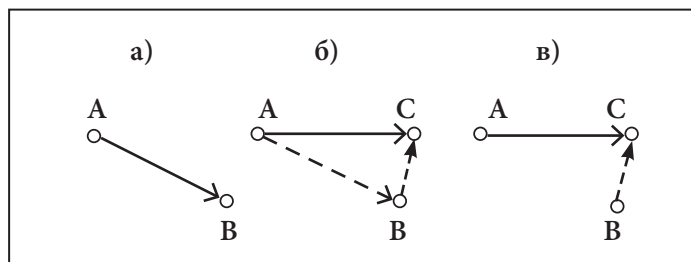

Рис. 31. Схема-принцип «процесс-механизм»

Источник: [19, с. 266]

Г. П. Щедровицкий пишет: «...предположив существование процесса, переводящего некоторый объект из состояния А в состояние В, а затем, поставив вопрос о том, как, посредством какого механизма, т. е. *за счет каких других процессов*, он осуществляется, мы как бы лишаем исходный процесс объективного существования, представляем его как наше *ограниченное знание* об объекте, как *чистую форму*, а объективность приписываем уже другим процессам, тем, которые включаются нами в механизм» [19, с. 266].

Дальше попытаемся оба процесса — процесс изменений и процесс, осуществляющий эти изменения, — категоризовать, т. е. выделить принципиально возможные их формы, а затем их содержательно интерпретировать. Для этого воспользуемся методом «идеальных типов» М. Вебера [172].

«Идеальный тип» у М. Вебера — это абстрактная модель-понятие явления, в котором его сущностные стороны доведены до своих логических пределов, задавая тем самым категориальный (типовой) каркас явления, или принципиальную схему организации действий. Так, он пишет: «Конструкция строго целерационального действия, из-за его очевидной понятности и его — присущей рациональности — однозначности служит социологии как тип (“идеальный тип”), чтобы понять реальное, подверженное влиянию всякого рода иррациональностей (аффекты, заблуждения), действующих как “отклонение” от его протекания, ожидаемого при чисто рациональном поведении» [там же, с. 91–92].

Будучи абстракцией, идеальный тип (чего бы то ни было) вовсе не обязан «вдаваться в детали» моделируемого реального явления. Реальность всегда намного богаче того содержания, которое фиксируется идеальным типом. Но М. Вебер по этому поводу пишет: «Чем более четко и однозначно сконструированы идеальные типы, т. е. чем более они (в этом смысле) чужды миру, тем они более эффективны применительно к терминологии и классификации и тем более эвристичны» [там же, с. 101–102].

В основание будущих идеальных типов конструкции «процесс-механизм» положим парную категорию «И-Е» (Ис-

кусственное-Естественное) [19; 171; 173]. Обусловлено это тем, что всякая деятельность (и ее результаты), с одной стороны, искусственна (поскольку порождена человеком), с другой стороны, любая деятельность всегда имеет дело с природным (естественным) материалом, который преобразует или использует¹.

Накладывая категории «И-Е» на другую категориальную пару «процесс-механизм», получаем четыре возможности для характеристик последнего: а) *ЕЕ-конструкция* (и процесс изменений, и его механизм представляются как естественные); б) *ИЕ-конструкция* (процесс естественный, а механизм его осуществления задается искусственным); в) *ИИ-конструкция* (и процесс, и механизм его осуществления представляются искусственными); г) *ЕИ-конструкция* (искусственный процесс за счет своего естественного механизма оестествляется, как бы натурализуется, «приживляется»). Сделаем содержательную интерпретацию каждого из полученных идеальных типов применительно к изменениям в финансовой деятельности.

Идеальный тип ЕЕ означает, что ставшие привычными финансовые процессы (в этом смысле — оестествившиеся для людей) подвергаются также естественным (в смысле — не целевым, не преднамеренно осуществляемым) воздействиям, приводящим как бы к самопроизвольным, эволюционным изменениям в структурах финансовой деятельности. Такие изменения обычно называют «эволюционными». Они, как

¹ Как всякие категории, «И» и «Е» — объективны, т. е. делят мир на две непересекающиеся ипостаси — творимую людьми, с одной стороны, и существующую «от века» природным образом, независимо от того, что делают люди. Но в мире субъективной (социальной) человеческой деятельности «категоричность категорий» приобретает относительный характер: к искусственным вещам люди привыкают и начинают относиться к ним так же, как к естественным. Это же касается даже норм (стандартов) самой деятельности: будучи стопроцентно искусственными, они со временем оестествляются, становятся «сами собой разумеющимися». И наоборот: то, что было изначально естественным, природным, включаясь в деятельностные процессы, приобретает «налет» искусственности, обыскуется. Кроме того, в деятельностном подходе принципиальную роль играет понятие «деятельностная позиция». И в зависимости от позиции (внешняя она или внутренняя по отношению к деятельностному процессу) искусственная деятельность может представляться и описываться по-разному: из внешней позиции (например, из позиции «научного ученого») она будет представляться как «оестественная», живущая как бы по «естественным законам»; а из внутренней позиции деятель даже к природному будет относиться как к материалу своей искусственной деятельности.

правило, осуществляются медленно и наблюдаются ретроспективно как «исторические сдвиги». К такого типа изменениям обычно применяют термины «историческое развитие», или «эволюция» деятельности. Подобные «картинки» нетрудно найти в экономической истории, когда представления о деньгах и финансовых механизмах менялись медленно, в течение десятилетий и столетий [43]. То же можно проследить в 70-летней истории советских денег и финансов — они, конечно, изменялись в течение этих семи десятков лет, но достаточно медленно и незаметно для невооруженного взгляда. Некоторые такие аспекты я рассматривал в [41]. Очевидно, этот тип изменений — не наш случай, которому посвящен данный подраздел.

Идеальный тип ИЕ. При такой категоризации изменяющийся процесс финансовой деятельности представляется привычным для людей, которые в него включены, и в этом смысле — оестественным. Но с какого-то момента на него начинают воздействовать предельно искусственно и целенаправленно, ломая исторически сложившиеся нормы осуществления финансовой деятельности. Такие воздействия *всегда* начинаются со стороны органов власти и управления, а сами изменения, возникающие при этом в процессах деятельности (и шире — в обществе) обычно (на мой взгляд, по недоразумению)¹ называют «реформами».

Примеров таких «реформ» в истории можно найти великое множество. Управленческий механизм реформ, как правило, ориентирован на какой-то (часто заимствованный извне, но не всегда) идеал организации деятельности (форму жизни общества). Реформы Петра I являются ярчайшим примером данного типа общественных и деятельностных изменений. Они безжалостно рушили все ранее сложившиеся в России традиции и уклады жизни, а также нормы деятельности. Все это, как известно, привело к вырождению населения России, а привнесенные с Запада образцы и нормы деятельности так и не прижились в российской практике.

¹ См., например, методологический анализ этих «реформ» С. В. Поповым в [17, с. 1–106].

В области финансовой деятельности к данному типу можно отнести реформаторские действия Сталина, начиная с 1929 г., когда отменили НЭП, изъяли из обращения золотые червонцы и выпустили в обращение советский рубль, а чуть позже — внедрили изобретенную В. П. Дьяченко «советскую финансовую систему»¹, основанную на принципе распределения денежных потоков [39].

Эта финансовая система, не похожая в принципе на западные образцы финансовой деятельности, просуществовала больше трех поколений советских людей, оестествилась, стала для советских трудящихся «само собой разумеющейся». А с 1992 г. началась новая (гайдаровская) «рыночная реформа» (в том числе в финансовой деятельности) новой России, которая осуществлялась подобно петровской — «шоковыми» методами: привносились западные образцы финансовой деятельности, при этом уничтожались все ранее сложившиеся нормы финансовой деятельности². Результаты этого типа изменений в обществе и в финансовой практике России мы в настоящее время на себе хорошо ощущаем. С моей точки зрения, очевидно, что данный тип «управления» изменением процессов финансовой деятельности трудно осмысленно относить к «управлению развитием финансовой деятельности». Тем более уже начался (опять же «сверху») процесс демонтажа даже того, что худо-бедно сложилось за последние 30 лет.

К этому же идеальному типу ИЕ-изменений деятельности процессов относятся разнообразные «модернизации» и усовершенствования [173]. От «реформ» последние отличаются, прежде всего, масштабами своего осуществления — модернизация, обычно, носит локальный характер и не претендует на тотальную смену сложившихся норм деятельности. Яркими примерами прошлых модернизационных изменений процессов финансовой деятельности являлись внедрение в денежный и финансовый оборот платежных систем безналичного денежного оборота (Visa, MasterCard, Swift, «Мир», UnionPay и др.).

¹ Эта модель финансовой деятельности подробно рассмотрена в подразделе 2.4.

² См. подробнее в подразделе 3.2.

В настоящее время центральными банками разных стран (в том числе ЦБ РФ) отрабатывается новая финансовая модернизация — «цифровые валюты центральных банков» (CBDC — Central Bank Digital Currency). Во что эта финансовая модернизация в конце концов выльется, пока можно только гадать. Но это тоже нельзя осмысленно относить к управляемому развитию финансовой деятельности, ибо это тоже лишь локальное усовершенствование исторически сложившихся норм финансовой деятельности.

Идеальный тип ИИ. Данный тип изменений финансовой деятельности в тех случаях, когда вне сложившихся, естественных процессов деятельности (за границами институциональных форм финансов) появляется некая достаточно мощная финансовая инновация, которая противоречит воспроизводимым нормам финансовой деятельности. Поэтому реализовать ее (даже при деятельном И-участии властей) проблематично. В этом случае механизм искусственного воздействия на этот процесс может осуществляться в трех формах.

Первой формой (самой распространенной) является искусственный запрет этой инновации как «вредной», разрушительной для воспроизводящейся финансовой деятельности, нормируемой и регулируемой государственным законодательством: ее объявляют «мошеннической», а репрессивный государственный аппарат старается ее уничтожить. Ярким примером ИИ-типа изменений финансовой деятельности являются «финтех» и все, что с ним пока связано: биткоины и другие криптовалюты запрещают, финансовые технологии инновационного инвестирования (типа Inpact Investing, Shared / Blended Investing) дискредитируют или запрещают [138].

Второй формой являются действия самих инноваторов по защите своего «детища»: уход на нелегальный режим работы, разработка механизмов противодействия и т. п.

Третья форма — частичная ассимиляция властями финансовых инноваций, посредством превращения их в инструменты модернизации, о чем говорилось выше, когда речь шла о ИЕ-типе (приспосабливая новые платежные системы,

цифровую валюту и пр. к нормам традиционно воспроизводимой финансовой деятельности. В этом случае ИИ-тип трансформируется в ИЕ-тип). В любом случае ни инновации, ни модернизации к развитию финансовой деятельности не ведут.

Идеальный тип ЕИ. С точки зрения нашей темы это самый интересный вариант, позволяющий (в случае осмысленного отношения к нему и практического успеха) действительно выйти на управляемый путь непрерывного развития финансовой деятельности.

Здесь процесс изменений финансовой деятельности тоже носит искусственный характер, но, в отличие от предыдущего типа изменений, этот вариант можно было бы назвать «органической», непрерывно оестествляемой инноватикой. Только такой тип изменений деятельности можно с полным основанием называть развитием финансовой деятельности, т. е. усложняющимся разворачиванием процесса деятельности во времени с сохранением преемственности и ориентацией на целевой идеал (направленность)¹. Не эпизодически модернизационными «судорогами» властей, не борьбой с разрушительными частными инновациями, или превращением их в случайные модернизационные инструменты, а подлинным непрерывным развитием деятельности. Но как это можно себе представить?

Поскольку искусственный процесс финансовых инноваций должен иметь механизм непрерывного их оестествления, это значит, что он (механизм) должен быть завязан на процесс транслируемых в культуре норм финансовой деятельности. Культурные нормы потому и культурные, что они оестествлены людьми, присвоены ими и осуществляемы (реализуемы) «автоматически» (как само собой разумеющееся) в социальных структурах соответствующей деятельности. Отсюда логически следует непреложный вывод: чтобы стал складываться ЕИ-тип инновативных изменений, трактуемых как развитие финансовой деятельности, вновь изобретаемые нормы деятельности должны как-то попадать в деятельност-

¹ См. подраздел 3.3.

ную культуру, ассимилироваться ею с одновременной перестройкой (под влиянием инноваций) самих воспроизводимых норм деятельности.

При каких условиях такое развитие деятельности возможно? В деятельностной методологии ответ на этот вопрос давно (еще в 70-х гг. прошлого века) дан, но он пока еще мало кому известен. Если в двух словах, применительно к финансовой деятельности ответ таков: нужно запустить процесс формирования *сферы* финансовой деятельности.

Можно почти наверняка утверждать, что такой ответ мало кого «вдохновит на подвиги» по организации развивающейся финансовой деятельности. И причина проста, о чем уже говорилось на стр. 52 данной работы: слово «сфера» затерто и в большинстве случаев употребляется не очень осмысленно. Между тем в деятельностной методологии понятие «сфера деятельности» полвека назад было детально проработано и подробно описано в книге «Анналы ММК: 1972 (1) Сфера деятельности» [78]. Это понятие специально строилось как механизм развития деятельности конкретного типа (например, финансовой).

В подразделе 1.6 данной работы я уже касался 4-уровневого устройства любой массовой деятельности (см. рис. 14), где сфера — организованность третьего уровня, состоящая из норм (институтов) определенного типа деятельности. Там тема была другой, и я вопросы развития деятельности не затрагивал. Сейчас же есть возможность детальнее представить этот третий — сферный — уровень любой развитой¹ массовой деятельности.

Г. П. Щедровицкий пишет, что *«сфера деятельности есть особая организация деятельности, возникающая исторически и сравнительно поздно. И вот здесь я могу говорить о развитии. Я не обсуждаю развитие, а говорю, что сфера — это особая*

¹ Здесь следует специально подчеркнуть, что полная сфера деятельности (обеспечивающая не только институциональное воспроизводство деятельности, но и ее развитие) формируется исторически и далеко не равномерно. В настоящее время отнюдь не у всякой деятельности сферный уровень уже полностью сформировался. Как следствие, в одних странах какие-то типы деятельности имеют сферные механизмы развития, в других же они еще не сложились.

организация деятельности, появляющаяся тогда, когда развитие становится ценностью... А во многих видах деятельности она вообще еще не появилась...» [78, с. 23].

При этом сфера состоит, с одной стороны, из двух ортогональных (по отношению друг к другу) организованностей: а) материальных, или социально-производственных (на рисунке 14 оргтехнических структур ОТС – учреждений руководства и управления) и элементарных актов деятельности, входящих в соответствующие ОТС; б) нематериальных, или мыслительного пространства культурно-нормативных организованностей [там же, с. 18, 21].

Далее утверждается, что оргтехнические структуры (или, в терминологии Г. П. Щедровицкого, СПС) устроены (всегда!) так, чтобы быть заинтересованными в уничтожении любых проявлений (признаков) развития. Для них главное – выживать в изменяющейся социальной среде (как и для любых организмов в природной среде). Г. П. Щедровицкий по этому поводу пишет: «В нашем обществе ударение сейчас делается на СПС, и поэтому это общество теряет момент развития. Развитие может быть обеспечено только тогда, когда в сферах мы найдем противовес социально-производственным системам, которые направлены на то, чтобы уничтожить развитие деятельности» [там же, с. 23, 33].

Отсюда следует, что если у каких-то людей появляются ценности развития, они либо обречены на «выдавливание» из структур СПС, либо возникнет двухфокусная структура функционирования сферы деятельности: находясь в позиции «винтиков» СПС, одни люди будут продолжать работать на воспроизводство деятельности, а другие начнут ориентироваться непосредственно на нормы деятельности, пытаясь выработать совершенно другие нормы, качественно меняющие процесс воспроизводства (функционирования) деятельности [там же, с. 18, 33].

Если такое случается (или специально создается – без разницы), например, в финансовой сфере, то возникают две разные части сферы, из которых только и может осуществляться культурная нормировка финансовой деятельности:

первая ориентирована на воспроизводство; вторая ориентирована на развитие. Вторая составляющая нормировочной половины сферы имеет специфическую функцию – она эксплицирует разные формы отклонений от воспроизводящихся норм в СПС (и актах деятельности), накапливает их и преобразует в новые (развитые) нормы воспроизводства [78, с. 28] (рис. 32).

На рисунке 32 в схематичной форме изображена полностью оформленная сфера, например, финансовой деятельности, которая состоит из двух половин: нижней, состоящей из определенного набора СПС – финансовых учреждений – банков, бирж, инвестиционных фондов и др., внутри которых – элементарные акты финансовой деятельности, сверху – оргуправленческий аппарат конкретного учреждения, снизу – места для осуществления финансовых операций и др.

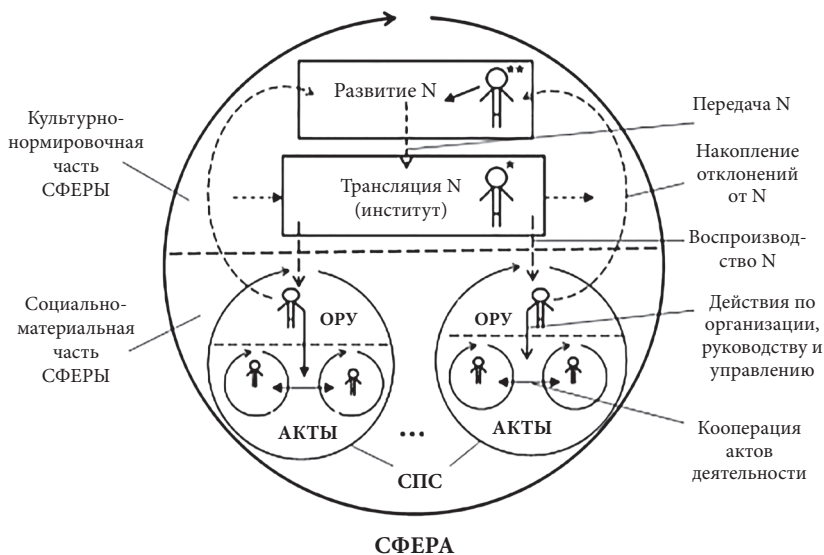

Рис. 32. Полная сфера как механизм развития деятельности

Источник: рисунок автора

Верхняя половина сферы — это ее культурно-нормировочная часть. Она не имеет прямого материального наполнения. Это мыслительное пространство, наполненное лишь нормами (N) деятельности [78, с. 18–19]. Условные человечки, изображенные там, — рефлексивные позиции (в деятельности методологии обычно изображается фигурками со звездочками).

В свою очередь, чтобы сфера стала механизмом развития финансовой деятельности, верхняя ее часть должна содержать не только финансовые институты — рефлексивная позиция с одной звездочкой (не путать с соответствующими учреждениями), которые необходимы для воспроизводства деятельности в материальных ее структурах, но и мыслительные процессы по развитию деятельности — рефлексивная позиция с двумя звездочками.

Это, в частности, означает, что напрямую развитие материальных структур деятельности невозможно в принципе, например, за счет инвестиций или с помощью реорганизации, слияний-поглощений, переименований и прочих подобных благоглупостей. Развитие возможно *только через культуру* [там же, с. 30, 32, 39, 43]. Но для этого принципиально необходимо, чтобы сфера соответствующего типа деятельности полностью сложилась. Если немного огрублять, то применительно к развитию финансовой деятельности можно сформулировать жесткий тезис: пока не сформируется особый тип постоянно разворачивающегося и усложняющегося финансового мышления, развития либо совсем не будет, либо будут наблюдать эпизодические модернизационные «судороги» финансовых органов, которые обычно и называют «развитием».

В конце предыдущего подраздела 3.3 была представлена принципиальная схема единичного шага развития (инновации) в любой деятельности, и сделан вывод: необходимо специально организовывать условия для бескризисного развертывания инновационных форм финансовой деятельности, не конфликтующего с традиционно воспроизводимыми ее формами. Из текста данного подраздела следует, что наи-

более радикальный и осмысленный путь в этом направлении — начинать разворачивать сферу финансовой деятельности, ибо сама собой (исторически) она будет складываться десятилетиями (если не столетиями). И то — в спокойных условиях, не предполагающих военных конфликтов.

Работа по созданию условий для развития финансовой деятельности сама по себе не возникнет. Она может начаться, если органы власти в стране совместно с экспертным сообществом созреют для начала такой работы. Хуже, если она окажется вынужденной вследствие каких-то катастрофических событий — из-за разрушительного финансового кризиса небывалой мощности, из-за внешних санкций, способных обвалить ныне действующую финансовую систему, из-за развала страны и других подобных и неприятных событий.

Методолог В. Никитаев пишет (и я с ним полностью солидарен): «Вообще говоря, схема решения вопроса о развитии довольно проста и требует “всего лишь” достижения достаточно широкого консенсуса относительно необходимости радикальных изменений и готовность в них участвовать (или, как минимум, терпеть), формирования соразмерного субъекта и наличия стратегии»¹ [173, с. 78–79]. Он приводит несколько исторических примеров (правда, не из области финансов), когда греки, англичане и японцы в разные исторические периоды вынуждены были сделать целенаправленные шаги по организации развития своих стран.

Консенсус с населением необходимо достигать, прежде чем начнется процесс целевой организации условий для развития, поскольку этот процесс не может быть кратковременным и нужно будет достаточно долго терпеть определенные жизненные и деятельностные неудобства. Кроме того, должны сложиться еще два условия, о которых упоминал В. Никитаев: во-первых, должен появиться адекватный (сложности

¹ Под «стратегией» здесь понимается умение эффективно воплощать свой осознанный интерес в последовательность действий, соответствующих сложившейся на предыдущем шаге ситуации, и достигать как непосредственно важного результата, так и делать вклад «на перспективу».

задачи) субъект развития (коллективный стратег) — группа лиц, методологически оспособленных (наука для решения задачи такого класса, как уже говорилось выше, не работает), наделенных политической волей, властью и капиталом. Во-вторых, должна быть разработана стратегия создания условий формирования сферы финансовой деятельности, рассчитанная на десятилетия.

Все указанные моменты, необходимые для запуска процесса формирования финансовой сферы как механизма развития финансовой деятельности, носят проблемный¹ характер, ибо совершенно не ясно, когда, кем и как такая работа может быть начата. Но если она не начнется, то и о развитии финансовой (как и любой другой) деятельности можно забыть.

¹ Проблема — это задача, принципиально не имеющая средств и способов ее решения.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Главный вывод, который следует из вышесказанного, состоит в том, что возможность развития финансовой деятельности практически никак не связано с договоренностями чиновников (начальников) любых уровней о чем бы то ни было. Наоборот, чем большее значение пытается придать этим социальным «ужимкам» не только пропаганда, но и ученое сообщество, тем эти возможности становятся все более прозрачными.

Проблемы развития — это в первую очередь проблемы институциональной организации финансовой деятельности, которые находятся совсем не в плоскости работы финансовых учреждений любого уровня. Это — проблемы культуры финансовой деятельности, которая в России находится пока, если не на уровне позднего средневековья (когда она только зарождалась в Европе), то совсем не высоко поднялась над этим уровнем. Не сформированы в полной мере даже рыночные институты капитала, денег и права, которые обеспечивали бы стабильное воспроизводство финансовой деятельности в России. А вопрос ее развития — это вопрос следующего уровня культуры — вопрос формирования сферы финансового мышления, обеспечивающей, в первую очередь, отработку более сложных и эффективных стандартов практической финансовой деятельности и, на этой основе, реформирования реализационных финансовых механизмов на низовом (учрежденческом) уровне деятельности.

Важнейшим условием (предпосылкой) начала таких сдвигов в финансовой деятельности России являлся бы сколько-нибудь заметный сознательный отказ представителей экспертного (ученого) сообщества от современных «научных» представлений о финансах, носящих натуралистический характер, которые наглухо закрывают путь к развитию финансовой деятельности. Деятельностный подход необходимо начинать преподавать в экономических вузах страны, посте-

пенно вытесняя финансовые атавизмы СССР и более ранних эпох.

Параллельно необходимо начинать долговременное осмысленное выращивание собственных финансовых институтов, не противоречащих процессам их мирового развития. Этот вопрос сегодня — очень болезненный, поскольку он «натывается» на явное стремление высшего руководства страны, что называется, «держат финансы» в своих руках. Укрепление финансовых институтов неизбежно ослабляло бы возможности начальственного произвола.

Все сказанное выше само собой не случится. Надо сначала развернуть в литературе дискуссию с критическим обсуждением вовсе не лиц, сегодня принимающих финансовые решения — они, по большому счету, сами являются заложниками сложившейся в прошлом финансовой ситуации в стране. Нужно начинать критически обсуждать основания, на которых сегодня покоится нынешняя рутинная финансовая практика. Хотелось бы надеяться, что данная работа будет способствовать началу подобных обсуждений, которые могли бы, с моей точки зрения, открыть путь к будущему развитию финансовой деятельности в России.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Чуева А. С. Финансовое право (общая часть) : учеб. пособие для бакалавров / А. С. Чуева, П. М. Курдюк, И. Н. Иваненко. — Краснодар : Изд-во Кубан. гос. аграр. ун-та, 2013. — 141 с.
2. Самаруха В. И. Трансформация денег и финансов в социально-экономическом развитии национальной экономики / В. И. Самаруха, И. В. Самаруха. — DOI 10.17150/2500-2759.2024.34(2).268-276. — EDN SDMOQT // Известия Байкальского государственного университета. — 2024. — Т. 34, № 2. — С. 268-276.
3. Маркс К. Капитал : в 3 т. / К. Маркс. — Москва : Изд-во полит. лит., 1988. — Т. 1. — 891 с.
4. Финансовая энциклопедия / под ред. И. А. Блинова, А. И. Буковецкого. — Москва : Гос. изд-во, 1924. — 973 с.
5. Маркс К. Капитал : в 3 т. / К. Маркс. — Москва : Изд-во полит. лит., 1988. — Т. 2. — 654 с.
6. Популярный финансово-экономический словарь / под ред. Д. П. Боголепова и др. — Москва : Фин. изд-во НКФ СССР, 1925. — 835 с.
7. Ковалева А. М. Финансы фирмы : учебник / А. М. Ковалева, М. Г. Лапуга, Л. Г. Скамай. — Москва : Инфра-М, 2000. — 416 с.
8. Общая теория финансов : учеб. / под ред. Л. А. Дробозиной. — Москва : Юнити, 1995. — 255 с.
9. Финансовый менеджмент / под ред. Н. Ф. Самсонова. — Москва : Финансы, 1999. — 495 с.
10. Финансы : учеб. для экон. вузов / под ред. В. М. Родионовой. — Москва : Финансы и статистика, 1992. — 432 с.
11. Финансы : учеб. пособие / под ред. А. М. Ковалевой. — Москва : Финансы и статистика, 1996. — 334 с.
12. Вяткин В. Принятие финансовых решений в управлении бизнесом: концепции, задачи, ситуации / В. Вяткин, Дж. Хэмптон, А. Казак. — Москва ; Екатеринбург : Ява, 1998. — 255 с.

13. Финансы : учебник / Ю. С. Долганова, Н. Ю. Исакова, Н. А. Истомина [и др.] ; под общ. ред. Н. Ю. Исаковой ; М-во науки и образования РФ. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 336 с.

14. Родин Д. Я. Стратегии управления портфелем ценных бумаг / Д. Я. Родин, А. Б. Паршин, К. И. Терпицкая. — EDN АСХНХВ // Вестник Академии знаний. — 2022. — № 50 (3). — С. 455–464.

15. Попов С. В. О финансовой инженерии: лекция, прочитанная 24 декабря 1999 г. в ИГЭА / С. В. Попов. — Москва : Архив ММАСС, 1999.

16. Финансы : учеб. для вузов / под ред. М. В. Романовского, О. В. Врублевской, Б. М. Сабанти. — Москва : Перспектива : Юрайт, 2000. — 520 с.

17. Попов С. В. Организация хозяйства в России / С. В. Попов. — Омск : Курьер, 1999. — 228 с.

18. Щедровицкий Г. П. Методологический смысл оппозиции натуралистического и системодейственного подходов / Г. П. Щедровицкий // Вопросы методологии. — 1991. — № 2. — С. 3–11.

19. Щедровицкий Г. П. Избранные труды / Г. П. Щедровицкий. — Москва : Шк. культур. политики, 1995. — 800 с.

20. Финансы : учебник / Ю. С. Долганова, Н. Ю. Исакова, Н. А. Истомина [и др.] ; под общ. ред. Н. Ю. Исаковой ; М-во науки и образования РФ. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 336 с.

21. Бланк И. А. Управление денежными потоками / И. А. Бланк. — Киев : Ника-Центр : Эльга, 2002. — 736 с.

22. Бланк И. А. Финансовый менеджмент / И. А. Бланк. — Киев : Ника-Центр : Эльга, 2005. — 521 с.

23. Поддерегин А. Н. Финансовый менеджмент / А. Н. Поддерегин. — Киев : КНЭУ, 2005. — 535 с.

24. Пешкова А. А. Современные проблемы управления финансовой деятельностью предприятий / А. А. Пешкова // Финансовые исследования. — 2007. — № 14. — С. 63–68.

25. Воробьева Н. Н. Организация финансовой деятельности в субъекте Российской Федерации: теоретико-правовые аспекты / Н. Н. Воробьева // Вестник Томского государственного университета. – 2009. – № 329. – С. 117–119.

26. Кефалиди В. С. Финансовая деятельность предприятия / В. С. Кефалиди. – DOI 10.24411/2500-1000-2018-10370 // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2018. – Т. 12, № 2. – С. 39–41.

27. Дубровский В. Я. Очерки по общей теории деятельности / В. Я. Дубровский. – Москва : ННФ «Институт развития им. Г. П. Щедровицкого», 2011. – 576 с.

28. Атанов А. А. Сравнительный анализ формально-правовой и институциональной концепций определения категории «норма» / А. А. Атанов, В. А. Рудяков. – DOI 10.17150/2411-6262.2022.13(3).2. – EDN BNZUNX // Baikal Research Journal. – 2022. – Т. 13, № 3.

29. Баранова Ю. О. Роль стандартов в обеспечении качества юридических услуг для населения / Ю. О. Баранова. – DOI 10.17150/2411-6262.2017.8(3).14 // Baikal Research Journal. – 2017. – Т. 8, № 3.

30. Аристотель. Вторая аналитика // Сочинения : в 4 т. / Аристотель. – Москва : Мысль, 1978. – Т. 2. – С. 255–346.

31. Щедровицкий Г. П. Программирование научных исследований и разработок / Г. П. Щедровицкий. – Москва, 1999. – Т. 1. – 288 с. – (Сер. «Из архива Г. П. Щедровицкого»).

32. Берёзкин Ю. М. Методология научных исследований (деятельностный подход): курс лекций / Ю. М. Берёзкин. – Иркутск : Изд-во БГУ, 2016. – 196 с.

33. Щедровицкий Г. П. Философия. Наука. Методология / Г. П. Щедровицкий. – Москва : Шк. культур. политики, 1997. – 656 с.

34. Берёзкин Ю. М. Методология финансовой деятельности: курс лекций / Ю. М. Берёзкин. – Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2016. – 232 с.

35. Тюкавкин Н. М. Теоретические основы рынка ценных бумаг : учеб. пособие / Н. М. Тюкавкин. – Самара : Сам. ун-т, 2016. – 176 с.

36. Алексеева И. А. Эволюция профессиональных участников на российском рынке ценных бумаг / И. А. Алексеева, К. А. Овчинникова. — DOI 10.17150/2500-2759.2019.29(3).416-424 // Известия Байкальского государственного университета. — 2019. — Т. 29, № 3. — С. 416-424.

37. Хромов Е. А. Совершенствование современных методов анализа «справедливой стоимости» акций / Е. А. Хромов // Российское предпринимательство. — 2010. — Т. 11, № 7. — С. 97-101.

38. Барулин С. В. Сущность финансов: новые реалии / С. В. Барулин, Т. М. Ковалева // Финансы и кредит. — 2004. — № 5 (143). — С. 2-8.

39. Финансы и кредит СССР / под ред. В. П. Дьяченко. — Москва ; Ленинград : Госфиниздат, 1940. — 576 с.

40. Щедровицкий Г. П. Знак и деятельность : в 3 кн. / Г. П. Щедровицкий. — Москва : Вост. лит., 2005. — Кн. 1 : Структура знака: смысл, значения, знания. — 463 с.

41. Берёзкин Ю. М. Проблемы и способы организации финансов / Ю. М. Берёзкин. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2006. — 248 с.

42. Щедровицкий П. Г. Цикл лекций «Повестка дня 2010-х». 4-7 сентября / П. Г. Щедровицкий. — 2011. — URL: <http://berezkin.info/wp-content/uploads/2012/02/Schedrovicky-Plekci-v-Irkutske-2011.pdf> (дата обращения: 08.01.2024).

43. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV-XVIII вв. : в 3 т. / Ф. Бродель ; пер. с фр. Л. Е. Куббеля. — Москва : Прогресс, 1988. — Т. 2 : Игры обмена. — 632 с.

44. Ходский Л. В. Политэкономия в связи с финансами / Л. В. Ходский. — Санкт-Петербург : Тип. Стасюлевича, 1887. — 536 с.

45. Фуко М. Обменивать // Слова и вещи: археология гуманитарных наук / М. Фуко. — Санкт-Петербург : А-сад, 1994. — Гл. 6. — С. 93-237.

46. Шумпетер Й. Теория экономического развития / Й. Шумпетер. — Москва : Прогресс, 1982. — 458 с.

47. Гильфердинг Р. Финансовый капитал. Новейшая фаза в развитии капитализма / Р. Гильфердинг ; пер. с нем. Н. Степанова. — Санкт-Петербург : Гос. изд-во, 1922. — 460 с.

48. Деньги, кредит, банки : учебник / под общ. ред. М. С. Марамыгина, Е. Н. Прокофьевой. — Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2019. — 384 с.

49. Веблен Т. Теория праздного класса: экономическое исследование институций / Т. Веблен. — Москва : Прогресс, 1984. — 370 с.

50. Коммонс Дж. Институциональная экономика / Дж. Коммонс ; пер. с англ. А. А. Курьшевой // Экономический вестник Ростовского государственного университета. — 2007. — Т. 5, № 4. — С. 38–51.

51. Коуз Р. Природа фирмы / Р. Коуз // Фирма, рынок и право. — Москва : Новое изд-во, 2007. — С. 36–57.

52. Parsons T. Prolegomena to a Theory of Social Institution / T. Parsons // American Sociological Review. — 1990. — Vol. 55, № 3. — P. 319–333.

53. Хайек Ф. Пагубная самонадеянность. Ошибки социализма / Ф. Хайек. — Москва : Новости, 1992. — 303 с.

54. Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / Д. Норт ; пер. с англ. К. Мартынова, Н. Эдельмана. — Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2010. — 256 с.

55. Эгертссон Т. Экономическое поведение и институты : пер. с англ. / Т. Эгертссон. — Москва : Дело, 2001. — 408 с.

56. Стратегическое управление в зарубежных финансовых институтах развития / под ред. В. Д. Андрианова. — Москва : Консалтбанкир, 2012. — 272 с.

57. Макконнел К. Р. Экономикс: принципы, проблемы и политика / К. Р. Макконнел. — Москва : Республика, 1992. — Т. 1. — 399 с.

58. Коновалова М. Е. Институциональная структура системы финансовых институтов региона / М. Е. Коновалова, О. Ю. Кузьмина, Е. С. Недорезова. — DOI 10.14451/2.12329 // Вопросы экономики и права. — 2018. — № 9 (123). — С. 29–34.

59. Финансовые рынки и институты : учебник / Е. Г. Князева, Е. А. Разумовская, Н. Н. Мокеева, М. И. Львова, О. А. Школик, Ю. В. Истомина ; под общ. ред. О. А. Школика. – Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2021. – 312 с.

60. Новиков А. В. Финансовые рынки и финансовые институты : учеб. пособие / А. В. Новиков, И. Я. Новикова ; Новосиб. гос. ун-т экономики и упр. – Москва : Ай Пи Ар Медиа, 2021. – 247 с.

61. Финансово-кредитные институты и финансовые рынки : учеб. для обучающихся по направлению подгот. 38.04.08 «Финансы и кредит» (уровень магистратуры) : в 2 ч. / Р. Т. Балакина и др. – Омск : Изд-во Ом. гос. ун-та, 2015.

62. Ромашкина Р. К. Финансовые рынки и финансовые институты : учеб. пособие / Р. К. Ромашкина ; Новосиб. гос. ун-т экономики и упр. – Новосибирск : НГУЭУ, 2015. – 224 с.

63. Одинцова М. И. Институциональная экономика : учебник / М. И. Одинцова. – 2-е изд. – Москва : Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 387 с.

64. Шмерлина И. А. Понятие «социальный институт»: анализ исследовательских подходов / И. А. Шмерлина // Социологический журнал. – 2008. – № 4. – С. 53–69.

65. Минеев М. В. Понятие «Институт», как главное методологическое основание институционального подхода / М. В. Минеев // Социология. – 2020. – № 3. – С. 18–27.

66. Бергер П. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – Москва : Медиум, 1995. – 323 с.

67. Дюркгейм Э. Метод социологии // О разделении общественного труда. Метод социологии / Э. Дюркгейм ; пер. с фр. и послесл. А. Б. Гофмана. – Москва : Наука, 1990. – С. 391–532.

68. Hamilton W. Institution // Encyclopedia of the social sciences. New York, 1932. Vol. 8. P. 84 [цит. по: Сорокина С. Г. Торстейн Веблен и его книга «Теория праздного класса» : [вступ. ст.] / С. Г. Сорокина // Веблен Т. Теория праздного класса. – Москва : Прогресс, 1984. – С. 5–54].

69. Searle J. R. Mind, language and society: Philosophy in the real world / J. R. Searle. — New York : Orion Publishing Group, Limited, 1999. — 175 p.

70. Grafstein R. Institutional realism: the social and political constraints on rational actors / R. Grafstein. — New Haven ; London : Yale Univ. Press, 1992. — 272 p.

71. Берёзкин Ю. М. Основания деятельностной методологии / Ю. М. Берёзкин. — Иркутск : Изд-во БГУЭП, 2012. — 354 с.

72. Дубровский В. Я. Сферы массовой деятельности и институты / В. Я. Дубровский // SUMMA METHODOLOGIAE. — Санкт-Петербург : Изд. дом «Корвус», 2018. — Т. 1. — С. 79–110.

73. Метелева Е. Р. Определение ключевых терминов в социальной сфере / Е. Р. Метелева. — DOI 10.17150/1993-3541.2016.26(1).90-98 // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2016. — Т. 26, № 1. — С. 90–98.

74. Самаруха А. В. Направления и механизмы стратегической модернизации торговой сферы и потребительского рынка ресурсно-сырьевого региона в условиях глобализации / А. В. Самаруха // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2012. — № 5 (85). — С. 41–44.

75. Даниленко Н. Н. Обеспечение экологической составляющей устойчивого развития туризма через взаимодействие субъектов туристической сферы в регионе (на примере Прибайкалья) / Н. Н. Даниленко, Н. В. Рубцова // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2013. — № 4 (90). — С. 54–61.

76. Щукина Т. В. Активизация участия организаций сферы производства строительных материалов в государственных закупках / Т. В. Щукина, М. Е. Горчакова. — EDN PJLWOB DOI 10.17150/2500-2759.2023.33(1).37-45 // Известия Байкальского государственного университета. — 2023. — Т. 33, № 1. — С. 37–45.

77. Большой толковый словарь русского языка / под ред. С. А. Кузнецова. — URL: <https://gramota.ru/biblioteka/slovari/bolshoj-tolkovyy-slovar?ysclid=lwxckrrmnh58264960> (дата обращения: 08.01.2024).

78. *Анналы ММК: 1972 (1). Сфера деятельности. Методологическое мышление и рефлексия* / отв. ред. А. А. Пископфель, В. Р. Рокитянский, Л. П. Щедровицкий. — Москва : Наследие ММК, 2012. — 308 с.

79. Марача В. Г. Комментарии к статье Б. В. Сазонова «Организация как социальный институт. Смена парадигм» / В. Г. Марача. — 2004. — URL: <https://www.fondgp.ru/old/lib/mmk/97.html> (дата обращения: 08.01.2024).

80. Берёзкин Ю. М. Институциональные проблемы проектного финансирования с позиций деятельностного подхода / Ю. М. Берёзкин. — DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(1). 57-66 // *Известия Байкальского государственного университета*. — 2022. — Т. 32, № 1. — С. 57-66.

81. Булгаков С. Н. *Философия хозяйства* / С. Н. Булгаков. — Москва : Наука, 1990. — 412 с.

82. Попов С. В. Классический идеал научного знания. Неклассический идеал знания / С. В. Попов // *Вопросы методологии*. — 1992. — № 2. — С. 55-57.

83. Поппер К. *Логика и рост научного знания* / К. Поппер. — Москва : Прогресс, 1983. — 302 с.

84. Щедровицкий Г. П. *Оргуправленческое мышление: идеология, методология, технология* / Г. П. Щедровицкий. — Москва : Путь, 2000. — Т. 4. — 384 с. — (Сер. «Из архива Г. П. Щедровицкого»).

85. Копылов Г. Г. *Научное знание и инженерные миры* / Г. Г. Копылов // *Кентавр*. — 1996. — № 1. — С. 16-22.

86. Копылов Г. Г. *О мифе научной истины* / Г. Г. Копылов // *Кентавр*. — 1998. — № 19. — С. 44-52.

87. Попов С. В. *Мышление в «зоне риска»* / С. В. Попов // *Кентавр*. — 1994. — № 3. — С. 3-31.

88. Розин В. М. *От социальной инженерии к инициации общественных изменений* / В. М. Розин // *Кентавр*. — 2000. — № 23. — С. 15-19.

89. Нитти Ф. *Основные начала финансовой науки* / Ф. Нитти ; пер. с итал. И. Шрейдера. — Москва : М. и С. Сабашниковы, 1904. — 624 с.

90. Озеров И. Х. Основы финансовой науки / И. Х. Озеров. — Москва, 1908. — Вып. 1. — 535 с.

91. Кондаков Н. И. Логический словарь-справочник / Н. И. Кондаков. — Москва : Наука, 1975. — 720 с.

92. Бригхем Ю. Финансовый менеджмент. Полный курс : в 2 т. / Ю. Бригхем, Л. Гапенски. — Санкт-Петербург : Экон. шк., 1997. — Т. 1. — 497 с.

93. Марача В. Г. Исследование мышления в ММК: семиотические и институциональные предпосылки / В. Г. Марача // Кентавр. — 1997. — № 18. — С. 7-16.

94. Попов С. В. Современное состояние методологии: цикл докладов, прочитанных 30.10.-01.11.1999 г. в г. Иркутск / С. В. Попов. — Москва : Архив ММАСС, 1999.

95. Попов С. В. Материализация метода / С. В. Попов / Метод: вчера и сегодня : материалы 1-го методол. конгр. (20-21 марта 1994 г.). — Москва : Шк. культуры. политики, 1995. — С. 89-110.

96. Пушкарева В. М. История финансовой мысли и политики налогов / В. М. Пушкарева. — Москва : Инфра-М, 1996. — 190 с.

97. Сабанти Б. М. Развитие финансов и финансовой науки: период феодализма / Б. М. Сабанти. — Иркутск : Изд-во ИГУ, 1986. — 106 с.

98. Витте С. Ю. Конспект лекций о народном и государственном хозяйстве / С. Ю. Витте. — Санкт-Петербург, 1912. — 568 с.

99. Иловайский С. Финансовое хозяйство и финансовая наука / С. Иловайский. — Б. м. : Б. и., 1908. — 592 с.

100. Ходский Л. В. Основы государственного хозяйства: курс финансовой науки / Л. В. Ходский. — Санкт-Петербург, 1913. — 580 с.

101. Янжул И. И. Основные начала финансовой науки / И. И. Янжул. — 4-е изд. — Санкт-Петербург : Тип. М. Стасюлевича, 1904. — 498 с.

102. Никитский А. А. Основы финансовой науки и политики / А. А. Никитский. — Москва : Книгоизд-во «Польза» :

АНТИК И К^о, 1909. – 256 с. – URL: <https://elib.fa.ru/oldbook/Nikitskij.pdf/view> (дата обращения: 08.01.2024).

103. Растеряев Н. Государственное хозяйство: курс финансовой науки / Н. Растеряев. – Санкт-Петербург : Тип. т-ва «Народная польза», 1904. – 562 с.

104. Финансы капитализма : учебник / под ред. Б. Г. Болдырева. – Москва : Финансы и статистика, 1990. – 384 с.

105. Вебер М. Избранные произведения / М. Вебер. – Москва : Прогресс, 1990. – 808 с.

106. Попов С. В. Построение методологии общественных дисциплин : материалы рабочего семинара ММАСС / С. В. Попов. – Москва : Архив ММАСС, 1996.

107. Вопросы теории финансов / под ред. В. П. Дьяченко. – Москва : Госфиниздат, 1957. – 192 с.

108. Гефтер М. Я. История позади? Историк – человек лишний? / М. Я. Гефтер // Вопросы философии. – 1993. – № 9. – С. 3–15.

109. Буковецкий А. И. Введение в финансовую науку / А. И. Буковецкий. – Ленинград : Гос. фин. изд-во СССР. Ленингр. обл. отд-ние, 1929. – 251 с.

110. Кулишер И. М. Очерки финансовой науки : в 2 вып. / И. М. Кулишер. – Петроград : Наука и школа, 1919–1920.

111. Штейн Л. Финансовая наука / Л. Штейн. – Санкт-Петербург : Тип. СТА, 1885. – Вып. 1 : Государство. – 53 с.

112. Меньков Ф. А. Основные начала финансовой науки / Ф. А. Меньков. – Москва : Фин.-экон. бюро НКФ СССР, 1924. – Вып. 1. – 130 с.

113. Бирман А. М. Очерки теории советских финансов / А. М. Бирман. – Москва : Финансы, 1968. – Вып. 1. – 208 с.

114. Эберг К. Т. Курс финансовой науки / К. Т. Эберг. – Санкт-Петербург : Тип. А. Розена, 1913. – XII. – 592 с.

115. Точильников Г. Вопросы советских финансов: очерки теории / Г. Точильников. – Москва : Госфинаиздат, 1962. – 207 с.

116. Чернышев С. Б. Техноэкономика. Кому и зачем нужен блокчейн / С. Б. Чернышев. – Москва : Полит. энцикл., 2018. – 391 с.

117. Сабанти Б. М. Теория финансов : учеб. пособие / Б. М. Сабанти. — Москва : Менеджер, 1998. — 168 с.

118. Финансы : учеб. для вузов / под ред. М. В. Романовского, О. В. Врублевской, Б. М. Сабанти. — Москва : Перспектива : Юрайт, 2000. — 520 с.

119. Финансовый менеджмент / под ред. Н. Ф. Самсонова. — Москва : Финансы, 1999. — 495 с.

120. Казак А. Ю. Финансы и кредит : учеб. для вузов / А. Ю. Казак, Г. И. Белоглазова и др. — Екатеринбург : МП «Пипп», 1994. — 630 с.

121. Лычагин М. В. Финансы и кредит / М. В. Лычагин. — Новосибирск : Изд-во НГУ, 1992. — 199 с.

122. Финансы, денежное обращение и кредит : учеб. / под ред. В. К. Сенчагова, А. И. Архипова. — Москва : Проспект, 1999. — 496 с.

123. Финансы, деньги, кредит : учебник / под ред. О. В. Соколовой. — Москва : Юрист, 2000. — 783 с.

124. Ван Хорн Дж. К. Основы управления финансами / Дж. К. Ван Хорн. — Москва : Финансы и статистика, 1996. — 799 с.

125. Дуонс Дж. Финансово-инвестиционный словарь : пер. с англ. / Дж. Дуонс, Дж. Гудман. — Москва : Инфра-М, 1997. — 586 с.

126. Маршалл Дж. Финансовая инженерия: полное руководство по финансовым нововведениям / Дж. Маршалл, В. Бансал. — Москва : Инфра-М, 1998. — 784 с.

127. Сорос Дж. Алхимия финансов. Рынок: как читать его мысли / Дж. Сорос. — Москва : Инфра-М, 1996. — 415 с.

128. Шим Дж. Финансовый менеджмент / Дж. Шим, Дж. Сигел. — Москва : Филинь, 1996. — 400 с.

129. Балабанов И. Т. Основы финансового менеджмента. Как управлять капиталом? / И. Т. Балабанов. — Москва : Финансы и статистика, 1995. — 384 с.

130. Ковалев В. В. Финансовый анализ / В. В. Ковалев. — 2-е изд., доп. и перераб. — Москва : Финансы и статистика, 1998. — 512 с.

131. Финансовое управление фирмой / под ред. В. И. Терехина. — Москва : Экономика, 1997. — 350 с.
132. Финансовый менеджмент: теория и практика : учеб. для вузов / под ред. Е. С. Стояновой. — 3-е изд., доп. и перераб. — Москва : Перспектива, 1998. — 655 с.
133. Эклунд К. Эффективная экономика: шведская модель / К. Эклунд. — Москва : Экономика, 1991. — 352 с.
134. Жез Г. Общая теория бюджета / Г. Жез. — Москва : Гос. фин. изд-во СССР, 1930. — 339 с.
135. Боголепов М. И. Финансы, правительство и общественные интересы / М. И. Боголепов. — Санкт-Петербург : Изд. О. Н. Поповой, 1912. — 334 с.
136. Маркс К. Тезисы о Фейербахе // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1955. — Т. 3. — 630 с.
137. Маркс К. Капитал : в 3 т. / К. Маркс. — Москва : Изд-во полит. лит., 1988. — Т. 3. — 1078 с.
138. Чернышев С. Б. Иное: письма о техноэкономике / С. Б. Чернышев. — Москва : Изд. дом НИТУ «МИСиС», 2020. — 408 с.
139. Сото Э. де. Загадка капитала. Почему капитализм торжествует на Западе и терпит поражение во всем остальном мире / Э. де Сото. — Москва : Олимп-Бизнес, 2004. — 272 с.
140. Берёзкин Ю. М. Ранний Маркс и современный «финтех» / Ю. М. Берёзкин. — DOI 10.18334/ce.13.2.39881 // Креативная экономика. — 2019. — Т. 13, № 2. — С. 389–406.
141. Платонов С. После коммунизма / С. Платонов. — Москва : Молодая гвардия, 1989. — 256 с.
142. Бабурина О. Н. Санкции и внешнеэкономическая стратегия России сквозь призму Вашингтонского и Пекинского консенсуса / О. Н. Бабурина // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. — 2015. — Т. 11, вып. 23. — С. 48–58.
143. Катасонов В. Миром правит тот, кто печатает деньги / В. Катасонов // Культура. — 2014. — 17 сент. — URL: <https://portal-kultura.ru/articles/person/61036-valentin-katasonov-mirom-pravit-tot-kto-pechataet-dengi> (дата обращения: 08.01.2024).

144. Инфляция в России в 1992 году // СтатБюро : сайт. — URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=&ved=2ahUKewj3u5qUw5X4AhVwhosKHbLx-VEsQFnoECAUQAQ&url=https%3A%2F%2Fwww.statbureau.org%2Fru%2Frussia%2Finflation%2F1992&usg=AOvVaw0oMjyfl-NEl_KyahohBISUr (дата обращения: 08.01.2024).

145. Воробьева М. Федерализм и «вертикаль» власти в современной России / М. Воробьева // Власть. — 2008. — № 6. — С. 48–51.

146. Цалко Д. Из воспоминаний Н. А. Паничева — бывшего министра станкостроения СССР / Д. Цалко // История в кадре. — URL: https://vk.com/wall-135667605_6733?ysclid=m0vx3s5хам854844855 (дата обращения: 08.01.2024).

147. Ананьин О. Вашингтонский консенсус: пейзаж после битв / О. Ананьин, Р. Хаиткулов, Д. Шестаков // Мировая экономика и международные отношения. — 2010. — № 12. — С. 15–27.

148. Маркс К. Немецкая идеология // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1955. — Т. 3. — С. 7–544.

149. Алчиан А. Право собственности / А. Алчиан // Экономическая теория / под ред. Дж. Итуэлла. — Москва : Инфра-М, 2004. — С. 714–723.

150. Уильямсон О. И. Экономические институты капитализма: фирмы, рынки, «отношенческая» контракция / О. И. Уильямсон. — Санкт-Петербург : Лениздат, 1996. — 702 с.

151. Demsetz H. The Cost of Transacting / H. Demsetz // The Quarterly Journal of Economics. — 1986. — Vol. 82, № 1. — P. 33–53.

152. Ефимов В. М. Экономическая наука под вопросом: иные методология, история и исследовательские практики / В. М. Ефимов. — Москва : КУРС : Инфра-М, 2016. — 352 с.

153. Чернышев С. Б. Кому и зачем нужен блокчейн / С. Б. Чернышев // ГЕФТЕР. — 2017. — 20 дек. — URL: <http://gefter.ru/archive/23542> (дата обращения: 08.01.2024).

154. Шайхутдинов Р. Г. Охота на власть / Р. Г. Шайхутдинов. — Москва : МИДИ ПРИНТ, 2005. — 328 с. — (Сер. «Политическое ориентирование»).

155. Коуз Р. Как Китай стал капиталистическим / Р. Коуз, Нин Ван. — Москва : Новое изд-во, 2016. — 386 с.

156. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ. : принят Гос. Думой РФ 21 окт. 1994 г. Ст. 209, 244 // СПС «КонсультантПлюс».

157. Чернышев С. Б. Цепи для собственников. Что может дать блокчейн российской экономике / С. Б. Чернышев // Lenta.ru. — 2016. — 22 сент. — URL: https://lenta.ru/articles/2016/09/22/blockchain_revolution (дата обращения: 08.01.2024).

158. Маркс К. Экономическо-философские рукописи 1844 г. // Сочинения / К. Маркс, Ф. Энгельс. — 2-е изд. — Москва : Гос. изд-во полит. лит., 1974. — Т. 42. — 532 с.

159. Накамото Сатоши. Биткоин: цифровая пиринговая наличность / Сатоши Накамото // Daily-finance. — 2017. — 31 дек. — URL: <https://daily-finance.ru/novosti-kriptoalyut/satoshi-nakamoto-bitkoin-cifrovaia-piringovaia-nalichnost.html> (дата обращения: 08.01.2024).

160. Смит А. Исследование о природе и причинах богатства народов / А. Смит. — Москва : Соцэкгиз, 1962. — 684 с.

161. Смит А. Теория нравственных чувств / А. Смит. — Москва : Республика, 1997. — 351 с.

162. Об утверждении программы «Цифровая экономика Российской Федерации» : распоряжение Правительства Рос. Федерации от 28 июля 2017 г. № 1632-р // Гарант.ру : информ.-правовой портал. — 2017. — 3 сент. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71634878> (дата обращения: 08.01.2024).

163. Теневая экономика в лесозаготовительной деятельности (на примере Иркутской области) / Г. В. Давыдова, М. И. Тагиев, И. М. Тагиев, Е. Н. Рябинина. — DOI 10.17150/2411-6262.2020.11(4).11 // Baikal Research Journal. — 2020. — Т. 11, № 4.

164. Дубровский В. Я. Нарушения норм, стандарты и социальный контроль в воспроизводстве массовой деятельности / В. Я. Дубровский // Этнометодология: проблемы, подходы, концепции. — Москва : Наследие ММК, 2017. — Вып. 22. — С. 10–65.

165. Метелева Е. Р. Новые города в Сибири как драйверы пространственного развития: вызовы и перспективы / Е. Р. Метелева, Т. В. Светник. — DOI 10.17150/2500-2759.2022.32(1).7-15. — EDN CHADCH // Известия Байкальского государственного университета. — 2022. — Т. 32, № 1. — С. 7-15.

166. Астафьев С. А. Креативная экономика как ключевой элемент устойчивого развития территорий / С. А. Астафьев, Г. В. Хомкалов, И. С. Толстоухова. — DOI 10.17150/2411-6262.2021.12(3).16. — EDN KMRAXB // Baikal Research Journal. — 2021. — Т. 12, № 3.

167. Попов С. В. «К 40-летию изобретения ОДИ» / С. В. Попов. — URL: <https://www.youtube.com/watch?v=rG6kF2LTOz8&t=3637s> (дата обращения: 08.01.2024).

168. Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности / М. К. Мамардашвили. — Санкт-Петербург : Азбука, 2010. — 283 с.

169. Фейрабенд П. Избранные труды по методологии науки / П. Фейрабенд. — Москва : Прогресс, 1986. — 542 с.

170. Щедровицкий Г. П. Понимание и интерпретация схемы знания / Г. П. Щедровицкий // Кентавр. — 1993. — № 1. — С. 3-8.

171. Щедровицкий Г. П. Методология и философия управленческой деятельности. Основные понятия и принципы: курс лекций / Г. П. Щедровицкий. — Москва : Путь, 2003. — Т. 5. ОРУ (2). — 285 с. — (Сер. «Из архива Г. П. Щедровицкого»).

172. Вебер М. Основные социологические понятия / М. Вебер // Социологическое обозрение. — 2008. — № 2. — С. 89-127.

173. Никитаев В. Субъекты и типология социокультурных изменений / В. Никитаев // Организация саморазвивающихся инновационных сред / под ред. В. Е. Лепского. — Москва : Когито-Центр, 2012. — С. 60-86.

Научное издание

Берёзкин Юрий Михайлович

**ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ ФИНАНСОВОЙ
ДЕЯТЕЛЬНОСТИ**

Издается в авторской редакции

Оригинал-макет подготовлен К. М. Рыбновым

Дизайн обложки А. А. Мартыновой

ИД № 06318 от 26.11.01.

Подписано в печать 20.11.24. Формат 60×90 1/16. Бумага офсетная.

Печать цифровая. Усл. печ. л. 11,5. Тираж 500 экз. Заказ .

Издательский дом ФГБОУ ВО «БГУ».

Отпечатано в ИПО ФГБОУ ВО «БГУ».

664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11.

<https://bgu.ru>.